

Гудков Георгий Федорович. Родился 8(21) января 1916 года в г. Уфе. В 1941 году окончил Московский инженерно-строительный институт им. В. В. Куйбышева. Участник Великой Отечественной войны. Работал в строительных организациях и учебных заведениях г. Уфы. Автор краеведческих статей. В республиканской периодической печати его статьи публикуются с 1966 года.

Гудкова (Трунина) Зинаида Ивановна. Родилась 10 августа 1933 года в с. Ключи Чембарского района Пензенской области. В 1955 году окончила Ленинградский инженерно-строительный институт. Работала в строительных и проектных организациях г. Уфы. В республиканской периодической печати ее краеведческие статьи публикуются с 1980 года.

Г. Ф. ГУДКОВ, З. И. ГУДКОВА

С.Т. АКСАКОВ

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

Г. Ф. ГУДКОВ, З. И. ГУДКОВА

S. T. Aksakov

С.Т. АКСАКОВ

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УФА — 1981

83.3P1
Г93

ВВЕДЕНИЕ

Среди классиков русской литературы С. Т. Аксаков занимает особое место. Вот как было охарактеризовано его творчество в столетний юбилей со дня смерти: «Буквально пригоршнями можно черпать из произведений Аксакова самоцветы народного словаря... Аксаков — изумительный психолог отроческой души. ...Аксаков обладал каким-то непостижимым даром изображать природу и человека слитно, в неразделимом единстве»¹.

Значение С. Т. Аксакова как писателя-мемуариста переросло не только областные рамки, но даже и государственные: имя С. Т. Аксакова приобрело мировую известность.

Профессор С. И. Машинский в своей монографии о С. Т. Аксакове² пишет, что английский писатель Вильям Хадсон в автобиографической книге «Далекое и прошлое», изданной в 1919 году и считающейся в Англии классическим произведением о детстве, говоря о сложности художественного изображения жизни детей, назвал «Детские годы Багрова-внука» самым крупным достижением автобиографического жанра во всей мировой литературе.

¹ Югов А. Не меркнувшее слово. Известия, 1959, 13 мая.

² Машинский С. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. Издание 2-е, М., Художественная литература, 1973, с. 463, 464.

Г. Ф. Гудков, З. И. Гудкова
Г 93 С. Т. Аксаков. Краеведческие очерки — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. — с. 176.

Авторы книги, проделав большую работу, отыскали в различных архивных источниках множество новых фактов, связанных с жизнью и творчеством нашего земляка, писателя С. Т. Аксакова.

Г 70302—433
М121(03)—81 без объявления

83.3P1

Башкирское книжное издательство, 1981

Есть еще один жанр — охотничьи рассказы и очерки — где С. Т. Аксаков также является непревзойденным, о чем подробнее сказано в главе XVIII.

Современная Аксакову критика оказала его произведениям восторженный прием. «Семейную хронику» Салтыков-Щедрин называл «драгоценным вкладом», обогатившим русскую литературу¹. О том же произведении Герцен писал, как о достоверном историческом документе, который помогает нам «узнать наше неизвестное прошлое» (1; 615).

Описания Аксаковым устройства дедом Степаном Михайловичем усадьбы на новых землях Оренбургского края напоминали Герцену романы Фенимора Купера и Вашингтона Ирвинга: «Читая летопись семейства Багровых², я был поражен сходством старика, переселившегося в Уфимскую провинцию, с «сетлерами»³, переселяющимися из Нью-Йорка куда-нибудь в Висконсин или в Иллиноис... Когда Багров созывает со всех сторон народ засыпать плотину для мельницы, когда соседи с песнями несут землю и он первый торжественно проходит по побежденной реке, так и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона»⁴.

Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский считали, что «Семейная хроника» дает большой материал для обличения крепостничества в России. (1; 615)

Интересную параллель проводит Тургенев между «Семейной хроникой» Аксакова и «Былым и думами» Герцена. «Это в своем роде стоит Аксакова. Я уже, кажется, сказал, что в моих глазах вы представляете два электрических полюса одной и той же жизни — и из вашего соединения происходит для читателя галь-

¹ Аксаков С. Т. Собрание сочинений, т. 1, М., Гос. изд. худож. лит., 1955, с. 53. Последующие ссылки на произведения С. Т. Аксакова будут даваться по этому же изданию указанием тома и страницы в тексте: (1, 53).

² «Семейная хроника» С. Т. Аксакова. (Прим. А. И. Герцена.)

³ Поселенцами, колонистами (от англ. settler) (Прим. А. И. Герцена.)

⁴ Герцен А. И. Сочинения, т. 7, М. Гос. изд. худож. лит., 1958, с. 67.

ваническая цепь удовольствия и поучения» — писал И. С. Тургенев в письме к Герцену¹.

Необходимо отметить исключительно большое краеведческое значение автобиографических произведений С. Т. Аксакова. К сожалению, в этом отношении творчество писателя почти совсем не изучено. Из опубликованных работ по этой теме, кроме нескольких заметок, можно назвать лишь единственную и недавно изданную книгу М. А. Чванова².

Во всех изданиях произведений С. Т. Аксакова отсутствует или крайне слабо представлен справочный аппарат. В примечаниях и в указателях личных имен и географических названий, даже если они и прилагались, почти не давалось краеведческих сведений. О слабости изданий географическими картами и схемами даже и говорить не приходится — их не было.

Из одного издания сочинений С. Т. Аксакова в другое в лучшем случае переходили весьма скудные примечания, сделанные еще сыном автора Иваном Сергеевичем Аксаковым в 1870 и 1886 гг. С тех пор, т. е. почти за сто лет, никто ничего не добавил. Исключение, конечно, составляют примечания С. И. Машинского для двух последних изданий произведений С. Т. Аксакова в 1955—1956 и 1966 годах. Но примечания Машинского касаются только лиц из числа московского и петербургского окружения С. Т. Аксакова, и лишь очень немногих — из казанского.

А между тем в произведениях С. Т. Аксакова, сделавших имя автора знаменитым, речь идет прежде всего о лицах нашего края.

Нет сведений и о том, чтобы кто-либо в прошлом из наших местных краеведов, — а среди них были такие имена, как Р. Г. Игнатьев, Н. А. Гурвич, В. С. и М. В. Лосиевские, — попытался бы раскрыть подлинные имена действующих лиц в произведениях С. Т. Аксакова из числа жителей нашего края, уточнить хронологию упоминаемых автором событий или привести какие-либо подробности из истории населенных пунктов, где имели место описываемые автором события.

¹ Тургенев И. С. Собрание сочинений, т. 11, М., Правда, 1949, с. 155.

² Чванов Михаил. Аксаковские места в Башкирии. Уфа, Башкиргоиздат, 1976.

Все эти обстоятельства в значительной мере затрудняют читателям, особенно современным, глубокое восприятие историко-краеведческого колорита произведения С. Т. Аксакова.

Аксаков, как описатель природы нашего края, не имеет себе равных. Нельзя вспомнить реку Дему, не вспомнив имя писателя, воспевшего красоту ее берегов и рыбные богатства ее вод.

Ю. А. Узиков, автор нескольких книг и многих газетных статей о пребывании В. И. Ленина в Уфе, приводит воспоминания Н. К. Крупской, записанные в 1934 году известным уфимским краеведом П. Ф. Ищериковым. Во время приезда в Уфу летом 1900 года В. И. Ленин обзирал окрестности города с высокого берега реки Белой и вспоминал Аксакова, рассматривая ли забельские дали со Случевской горы, или любуясь устьем реки Демы с крутого утеса у водонапорной башни¹.

Читая автобиографическую трилогию С. Т. Аксакова: «Семейную хронику», «Детские годы Багрова-внука» и «Воспоминания», можно познакомиться не только с целой плеядой известных деятелей нашего края, некоторые из которых — Д. Б. Мертваго, братья А. М. и Д. М. Княжевичи, Г. С. Винский — приобрели впоследствии общероссийскую известность как крупные государственные, научные и общественные деятели, или авторы интересных литературных трудов мемуарного жанра, но и со всеми близкими и с очень многими дальними родственниками и знакомыми писателя, оказавшими на него то или иное влияние.

Некоторые персонажи в «Семейной хронике» и в «Детских годах Багрова-внука» были выведены не под своими именами. Сама фамилия Аксаковых была заменена фамилией Багровых. Отец, Тимофей Степанович, назван Алексеем Степановичем. Мать, Мария Николаевна, урожденная Зубова, именовалась Софьей Николаевной Зубиной. Двоюродная сестра деда писателя — Надежда Ивановна Куроедова — фигурирует как Прасковья Ивановна Куролесова, а ее родовое имя, доставшееся впоследствии в наследство самому автору, с. Надеждино, примыкающее ныне к окраине города Белебея, дано под названием Парашино.

¹ Узиков Ю. На грани двух веков. «Вечерняя Уфа», 1980, 18 февраля.

Автобиографический характер носят и некоторые другие произведения С. Т. Аксакова. К его трилогии больше всего приближается повесть «Наташа», сюжетом которой является сватовство к сестре автора Надежде.

В упомянутой выше монографии С. И. Машинского отмечается, что «...наша историко-литературная наука долгое время проходила мимо наследия этого художника. Этот пробел лишь отчасти восполнили изданные в 1955—1956 и 1966 годах два собрания его сочинений в четырех и пяти томах.

Следует отметить, что труд С. Машинского «С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество» является самым капитальным исследованием в этой области.

* * *

При изучении творчества любого писателя можно наблюдать как бы два направления. Первое — литературоведческое, где дается разбор и оценка произведений с позиций художественности, своеобразия стиля, языка, социальной направленности и идейной значимости. Второе — краеведческое, где основное внимание уделяется биографии писателя, дается возможно более полный историко-краеведческий текстологический анализ произведений, тесно увязанный с биографической канвой жизни автора.

Оба эти направления могут быть независимы друг от друга, но чаще всего в конкретных исследованиях они сливаются, причем, как правило, преобладает первое направление. И тогда можно говорить о краеведческом литературоведении. Много реже встречается другой пример, когда основное внимание в исследовании уделяется историко-краеведческому материалу. В этом случае правильнее было бы употребить термин — литературоведческое краеведение.

К сожалению, ни краеведы, ни литературоведы не делают различия между этими двумя терминами, хотя между ними разница не меньшая, чем, например, между терминами физическая химия и химическая физика, где уже давно соответствующие этим терминам научные понятия рассматриваются как различные научные дисциплины. Такое отставание не случайно, оно является следствием недостаточной теоретической разработки краеведения, как науки. Общеизвестно определение

краеведения как всестороннего изучения определенной (обычно небольшой) части страны, причем, если изучается общество, то тогда краеведение носит название исторического, а если — природы, то — природоведческого, (последний термин не распространен). Принято считать также, что в зависимости от размера изучаемая территория подразделяется на три основные группы («ступени» или «концентры» краеведения):

- а) край, область (губерния);
- б) город, район, сельсовет (уезд, кантон, волость);
- в) деревня, микрорайон, улица.¹

Но с таким трехступенчатым делением территории при краеведческом изучении согласиться нельзя, так как в нем нет первой, начальной ступени — усадьбы с домом, чем наносится ущерб изучению первичной ячейки общества — семьи, а следовательно и отдельной личности.

Мы полагаем, что первой ступенью в историческом краеведении следует считать изучение истории отдельной семьи, с возможно более полным использованием материалов генеалогии.

Краеведческое образование и воспитание детей должно даваться в семье уже в раннем возрасте и начинаться с изучения биографии родителей, предков и родственников. Затем это образование и воспитание должно закрепляться, продолжаться и расширяться в учебных заведениях, где во всей полноте должны быть раскрыты также краеведческие понятия последующих ступеней: деревни, города, области и края, с соответствующим изучением истории школы и других организаций.

Изучение природы будет также более гармоничным и глубоким, если оно начнется в семейных же условиях еще в детстве, и с самой начальной ступени, т. е. с усадьбы и ближайшей к ней местности.

Не случайно великий русский географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский в своих мемуарах так подробно останавливается на том впечатлении, которое произвели на

¹ Милонов Н. П. и другие. Историческое краеведение... Пособие для студентов педвузов. Просвещение, 1969, с. 3, 4;

Комиссаров Г. Что такое «краеведение»? Башкирский краеведческий сборник № 1, 1926, Уфа, Башкнига, 1926, с. 4.

него в десятилетнем возрасте весенние водопады в ближайших от дома оврагах.¹

П. А. Кропоткин, вспоминая свое детство, пишет: «За Калугою дорога шла верст семь чудным сосновым бором, и этот бор соединен у меня с самыми счастливыми воспоминаниями детства... В этом лесу зародилась моя любовь к природе и смутное представление о бесконечной ее жизни»².

В жизни С. Т. Аксакова ранние детские впечатления об окружающей природе, о семье и о близких людях оставили самый яркий неизгладимый след на всю жизнь, быть может, предопределив развитие его творческого таланта.

Великолепным примером краеведческой работы первой и второй ступеней может служить уфимская школа № 11. Музей истории этой школы (в прошлом — гимназии), существующей с 1828 года, был организован свыше десяти лет тому назад Е. И. Никуличевой. По широте и глубине научно-исследовательской и по размаху поисковой работы, по богатству экспонатов и собранного материала музей этот является лучшим в стране среди школьных музеев данного профиля. В этом убеждает авторов не только близкое знакомство с работой этого музея, но и литературные данные о нем, среди которых, кроме многочисленных материалов в местных газетах, появилось и несколько статей в педагогических журналах³.

Чем меньше изучаемый в краеведении объект, тем более четко проявляются специфические особенности краеведения, как науки: 1 — комплексность изучения объекта в сочетании с детализацией; 2 — повышенный интерес к биографии отдельных личностей, в том числе и таких, которые не являются выдающимися, причем

¹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары, т. 1, Детство и юность (1827—1855). Пг, Издание семьи, 1917, с. 117—119.

² Кропоткин П. А. Записки революционера. М., Мосполиграф, 1924, с. 49.

³ Муниров Р., Никуличева Е. Музей истории школы. Воспитание школьников, 1974, № 5, с. 37—39. Муниров Р., Никуличева Е. Музей истории школы. Народное образование, 1976, № 1, с. 72—75. Матвеев В. Живой и кровный союз. Семья и школа, 1979, № 4, с. 4—6.

здесь четко оказывает влияние принцип масштабности. В первой ступени любая личность является предметом глубокого изучения, в последующих ступенях внимание сосредоточивается на более выдающихся личностях. 3 — точность во времени и пространстве. Например, в первой ступени при изучении биографии какого-либо лица, место дома, в котором он жил, желательно определить возможно точнее. В четвертой ступени, например, в истории края, бывает иногда достаточно сказать, упоминая про того же деятеля, что он жил в таком-то городе или селе.

Недостаточная теоретическая разработка вопросов краеведения приводит к неправильным решениям ряда практических краеведческих задач. Например, мемориальная доска на доме, где жил выдающийся деятель культуры, не указывает квартиры, даже в том случае, если в доме больше двухсот квартир и число жителей в нем превосходит численность населения некоторых дореволюционных городов.

При публикациях в газетах сообщений о смерти (а материал этот является краеведческим первой ступени), почти никогда не указывается дата смерти и возраст умершего. Даже в некрологах это сообщается не всегда. А ведь такие публикации, наряду с записями актов гражданского состояния (метрическими записями), имеют источниковедческое значение.

Мы сделали небольшое отступление от нашей темы в область теории краеведения исходя из того, что изложенные выше положения служили нам теоретической основой в работе над данной книгой.

Если читатель найдет в ней положительные стороны, то он может их рассматривать как подтверждение правильности высказанных выше взглядов о краеведении.

Авторы продолжают работу по аксаковской теме и будут благодарны всем читателям, сообщившим им свои замечания и дополнения в адрес Башкирского республиканского краеведческого музея: 450025, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 10.

*Посвящается внукам:
Наташе, Косте и Алеше*

Глава I

КНЯЖЕВИЧИ

«Ах, маменька, так это те Княжевичи, которые учили меня бить лбом грецкие орехи!» Так воскликнул Сережа Аксаков, привезенный родителями в Казань, при посещении дома своих уфимских знакомых Княжевичей. В «Воспоминаниях» С. Т. Аксаков пишет, что «...это был дом старинных друзей моего отца и матери, Максима Дмитриевича и Елизаветы Алексеевны Княжевичей, которые прежде несколько лет жили в Уфе, где Максим Дмитриевич служил губернским прокурором (вместе с моим отцом), и откуда он переехал тоже прокурором на службу в Казань... Максим Дмитриевич еще в молодости выехал из Сербии. Он прямо поступил в кавалергарды, а потом был определен в Уфу.» (2;9).

О начале служебной деятельности в Уфе есть такая запись в «Дневнике» Ребелинского: ¹ «Ноября 6 (1792). Сегодня видел получен-

¹ Дневник Ребелинского хранится в рукописи в Башкирской книжной палате.

ный с нынешней почтой из сената указ об отставке губернского прокурора Тимашева, а на место его быть секунд-майору Княжевичу.»

М. Д. Княжевич настоял, чтобы, не откладывая, определить Сережу Аксакова в казанскую гимназию из-за отсутствия тогда в Уфе средних учебных заведений (кроме духовной семинарии).

В казанской гимназии учились одновременно с Сергеем Аксаковым сыновья Максима Дмитриевича: Дмитрий и Александр. Максим Дмитриевич Княжевич женился в России на Рудневой Елизавете Алексеевне. Он имел дочь, вышедшую замуж за профессора Дерптского университета В. М. Перевощикова, и четырех сыновей: Дмитрий (1783—1844), Александр (1792—1873), Владислав (1798—1873) и Николай. Все четыре брата занимались литературной деятельностью. В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова отмечается, что Дмитрий печатался под двенадцатью, Александр — под шестью, Владислав — под тремя и Николай — под четырьмя псевдонимами. Особенно широко были известны два старших брата — Дмитрий и Александр.

Дмитрий Княжевич — археолог, этнограф, попечитель Одесского учебного округа. Он автор «Полного собрания русских пословиц и поговорок» — первого такого рода издания в России. (СПБ. 1822). В Одессе он основал «Одесское общество истории и древностей»; составлял записки этого общества. Он был издателем «Одесского альманаха» при участии известного литературного критика

Н. И. Надеждина. Помещение материалов об Одессе в этом альманахе вызвало одобрение В. Г. Белинского.

В 1841 году Н. И. Надеждин вместе с Д. М. Княжевичем совершили путешествие за границу. Они побывали на родине отца, где нашли его родной дом в селении Мутилич, вблизи турецкой границы Австро-Венгрии. Н. И. Надеждин свое путешествие описал в книге «Род Княжевичей»¹. Им установлено, что род Княжевичей известен с 1460 года, когда венгерский король Матвей Корвин пожаловал Ивану Крушевичу-Княжевичу дворянскую грамоту. В книге дана генеалогическая таблица рода, начиная от прапрадеда Максима Дмитриевича — Уроша.

Александр Княжевич известен не только литературной деятельностью, но и служебной. Он был министром финансов и членом Государственного совета. Нами найден архивный документ, подтверждающий его пребывание в Уфе в чине действительного тайного советника в 1861 году; это метрическая книга Троицкой церкви, где дана запись о рождении 28 августа 1861 года внука С. Т. Аксакова — Сергея Григорьевича. Княжевич записан там как крестный отец С. Г. Аксакова².

¹ Надеждин Н. И. Род Княжевичей. Одесса, 1842.

² ЦГА БАССР, ф. 294, оп. 2, д. 2, Метрическая книга Троицкой церкви, л. 25 об., 26.

Глава II

Г. С. ВИНСКИЙ

Почти с первых лет своего существования Уфа служила местом ссылки. История в трудах Карамзина сохранила имена первых уфимских ссыльных. При Борисе Годунове, в июне 1601 г., был сослан в Уфу воевода Яренский, попавший в опалу по делу о боярах Романовых. В марте 1602 г. в Уфу переведен из пельмской тюрьмы боярин Иван Никитьевич Романов, дядя царя Михаила, первого из рода Романовых. В 1606 г. царем Василием Ивановичем Шуйским сослан в Уфу на воеводство известный дьяк Афанасий Власьев, пожалованный перед тем Ажедмитрием I в звание великого секретаря и надворного подскарбия или казначея.

Почетной ссылкой можно назвать и расселение в нашем крае в середине 17 века сотен семейств смоленских шляхтичей для защиты юго-восточных рубежей России. Среди этих шляхтичей находился и Григорий Иванович Пекарский — прапрапрадед академика Петра Петровича Пекарского, известного ученого-историка и библиографа, родившегося в 1827 г. в поместье Отрада — ныне село Базилевка, под Уфой.

Большое число ссыльных поляков появилось в Уфе после первого раздела Польши в 1772 г. и после подавления польских восстаний 1830—1831 гг. и 1863 г. В Уфу ссылались люди не только по политическим мотивам, но и за уголовные преступления.

В 1780 г. в наш край попадает в ссылку 28-летний Григорий Степанович Винский,

уроженец украинского города Почепа (ныне в Брянской области). На 18-м году жизни Винский переехал в Петербург и поступил в лейб-гвардии Измайловский полк. Оставив службу через четыре года каптенармусом, Винский ведет в столице разгульный образ жизни, но одновременно занимается самообразованием. Запутавшись в долгах, он был замешан, по его словам — невинно, в подлоге денежных документов. После 13-месячного заключения в крепости он был осужден на вечную ссылку в Оренбургский край, где остается до конца дней своей жизни.

Продолжая заниматься самообразованием, Винский поступает на службу в помещичьи семьи гувернером. За несколько десятилетий жизни в нашем крае ему суждено было побывать во многих городах и селах, работать в различных семьях, встречаясь с известными людьми своего времени. В Уфе Винский прожил около 12 лет.

Впервые в литературе имя Г. С. Винского появилось только после его смерти, в 1845 г., в трудах А. И. Тургенева. Александр Иванович Тургенев — друг А. С. Пушкина и брат декабриста Николая Ивановича Тургенева, осужденного приговором Верховного суда на вечное изгнание из России, был одним из самых образованных и прогрессивных русских людей своей эпохи. Гуманист и противник крепостничества, А. И. Тургенев связал свою судьбу с судьбой брата, и почти 20 лет, с 1825 по 1845 год, провел за границей. Посылаемые им оттуда письма с восхищением читались Пушкиным, Вяземским, Жуковским и попадали в печать. В одном из последних писем,

опубликованных в журнале «Москвитянин» за 1845 г., № 3, под заголовком «Хроника русского в Париже», А. И. Тургенев пишет: «Я прочел в одни сутки записки Винского «Мое время». Эта рукопись уже четверть века у меня, и я первый раз вполне прочел ее. Я не мог оторваться от книги... Для Гоголя эта книга была бы кладом: Киев, Академия, шляхетство, общественная жизнь в Малороссии, нравы и справедливый взгляд на влияние французов в России, редкий в наше время...

Сосланный, по лишению дворянства, в Оренбургскую губернию, Винский провел там большую часть жизни своей и кончил ее там же: тут началось его нравственное возрождение с молодой, милой женой, последовавшей за ним, вопреки всему, в ссылку. Винский начал заниматься языками, науками, учиться, чтобы быть учителем. Описание эпохи своего секретарства при винном распутном откупщике, учительства у губернаторов, помещичьей жизни в городах и деревнях, обхождение дворян с крестьянами и с дворовыми. Охота псовая и ружейная, и различное влияние каждой на нравственность охотников. Портреты помещиков и жен, и детей их... Чтение и книги: влияние на дворян, благодарность его некоторым помещикам — Мюллеру, Андреевскому. Знакомство с Рычковым». Наш читатель может ознакомиться с этим отрывком по книге А. И. Тургенева «Хроника русского»¹.

¹ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826). М.-Л., 1964, с. 248—249.

Впервые «Мое время» Винского было опубликовано в журнале «Русский архив», № 1 за 1877 г. с замечаниями редактора П. И. Бартенева, помещенными в следующем номере. Отдельной книгой «Мое время» было выпущено в 1914 г. петербургским издательством «Огни».

А. Н. Пыпин, известный ученый-литературовед, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского, свою статью «Рассказы из екатерининского века», опубликованную в журнале «Вестник Европы» за 1877 г., № 7, посвящает подробному разбору мемуарных записок Винского и дает им весьма высокую оценку: «Записки Винского производят ... между прочим, одно впечатление, какого вообще не производили наши старые писатели: он так близок к нашим понятиям, что читая его, не нужно никакого усилия переноситься в старое время, становиться на «историческую точку зрения». Он судит просто и здраво, и угадывает суждения позднейшей истории». А. Н. Пыпин особо подчеркивает значение «Моего времени» в том, что «Вследствии разных обстоятельств литература обходила много вопросов, без которых невозможно ясно и твердо осознать наше прошедшее, а затем, следовательно, и настоящее. Нет сомнения, что это положение вещей, т. е. молчание исследований и печати о многих важных исторических предметах составляют одну из самых слабых сторон нашей исторической науки и нашей исторической мысли». Обстоятельства же эти сводились, как пишет А. Н. Пыпин, к тому, что «Восемнадцатый век приучил нас к пантегирику. В обществе и литературе был невоз-

можен другой тон; еще с времен московского царства опасно было говорить о государственных вопросах с какой-либо тенью критики; во времена Петра «мятежи и казни» усилили эту опасность...»

Интересно высказывание литературоведа — известного пушкиниста П. Е. Щеголева. «Винскому удается то, что авторам мемуаров удается редко: показать, как чувствовалось в его время. Обычно пишущие мемуары показывают только как жилось» — пишет П. Е. Щеголев во вступительной статье к «Моему времени» в издании «Огни».

Литература о Г. С. Винском не велика. Об отношении С. Т. Аксакова к Винскому сообщим ниже. Сейчас же отметим, что кроме упомянутых выше статей А. И. Тургенева и П. И. Бартенева можно назвать лишь краткие биографические справки в некоторых энциклопедиях, в том числе «Большой Советской».

Даже в многотомном «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова, где нашлось место литераторам не только третьестепенным, но — без особого преувеличения будет сказано — и десятистепенным, Г. С. Винский пропущен. Впрочем, его имя все же там упоминается. Один из читателей «Словаря», А. В. Смирнов из г. Владимира, в 1893 г. написал С. А. Венгерову, что в «Словаре» необходимо поместить Винского, и это письмо было опубликовано в 6 томе «Критико-биографического словаря».

Не сочли нужным упомянуть о Винском, как это ни странно, ни в «Литературной эн-

циклопедии», ни в «Краткой литературной энциклопедии».

Все то небольшое, что было написано о записках Винского, касалось лишь оценки их с общелитературных и исторических позиций. В краеведческой литературе личность и труды Винского до сих пор не нашли должного освещения.

Вопрос этот — предмет специального исследования. Здесь ограничимся лишь краткими замечаниями о некоторых персонажах, упоминаемых Винским.

Вследствии большой разницы в возрасте — Винский старше Аксакова на 40 лет — в «Моем времени» не упоминается о самом С. Т. Аксакове, но много внимания уделено родственному ему семейству П. И. Рычкова, знаменитого ученого-краеведа, историка и географа нашего края.

Сам же Аксаков в своих произведениях дважды упоминает о Винском, но не как о писателе-мемуаристе, а как о знакомом гувернере-воспитателе.

Можно утверждать, что Винский как автор мемуаров С. Т. Аксакову был неизвестен. Если «Хроника русского в Париже» А. И. Тургенева и читалась Аксаковым, то во всяком случае без обращения внимания на то место, где говорилось о записках Винского.

Иначе едва ли появилось бы столь пренебрежительное замечание С. Т. Аксакова о Винском в «Семейной хронике». Упомянув о заботе матери о своих малолетних братьях: Сергее и Александре, — С. Т. Аксаков пишет, что она отыскивала для них «...какого-то полу-

грамотного малоросса В-ского, сосланного... за неудавшиеся плутни». (1; 143).

Вторично С. Т. Аксаков упоминает о Г. С. Винском в повести «Наташа», называя его по фамилии, но именуя не Григорием Степановичем, а Григорием Максимовичем. Заметим, что подобная ошибка для мемуаров, написанных по памяти много лет спустя, вполне естественна. (2; 456).

О женихе своей сестры Надежды Тимофеевны, помещике Бузулукского уезда Симбирской губернии Шишкове, выведенном в повести под именем Ардальона Семеновича Шатова, С. Т. Аксаков пишет, что он «получил хорошее образование, у них в доме жил учителем, и теперь продолжал жить другом, один малороссиянин, очень умный и научно-образованный человек. Разумеется, ученость его была весьма односторонняя, как у всех киевских бурсаков. Каким образом судьба занесла его с юга России на северо-восток — не знаю, но, без сомнения, попал он сюда не по доброй воле. Властолюбивый бурсак еще при жизни старика Шатова сделался оракулом в доме, а по кончине его стал уже полновластным господином. Жить ему было очень привольно: кроме всяких существенных выгод и удобств (а он любил хорошо покушать и выпить стакан старого вина), он мог удовлетворять вполне своей духовной, высшей потребности, мог выписывать книг сколько угодно. Много лет прожив в бедности, он был лишен возможности следить за ходом и успехами просвещения, а потому дорого ценил умственное наслаждение, которое доставляла ему библиотека, собираемая им для молодого

го Шатова. Он был либерал, вольтерьянец по тогдашнему выражению, философы осьмнадцатого столетия были его единственными божествами». (2; 438). Винский проходит на нескольких страницах повести, безуспешно стараясь помочь сватовству своего друга и бывшего ученика Шишкова к сестре С. Т. Аксакова Надежде, выведенной в повести под именем Наташи.

Кроме Аксакова, о Винском, по-видимому, никто не оставил воспоминаний.

Интересно отметить, что даже в наиболее капитальном исследовании об Аксакове — монографии С. И. Машинского «С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество» — личность Г. С. Винского остается не раскрытой, что видно из следующего замечания автора монографии: «Нельзя забыть и безымянного учителя Софьи Николаевны, некоего «полуученого малоросса», сосланного в Башкирию за «неудавшиеся плутни».

С. Т. Аксаков и Г. С. Винский подчас описывают почти один и тот же круг людей из дворян-уфимцев, но иногда по-разному. Отчасти это объясняется различием возраста. У Аксакова — детские воспоминания, и естественно, что не все в помещичьем произволе и в дикости нравов и понятий он замечает. У Винского при оценке окружающей среды обостренный взгляд взрослого человека, к тому же невинно осужденного, от которого не ускользает ничто.

Отчасти это объясняется разностью темперамента и художественных манер авторов. У Аксакова — созерцательный реализм, у Винского — резкая обличительность.

В 1783 г. Винский прибыл в Уфу и поступил гувернером в семейство надворного советника Булгакова. Вот как он описывает это семейство: «Николай Михайлович Булгаков, его супруга Прасковья Михайловна, трое детей и до шестидесяти обоего пола челядинцев составляли в настоящем виде русский дворянский дом... Госпожа под сорок лет, ласкательна сначала без меры, искательна до низости, услужлива до подлости, завидлива, скупа, сварлива, тщеславна, болтунья, бесстыдница и к людям жестока... Челядинцы, как и везде, составляли домашний скот...»

Еще хуже жилось дворовым в семье Матюниных. Винский далее пишет: «... по совести не могу сказать, чтобы я, где ни жил, видел тиранства, творимые у Михаила Васильевича Матюнина и их сестриц, но с чистосердечием должен написать, что и в сем доме Булгакова — за малейшие проступки, часто по одному своенравию госпожи, лилась кровь несчастных»¹.

С большой теплотой Г. С. Винский вспоминает о Степане Семеновиче Андреевском — знаменитом враче и прекрасном человеке. Андреевский служил в Челябинске, входившем в то время в состав нашего края. Бывая в Уфе, он лечил Г. С. Винского. Андреевский вошел в историю русской медицины многими славными делами, в том числе и своим подвигом. В 1788 г. он сделал самому себе прививку сибирской язвы с целью испытания найденного им средства. Сам термин, обозначающий эту болезнь — сибирская язва — вве-

ден им же. Впоследствии Андреевский был назначен директором медико-хирургической академии в Петербурге. Умер он в 1818 г., будучи астраханским губернатором.

Оставил Винский воспоминания и еще об одном интересном уфимце — директоре народного училища Андреяне Андреевиче Гагемейстере: «Гагемейстер не долго для меня жил, но много мне добра желал».

Первым из уфимцев напоминал о пребывании Винского в нашем крае Н. Н. Барсов в статье «Записки уфимского мемуариста (Советская Башкирия» 10 августа, 1973 г.)

В последующих главах мы еще не раз вернемся к запискам Винского, используя их как дополнение к описаниям событий, упоминаемых С. Т. Аксаковым.

Глава III

П. И. ЧИЧАГОВ

Общение Сережи Аксакова с Петром Ивановичем Чичаговым в раннем детстве во многом способствовало его общему развитию и критическому осмыслению прочитанного. Сам писатель в «Семейной хронике» вспоминает так: «Ну, Сережа, — так начинал он свой разговор, — как поживают старикашки Сумароков, Херасков и особенно Ломоносов? Что подельвает Карамзин с братией новых стихотворцев?» Это значило, чтоб я начинал читать наизусть заученные мною стихи этих писателей. Петр Иванович над всеми подсмеивался, даже над Ломоносовым, которого, впрочем, очень уважал. ...Мое восторженное

¹ Винский Г. С. Мое время. П., 1914, с. 117.

чение, или декламация, как он называл, очень его забавляла... Я вспоминаю с искренним удовольствием и благодарностью об этих часах моего детства, которые проводил я с Петром Ивановичем Чичаговым. Этот необыкновенно умный и талантливый человек стоял неизмеримо выше окружающего его общества. Остроумные шутки его западали в мой детский ум и, вероятно, подготовили меня к более верному пониманию тогдашних писателей... Впоследствии, когда я уже был студентом, а потом петербургским чиновником, приезжавшим в отпуск, я всегда спешил познакомиться с Чичаговым» (1; 514).

«...П. И. Чичагов был необыкновенно умный, или, справедливее сказать, необыкновенно остроумный, человек. Он получил по тогдашнему блестящее и многостороннее образование, знал несколько языков, рисовал, чертил (т. е. знал архитектуру), писал и прозой и стихами. В поре пылкой молодости влюбился он в Москву в девицу Римско-Корсакову и для получения ее руки решился на какой-то непростительный обман, который открылся уже после брака, за что и был Чичагов сослан на жительство в Уфу. Жена его скоро умерла. Он через год утешился, влюбился в Катерину Борисовну (Мертваго) и увел ее своей любезностью, веселостью, образованностью и умом.» (1; 218; 219).

В «Дневнике» Ребелинского имеется интересная запись от 24 октября 1794 года: «О Чичагове получен приказ, что он прощен. В «Месяцеслове» за 1803 год о нем сказано: «на дворный советник, правитель канцелярии при оренбургском военном губернаторе».

Очень ценно для характеристики Чичагова П. И. добавить к словам Аксакова С. Т. высказывания Г. С. Винского: «Живучи в Уфе, мне посчастливилось с весьма добрыми и умными людьми. Из них же вечное мое напоминание о тебе, почтеннейший и любезнейший друг П. И. Чичагов. В тебе я потерял одного совершенно моего единомышленника, сострадательного друга, честного и с обширными знаниями человека... Приводя часто на память твою доброту, твою кротость, твою неизменную через 20 лет со мною приязнь, я всегда в мыслях прибавляю: «Аще забуде тебя любезный Петр, забвенно буде моя душа... С какой горестью вспоминаю наши беседования о происшествиях, начавшихся в наших глазах, от которых надеялись мы спасения, счастья человеческому роду, но увы! Все сие по отшествию твоём восприняло новый вид, или лучше: древнейшие рода человеческого враги, самовластие и суеверие, переменяв только одеяние и речь, возложили снова через безумных честолюбцев оковы рабствования, еще тягчайше прежних, на выи глупой черни... Обманутый так бессовестно, оставленный булгаковским домом безжалостно, прожившись от найма квартир, услуги и содержания, я доведен был до самой крайности. Без советов и пособий доброго Чичагова я не знаю, как вы выдрался из сей беды»¹.

Мы привели подробную цитату из воспоминаний Винского не только потому, что она дает более развернутую характеристику Чичагова, как его единомышленника. Анализи-

¹ Винский Г. С. Мое время, Пб., 1914, с. 131—135.

руя высказывания Винского о Чичагове, можно внести существенные уточнения биографии самого Винского: до сего времени исследователи полагали год смерти Винского не ранее 1818 года. Однако, напрашивается вывод, что умер он после расправы над декабристами, т. е. не ранее 1826 года.

О каких событиях идет речь, «от которых надеялись мы спасения, счастья человеческому роду»? Вероятно это следует отнести к надеждам на отмену крепостного права в первый период царствования Александра I, сменившего на престоле Павла в 1801 году. А что же произошло после «отшествия», т. е. смерти Чичагова? По воспоминаниям С. Т. Аксакова смерть Чичагова можно отнести ко времени его десятилетнего пребывания в Оренбургском крае, т. е. между 1816 и 1826 г. Что подразумевается под возложением «через безумных честолюбцев оковы рабствования еще тягчайше прежних»?

Можно предположить, что речь идет о расправе с декабристами и о последовавшей николаевской реакции.

Глава IV

МЕРТВАГО

В. И. Ленин в своих произведениях «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов»¹ и «Аграрный вопрос в России к концу 19 ве-

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, 1966, т. 16, с. 224—228.

ка»¹ использовал материал из брошюр А. П. Мертваго (1856—1917). В именных указателях к томам 16 и 17 полного собрания сочинений В. И. Ленина дается следующая биографическая справка: «Мертваго А. П. — агроном, изучал огородничество во Франции, слушал курс естественных наук в Сорбонне. С 1887 по 1893 год сотрудничал в «Земледельческой газете», журнале «Сельское хозяйство и лесоводство». В 1894—1905 годах — редактор сельскохозяйственного журнала «Хозяин», с 1905 года — его издатель. Автор работ: «Сельскохозяйственные вопросы нечерноземной полосы России», «Сколько в России земли и как мы ею пользуемся?» и других».

Интересные биографические сведения об Александре Петровиче Мертваго сообщает его сестра Мария Петровна Ватаци в своих мемуарах «Быль минувшего»². Дедом А. П. Мертваго и М. П. Ватаци был Дмитрий Борисович Мертваго — крестный отец С. Т. Аксакова, личность весьма примечательная, причем не только для нашего края. Он происходил из древнейшего рода. Предок его — царевич Золотой Орды выехал в 14 веке к великому князю Олегу Рязанскому и получил имя Благодень. Потомки также назывались этим именем, один из них умер во времена Ивана Грозного, и царь повелел сирот именовать детьми Мертваго. Столь неблагозвучная фамилия — Мертвый — держалась несколько столетий, и лишь в начале 19 века с разрешения царя была изменена на Мертваго.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений, 1966, т. 17, с. 68—70, 1965.

² Исторический Вестник, 1913, т. 131, с. 131—133.

Во время восстания Пугачева Дмитрию Борисовичу было 14 лет. В своих автобиографических «Записках» он оставил интересные воспоминания о событиях крестьянской войны, о служебном и общественном быте конца 18 и начала 19 веков. Полностью «Записки» опубликованы в «Русском Архиве» в 1867 г.¹, в том же году изданы отдельно. Но еще ранее, в 1857 г., в «Русском Вестнике» № 1 были опубликованы отдельные отрывки, за что редактор и цензор от тогдашнего министра народного просвещения А. С. Норова получили строгий выговор².

С 1787 года Д. Б. Мертваго служит в Уфе советником наместнического управления, т. е. в то время, когда наместничество фактически возглавлял дед С. Т. Аксакова Николай Семенович Зубов³. Находясь на службе в Уфимском наместничестве, Д. Б. Мертваго внес предложение об организации в Уфе Оренбургского мусульманского духовного управления, с целью противодействия турецкому влиянию через Бухару на местное духовенство. Духовное управление было открыто в 1788 г.

В этот уфимский период жизни семейство Мертваго находилось в большой дружбе с родственниками С. Т. Аксакова, о чем свидетель-

¹ Русский Архив, 1867, №№ 8 и 9.

² Никитенко А. В. Дневник. Т. 1, Гос. изд. худож. лит. 1955, с. 457 и 538.

³ С. Т. Аксаков в «Семейной хронике» назвал своего деда со стороны матери Зубиным Николаем Федоровичем. Нам удалось установить настоящее отчество последнего, о чем мы подробно расскажем в главе V «Зубовы».

ствуют многочисленные упоминания на страницах «Семейной хроники».

В 1807 г. Д. Б. Мертваго возвращается на службу в Петербург, где его часто посещает С. Т. Аксаков и, много лет спустя, направляет В. П. Безобразову письмо — «Воспоминание о Дмитрие Борисовиче Мертваго». Приводим из него отрывок: «Многоуважаемая память моего покойного отца, в обширном и строгом смысле честнейшего человека, которого вся жизнь была борьба правды и чести с ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живет в моей душе... Неподкупная его честность была известна всем, но не всем может быть известно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всех его служебных отношениях: мог ли такой человек не иметь врагов по службе!».

Несколько слов о Безобразовых. Дочь Д. Б. Мертваго — Мария Дмитриевна — вышла замуж за Дмитрия Николаевича Маслова, а ее дочь Елизавета Дмитриевна (1834—1881) была женой известного в свое время экономиста и публициста академика В. П. Безобразова. Елизавета Дмитриевна тоже занималась литературной деятельностью. При большом образовании и таланте она отличалась необыкновенной скромностью и, скрывая свою академическую деятельность под различными псевдонимами, публиковала свои работы на литературные, политические и экономические

¹ Воспоминание о Дмитрие Борисовиче Мертваго опубликовано в Собрании сочинений С. Т. Аксакова, т. 4, М., 1966, с. 387. Д. Б. Мертваго — крестный отец С. Т. Аксакова.

темы в журналах на иностранных языках. Их дети — правнуки Д. Б. Мертваго — также заслуживают внимания. Мария Владимировна Безобразова посвятила себя изучению философии, печатала статьи и читала лекции на эти темы. Она являлась одной из первых женщин-лекторов по философии. Брат ее Павел Владимирович Безобразов — историк и автор исторических романов, приват-доцент Московского университета, специалист по Византийской истории. Мать Д. Б. Мертваго — Мария Михайловна Мертваго, урожденная Мартынова, упоминается С. Т. Аксаковым в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова внука», как «...замечательно умная старуха» (1; 218), имевшая «...славу необыкновенно тонкой и умной женщины» (1; 448). Близок к семейству Аксаковых был и брат Д. Б. Мертваго — Степан Борисович — майор, а впоследствии оренбургский губернский предводитель дворянства. Он имел двух сыновей — моряков: Федора, женатого на дочери адмирала Чистякова, и Павла — исследователя Аральского моря, автора статей на эту тему. У Федора был сын Борис, тоже моряк. У Бориса было шесть дочерей: Софья, Елена, Надежда, Ольга, Елизавета и Александра, живших в Верхнеуральске, Белебее и Уфе.

Глава V

ЗУБОВЫ

О Зубовых, как впрочем и о других родственниках Аксаковым фамилиях, аксаковове-

дение знает только то, что сообщил лишь сам автор в своих произведениях. Случилось так, и на то были свои причины, о которых мы писали во введении, что ни литературоведы, ни историки ничего к этим сведениям нового не добавили.

Напомним, что писал С. Т. Аксаков о Зубовых. «В городе Уфе, где постоянно находилась воеводская канцелярия, постоянно жил товарищ наместника коллежский советник Николай Федорович Зубин, человек умный и честный, но слишком нежный и слабый. Он овдовел, и у него осталось трое детей: дочь Сонечка, двенадцати лет, и два малолетних сына... Года через полтора после смерти первой жены, горячо им любимой, вышлепав сердечное горе, Николай Федорович успокоился и влюбился в дочь известного описателя Оренбургского края, тамошнего помещика П. А. Рычкова, и вскоре женился. Молодая жена, Александра Петровна — умная, гордая, красивая...» (1; 140).

Далее автор упоминает, что Зубин вторично овдовел; от второго брака были две дочери и сын, причем имен их не называет. О своей родной бабушке — первой жене Н. С. Зубова — у С. Т. Аксакова обронена только одна фраза. Приводя слова родных отца о своей матери, С. Т. Аксаков пишет: «... вот какое мнение составилось о Софье Николаевне. Во-первых, Зубиха (так называли ее сестры и мать Алексея Степановича в своих тайных заседаниях) — низкого рода; дедушка у ней был уральский казак, по прозвищу Зуб, а мать (Вера Ивановна Кандалинцова) — из купеческого звания.» (1; 148).

За долгие годы своих занятий по краеведению мы собрали картотеку персоналий, в которой около 150 тысяч карточек. Это дает нам возможность сказать, что фамилия Кандалинцовых весьма и весьма редкая в нашем крае. Кроме купца Ивана Кандалинцова — прадеда С. Т. Аксакова, о котором узнаем от самого автора «Семейной хроники», мы встретились с этой фамилией еще только один раз — она упоминается в материалах к истории уфимского дворянства в числе дворянских родов периода 1800—1818 г.¹ Не исключена возможность, что фамилию своей бабушки С. Т. Аксаков изменил.

Возвращаемся вновь к аксаковскому тексту. О своих старших дядях автор пишет довольно подробно: «В доме нас встретили неожиданные гости, которым мать очень обрадовалась: это были ее родные братья, Сергей Николаевич и Александр Николаевич; они служили в военной службе, в каком-то драгунском полку, и приехали в домовой отпуск на несколько месяцев. С первого взгляда я любил своих дядей; оба очень молодые, красивые, ласковые и веселые... Они воспитывались в Москве, в университетском благородном пансионе, любили читать книжки и умели наизусть читать стихи; это была для меня совершенная новость: я до сих пор не знал, что такое стихи и как их читают. Вдобавок ко всему дядя Сергей Николаевич очень любил рисовать и хорошо рисовал. Я смотрел

¹ Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства, Уфа, 1879, с. 47.

на дядю Сергея Николаевича, как на высшее существо.» (1; 356).

Обратимся теперь к найденным нами архивным документам. Важнейшие из них оказались в «Деле об утверждении раздельного акта на землю, составленного наследниками умершего помещика Зубова Н. С.»¹ В раздельном акте сообщается, что 20 марта 1808 г. два брата Зубовы, отставной майор Сергей Николаевич и капитан Александр Николаевич, исполняя волю своего покойного отца, коллежского советника Николая Семеновича Зубова, выраженную им в духовном завещании 11 мая 1789 г., разделили между собой наследство. Согласно воле отца Сергеем досталось селцо Никольское (Касимово), Александру — селцо Зубовка. В селце Никольском было 1619 десятин, а в Зубовке — 1555 десятин земли. Оба брата, согласно завещанию, выделяли законную долю своим двум младшим сестрам. Одна из них к тому времени, Надежда, была замужем за подпоручиком Дмитрием Александровичем Леонтьевым. Другая, Екатерина, — девица².

В том же деле имеется еще один документ. 21 июля 1825 года Оренбургская палата гражданского суда получила рапорт Уфимского уездного суда, в котором упоминается вторая сестра братьев Зубовых — поручица Екатерина Макарова, к тому времени уже умершая³.

Мать С. Т. Аксакова и ее младший брат в разделе не упоминаются. Выходя замуж

¹ ЦГА БАССР, ф. 100, оп. 2, д. 473.

² Там же, д. 473, лл. 2, 2 об.

³ Там же, д. 473, лл. 17, 17 об.

еще при жизни отца, Мария Николаевна свою долю наследства получила в качестве приданого, брат же ее, видимо, умер еще в детстве.

Важность найденного раздельного акта прежде всего в том, что мы из него впервые узнаем правильное отчество Николая Зубова.

С. Т. Аксаков в своих произведениях изменил не только фамилию деда, именуя его Зубин, вместо — Зубов, но и отчество — Федорович, вместо Семенович.

Подготавливая текст собрания сочинений С. Т. Аксакова, С. И. Машинский приложил список действительных имен упоминаемых лиц, в котором дед писателя ошибочно назван Зубовым Николаем Федоровичем. (1; 632). Верную фамилию деда С. И. Машинский взял из «Воспоминаний» С. Т. Аксакова, который упоминал там о своих тетках Зубовых. Конечно, некоторым уфимцам, и не только историкам, могло быть известно, что у Зубина настоящая фамилия Зубов, так как он занимал крупный пост в администрации. А вот искажение отчества оказалось незамеченным даже для такого крупного знатока истории Оренбургского края, как В. Н. Витевский. В своей исторической монографии «И. И. Неплюев и Оренбургский край...» В. Н. Витевский большое место уделяет деятельности Семена Зубова — секретаря Уфимской провинциальной канцелярии, «на которого был возложен и прокурорский надзор»¹.

¹ Витевский В. Н., И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань, 1890, вып. 2, с. 196, 199, 201, 205, 207, 212 и вып. 5, с. 847.

Уфимскую администрацию тогда, в 1740—1744 г., возглавлял вице-губернатор Петр Дмитриевич Аксаков — весьма и весьма дальний родственник С. Т. Аксакова. Он приходился ему восьмьюродным трижды прадедом (семьюродным братом Алексею Еремеевичу Аксакову — прапрапрадеду С. Т. Аксакова).

За удовольствие сообщить читателям степень этого родства мы должны поблагодарить В. В. Руммеля и В. В. Голубцова — авторов родословной Аксаковых¹. В. Н. Витевский подробно описывает в вышеупомянутой монографии конфликт, возникший между Семеном Зубовым и П. Д. Аксаковым, но, по-видимому, даже не догадывается, что пишет о прадеде С. Т. Аксакова. Во всяком случае, в другом месте своей монографии Витевский особо отмечает родственников писателя. У нас и ранее, еще до нахождения правильного отчества деда Аксакова, возникало сомнение в возможности в ту эпоху столь быстрого продвижения по службе при незнатном происхождении рода. Так оно и оказалось на деле. Не только дед, но и прадед писателя занимали видное место среди уфимской администрации. Это не означает, конечно, отрицания казачьего происхождения рода Зубовых. Такой казачий род действительно существовал в Уфе. В фонде Уфимской приказной избы Центрального Государственного Архива древних актов хранится документ 1679 года, в котором упоминается казак С. Зубов, владевший кузницей в Уфе, в Большой Репной слободе

¹ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, 1888, т. 1, СПб.

на берегу р. Сутолоки¹. По времени возможно допустить, что казак С. Зубов мог быть прадедом Николая Семеновича Зубова.

О Н. С. Зубове — отставном капитане и коллежском советнике в «Материалах по истории Башкирской АССР» опубликовано несколько документов о покупке и продаже земли около деревни Зубовки в 1771 — 1788 гг. и документ о покупке им дворовых людей у отставного капитана М. Н. Аничкова в 1771 г.² О нем же, как о прокуроре, упоминается и в рапорте пугачевских полковников в повстанческую Военную коллегию (март 1774 г.)³. Вспоминая свои университетские годы, С. Т. Аксаков отмечает, что в ноябре 1806 года все семейство родителей с двумя сестрами его матери переехало в Казань. Мать его «...познакомилась с лучшим казанским обществом, делала визиты, принимала их, вывозила своих сестер на вечера и балы, давала у себя небольшие вечера и обеды.» (2; 157, 160).

По-видимому, обе сестры вышли замуж за казанских офицеров — Надежда — за Леонтьева, а Екатерина — за Макарова. Во всяком случае, в упоминаемом нами выше «Сборнике материалов...» В. А. Новикова дворянские рода Леонтьевы и Макаровы в нашем крае не упоминаются. В то же время среди казанского

¹ История Уфы, Уфа, 1976, с. 44, 45.

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. 4, ч. 1, М., 1956, с. 352, 353, и т. 5, М., 1960, с. 179, 189, 190, 216, 225, 226.

³ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений, М., 1975, Наука, с. 118; Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов, Уфа, 1975, с. 118.

дворянства известны два рода Леонтьевых и два рода Макаровых¹.

Было бы очень интересно проследить дальнейшую судьбу Надежды Николаевны Леонтьевой и Екатерины Николаевны Макаровой и их семейств. Нас они интересуют не только как тетки С. Т. Аксакова, но и как внучки знаменитого историка и географа нашего края — Петра Ивановича Рычкова, упоминаемого С. Т. Аксаковым в «Семейной хронике» под именем П. А. Рычкова. (1; 140). Сообщим теперь архивные находки о дядях С. Т. Аксакова — Сергее и Александре Николаевичах Зубовых. Прежде всего постараемся определить время их рождения. У С. Т. Аксакова сказано, что его матери — Марии Николаевне Зубовой — в то время, когда умерла мачеха, было семнадцать лет, ее братьям — Сергею — 12, а Александру — 10 лет (1; 142, 143).

Нигде, ни в каких известных нам литературных или архивных источниках не указывается год рождения матери С. Т. Аксакова и ее братьев.

С. Т. Аксаков родился в 1791 году. Если принять возраст матери в это время около 20 лет, то тогда ее год рождения будет около 1771, брата Сергея — 1776 и Александра — 1778. Мария Николаевна умерла в 1833 году.²

¹ Алфавитный список родам потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии, с обозначением имени и отчества тех из них, кои впервые записали свои роды в сию книгу с 1787 по 1895 г. Казань, 1898, с. 47, 51.

² Сиверс А. А. Генеалогические разведки, вып. 1, СПб., 1913, с. 92.

Есть один архивный документ, косвенно подтверждающий правильность наших расчетов — это ведомость беднейших дворян Уфимского уезда, составленная уездным предводителем дворянства и приложенная к рапорту уфимского уездного исправника оренбургскому гражданскому губернатору. Рапорт имеет дату 10 января 1849 г. Ведомость составлена на несколько лет раньше. Это видно по возрасту дворян, упоминаемых в ведомости. Например, о Иване Васильевиче Базилеве сообщается, что ему 45 лет¹, а год рождения его — 1801 — нам известен по другому документу². Следовательно, ведомость составлялась в 1846 году. В той же ведомости упоминается Сергей Николаевич Зубов в возрасте семидесяти лет³. Следовательно, он родился в 1776 году, т. е. наше предположение подтверждается.

В той же ведомости о Сергее Николаевиче сообщается, что он — отставной майор и кавалер, проживает в своем имении и «по неимению зрения ничем не занимается». Там же упоминаются его дети: сын Петр — 8 лет, дочь Надежда — 38 лет, замужем за крестьянином Барышниковым, дочь Вера — 28 лет, замужем за чиновником Михайловым и дочь Мария — 19 лет, замужем в городе Уфе за чиновником Поликарпом Андреевичем Сокуровым. В другом архивном документе 1849 г. о сыне Петре 11 лет сказано, что он в Уфе обучается

¹ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1863, л. 198.

² Там же, ф. 114, оп. 1, д. 226, лл. 40 об., 41.

³ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1863, лл. 194 об., 195.

в гимназии, а о самом Сергее Николаевиче Зубове сообщается как об умершем¹.

Уфимская мужская гимназия — ныне средняя школа № 11, торжественно отметившая в 1978 году свое столетие. Петр Сергеевич Зубов, родившийся в 1838 году, упоминается еще в двух архивных документах 1858 и 1860 г.г. как писец первого разряда².

О дальнейшей судьбе Петра Сергеевича и его двух сестрах Надежде Барышниковой и Вере Михайловой сведений пока не имеем. К сожалению, неизвестны даже имена мужей сестер, поэтому поиск затруднителен. Удалось лишь найти, что в 1846—1850 г. Михайлов был титулярным советником³.

О муже третьей сестры, Марии, — Поликарпе Андреевиче Сокурове известно, что он — сын титулярного советника, в 1824 году поступил на подготовительное отделение Уфимского уездного училища, полный курс которого окончил в 1831 году⁴. В 1846—1850 годы был коллежским регистратором⁵.

Второй дядя С. Т. Аксакова — Зубов Александр Николаевич, как написано выше, родился около 1778 года, капитан. Впоследствии он, по-видимому, был на гражданской службе, так как в документе 1850 г. упоминается как умерший титулярный советник, оставивший малолетнего сына Петра⁶.

¹ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1863, л. 188.

² Там же, ф. 138, оп. 2, д. 512, л. 1234, 1238. Ф. 294, оп. 2, д. 1, Метрическая книга Ильинской церкви.

³ Там же, ф. 138, оп. 2, д. 607, л. 753—757.

⁴ Там же, ф. 114, оп. 1, д. 98, л. 3.

⁵ Там же, ф. 138, оп. 2, д. 610, л. 319—324. Ф. 1, оп. 1, д. 1863, л. 146.

⁶ Там же, ф. 138, оп. 2, д. 607, л. 37—42.

Из найденных документов видно, что у С. Т. Аксакова со стороны матери было два двоюродных брата и три двоюродных сестры: Петр Сергеевич Зубов, Петр Александрович Зубов, Надежда Сергеевна Барышникова, Вера Сергеевна Михайлова и Мария Сергеевна Сокурова.

Несколько слов о сельце Зубовке и сельце Никольском (Касимово). По данным 1969 года село Зубово — центр Зубовского сельсовета Уфимского района, в 13 км от железнодорожной станции Уфа, население — 559 человек. Село Касимово — в Князевском сельсовете Уфимского района, в 4 км от станции Шакша, население — 235 чел¹.

Глава VI

БУНИНЫ

В «Литературных и театральных воспоминаниях» за 1825—1826 годы С. Т. Аксаков упоминает своего родственника уездного судью Бунина, с которым он встречался в городе Белебее, когда жил со своим семейством в селе Надеждино, или как он называет «Надежине», в семи верстах от Белебея (3; 54, 59).

«Наступила зима 1825 года. Все было тихо и спокойно в нашей пустынной глуши. Ничто не предвещало важности грядущих событий, а между тем историческая драма уже начина-

¹ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1969 г., Уфа, 1969, с. 301—302.

лась... 6 декабря¹, на именинах у кого-то из соседей, где находились, между прочим, все белебеевские чиновники и живший в этом городке прежний наш губернатор М. А. Наврозов, получили мы известие, что государь Александр Павлович скончался в Таганроге.» (3; 57).

«... первая мысль представилась: кто будет царем? Все присутствующие, кроме меня и Наврозова, не сомневались, что преемником Александра Павловича будет цесаревич Константин; но мы с Наврозовым были убеждены в противном. Мы очень хорошо помнили, что в 1820 году был расторгнут брак цесаревича с его законною супругою и последовал манифест, которым узаконялось, что всякий член императорской фамилии, вступивший в брачный союз с лицом, не принадлежащим к владетельному дому, не может сообщать ему права императорской фамилии и что дети их на престол никогда взойти не могут. Вслед за тем цесаревич женился на графине Лович, полячке и католичке, — как же можно было ей сделаться русской императрицей? Притом впоследствии носились темные слухи, что цесаревич Константин потому и получил согласие императора Александра на развод и вторичную женитьбу, что отрекся от права наследия на русский престол. Каково же было мое удивление, когда на другой день поутру уведомили меня из города, что с нарочным курьером получен указ правительствующего

¹ Александр I умер 19 ноября 1825 г., известие об этом до Белебея дошло только через 17 дней. Интересная деталь, характеризующая связь той эпохи.

сената, извещающий о кончине императора Александра I и о присяге законному наследнику его Константину Павловичу. Сильно смущенный, поехал я немедленно в Белебей, чтоб потолковать с Наврозовым. Там уже все присягнули. Людям, понимавшим сколько-нибудь дело, крепко не нравилась новая императрица, хотя, по слухам, она была превосходная женщина. «Веру-то переменит, — говорил мой родственник, уездный судья Бунин. — Это пустое, будто католички веры не меняют. Для всероссийского престола можно и две веры переменить. Да вот беда: кровь-то в ней польская; будет руку поляков держать, а Константин Павлович, говорят, и без того в них души не чает». Оставшись наедине с Наврозовым, сообщили мы друг другу свои тревожные опасения и расстались убежденными, что дела так идти не могут. Недели через три прочли мы в «Московских ведомостях» известие от 14 декабря и вслед за тем новый указ о присяге новому императору Николаю Павловичу, а также его манифест с приложением всех бумаг, касающихся до отречения Константина Павловича сначала от права наследия, а потом от престола, — когда уже была принесена ему присяга во всей России.» (3:58). Как звали судью Бунина? Какая степень родства связывала его с писателем? С тех пор, как были опубликованы в печати впервые в журнале «Русская беседа» за 1856 и 1859 гг. «Воспоминания» С. Т. Аксакова 1825—1826 гг., прошло более 120 лет, но за это время не было дано ответа на поставленные вопросы.

Найденные нами архивные материалы в сочетании с литературными источниками, а

также воспоминаниями, сохранившимися у потомков аксаковского Бунина, позволяют дать исчерпывающий на них ответ.

Историю раскрытия этого вопроса необходимо начать с деда аксаковского Бунина, который происходил со стороны матери из старинного уфимского княжеского рода Ураковых. «Из грамоты царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны 1687 г. 25 июня, видно, что Рудак Мурза, по крещению Андрей Федоров Ураков (родоначальник князей Ураковых) поверстан землей в 1591 г., а из отказной книги 1687 г. оказывается, что по отдельным книгам 1629 г. земля эта отведена ему за рекой Белою, близ Соснового озера (в 10 верстах от г. Уфы)»¹.

Небогатый и вначале род Ураковых, в последующие сотни лет дробился и беднел, но отдельные представители его играли в истории нашего края заметную роль. К числу их можно отнести генерал-лейтенанта Уракова Василия Егоровича — деда со стороны матери известного поэта и революционера Михаила Илларионовича Михайлова, родившегося 4(16) января 1829 года² в Уфе. (Его мать — урожденная Уракова Ольга Васильевна).

Ссылаясь на документ Оренбургской консистории о крещении М. И. Михайлова в Спасской церкви города Уфы, П. С. Фатеев ошибочно пишет, что он родился в Оренбурге, по традиции повторяя ошибку многих авторов, утверждавших это на том основании,

¹ Новиков В. А. Сборник материалов для уфимского дворянства, Уфа, 1879, с. 26.

² Фатеев П. С. Михаил Михайлов — революционер, писатель, публицист. М., 1969, с. 41.

что отец М. И. Михайлова служил в Оренбургской казенной палате. Эти авторы или не знали, что оренбургские губернские учреждения находились тогда в Уфе, или, если и знали, то, по-видимому, не хотели нарушать уже сложившуюся ошибочную традицию.

Личное знакомство С. Т. Аксакова и М. И. Михайлова осталось вне поля зрения литературоведов, изучавших их биографии. С. Т. Аксаков в письме от 9 июня 1856 года Е. И. Барановскому так описал эту встречу: «Г. Михайлов был у меня в Москве. Вообразите мое удивление, когда он мне сказал, что он родной внук того Михайлушки, о котором я говорил в рассказе о Куролесове! Он уфимский уроженец, и я от него много надеюсь.»¹ Один из представителей рода — Роман Уразлин в середине 18 века был переводчиком оренбургской губернской канцелярии. 25 сентября 1752 г. башкир Ногайской дороги Илкей-Минской волости Кунзяпа Утекеев дал купчую переводчику Роману Уразлину на свою часть общей вотчины по р. р. Деме и Уфе. В комментарии к тексту этой купчей далее сообщается: «Продажа земли впоследствии вызвала судебное дело между наследником Р. Уразлина — М. Н. Уразлиным и башкирами Илкей-Минской вол., в 1786 г. воспротивившимися ее фактическому осуществлению... и в 1787 г. подавших в свою очередь жалобу на самовольный захват Уразлиным волостной земли. Жалоба была вызвана незаконностью единоличной продажи своего пая в общинной земле, тогда как каждая сдел-

ка на землю требовала согласия всех вотчинников. По-видимому, сделка была совершена благодаря служебному положению Р. Уразлина.»¹ В текст комментария вкралась ошибка: следует читать не М. Н. Уразлин, а Михаил Иванович Уразлин². Поручик, князь Михаил Уразлин (Ураков) упоминается как командир карательного отряда в документах о крестьянской войне 1773—1774 гг.³

Дочь Михаила Ивановича Уразлина (Уракова) — Наталья вышла замуж за подпоручика Ивана Бунина. Получив от отца по наследству спорную землю, она продолжала судебное дело, которое закончилось только при жизни ее сына — майора Михаила Ивановича Бунина. В указе Правительствующего сената от 6 апреля 1821 г. «положено наследникам Уразлина в иске их отказать, присвоенную ими землю по крепости 1752 г. оставить по-прежнему за владельцами ее Илкей-Минской волости башкирцами.»⁴

Переходим теперь к вопросу о родстве майора Михаила Ивановича Бунина с С. Т. Аксаковым. Тетка С. Т. Аксакова — Ксения Степановна (Аксинья) упоминается в «Семейной хронике» как вдова Коптяжева, вышедшая замуж за Нагаткина. (1; 138)

Что Коптяжев был мужем Ксении Степановны, подтверждают и Руммель и Голубцов,

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, 1956, т. 4, ч. 1, с. 63, 64, 392.

² Там же, с. 448.

³ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений, М., 1975, с. 127, 375, 408, 504.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 616, л. 183, 183 об.

¹ Уфимский край, 1 мая 1909, № 95.

сообщая о втором муже ее, Нагаткине, его имя и отчество — Борис Ананьевич¹.

Имя и отчество Коптяжева мы нашли в архивном деле — Иван Андреевич; умер он до 1788 года². В том же деле сообщаются и имена детей Ксении Степановны и Бориса Ананьевича Нагаткиных: дочь Вера и сыновья Николай и Василий³.

Об этих же детях (своих двоюродных братьях и сестре) упоминает и С. Т. Аксаков, не называя их имен. (1; 211). О Vere много позже, уже в «Детских годах Багрова-внука» С. Т. Аксаков пишет как о невесте богатого соседа Аксины Степановны — Ивана Петровича Куроедова, но и здесь не называет ее имени. (1; 530). Вера Борисовна Нагаткина — двоюродная сестра С. Т. Аксакова — вышла замуж за Ивана Петровича Куроедова. Их дочь Екатерина Ивановна вышла замуж за майора Михаила Ивановича Бунина⁴, которого С. Т. Аксаков назвал судьей и своим родственником.

Бунины, как об этом подробнее мы скажем ниже, древнейший дворянский род, проживавший в губерниях центральной России. В конце 18 века появляются Бунины в Оренбургском крае, есть основание предполагать, что это было только одно семейство. Самое раннее упоминание о Буниных встретилось нам в отпускной — документе об освобожде-

нии от крепостной зависимости, — выданной женой вахмистра Пелагеей Степановной Мальцевой своему дворовому человеку Ивану Фадееву 28 сентября 1811 г. В отпускной сказано, что дворовый был ранее куплен «у коллежского протоколиста Ивана Федотова сына Бунина», который в свою очередь купил его 3 мая 1798 г. в Бугульминском уезде у коллежской асессорши Анны Афанасьевны Кротковой¹. Коллежский протоколист Иван Федотович Бунин и подпоручик Иван Бунин, вероятнее всего, — одно и то же лицо, сменившее гражданскую службу на военную.

В ревизских сказках помещичьих крестьян Белебеевского уезда за 1811 год по сельцу Токаево (Михайловка) упоминаются владельцы поручик Михаил Иванович Бунин и титулярная советница Агафья Петровна Бунина². В том же документе упоминается подпоручик Николай Бронский — сын Агафьи Петровны Буниной, которому она в 1801 г. отдала один крестьянский двор. Это наводит на мысль, что Агафья Петровна приходится мачехой Михаилу Ивановичу Бунину. По сельцу Токаево за Михаилом Ивановичем и за Агафьей Петровной записаны по два крестьянских двора.

В ревизских сказках 1834 г. Михаил Иванович Бунин — уже майор — имеет три крестьянских двора по сельцу Илькино (Арьелга), причем отмечается, что крестьяне достались ему по наследству в 1819 г. от его сестры, штабс-капитанши Ольги Ивановны Черновой. По тому же сельцу имеет десять

¹ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, СПб, 1888, т. 1.

² ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 341.

³ Там же, лл. 25, 25 об.

⁴ Там же, ф. 138, оп. 2, д. 508, л. 103—108, 111—119.

¹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 96, л. 10.

² Там же, д. 96, л. 188—190.

крестьянских дворов и жена Михаила Ивановича — Екатерина Ивановна Бунина. Здесь же отмечается, что крестьяне ей достались по раздельному акту в 1821 г. от отца Ивана Петровича Куроедова¹.

Михаил Иванович умер до 1850 г. В ревизских сказках 1850 г. его жена названа вдовою², за нею записано 11 крестьянских дворов по селцу Михайловка (Илькино). Из сказанного видно, что Бунины имели одно селцо, известное под различными названиями — Токаево, Михайловка, Илькино, Арьелга.

В большом количестве просмотренных нами архивных материалов никаких других Буниных в нашем крае не встречалось. Дальнейшая история семьи Буниных сохранилась в памяти у ныне живущих потомков и излагается нами по их письмам и устным рассказам.

У Михаила Ивановича Бунина был сын Иван и дочь Наталья. Иван Михайлович Бунин был женат на Софье Михайловне Потаповой, у них была огромная семья: детей было 22 человека. Имена 17 из них нам известны, а пятеро умерли в раннем детстве. Многочисленные внуки, правнуки и праправнуки И. М. Бунина и сейчас проживают в различных местах страны. Внучка И. М. Бунина — Мария Васильевна Бунина — Лауреат Государственной премии, кандидат геологоминералогических наук, проживает в Алма-Ате. Ее брат, тоже геолог, Михаил Васильевич Бунин, проживает в Казани. Они с Аксаковыми находятся в

двойном родстве: по линии отца Василия Ивановича Бунина они — праправнуки двоюродной сестры С. Т. Аксакова — Веры Борисовны Куроедовой, урожденной Нагаткиной. По линии матери, Марии Яковлевны, урожденной Кириловой, являющейся внучкой врача Николая Ивановича Соколова и Натальи Михайловны, урожденной Буниной, они трижды правнуки Веры Борисовны Куроедовой. Бунина Наталья Васильевна, сестра геологов, о которых сказано выше, погибла во время войны, сражаясь в партизанском отряде, в 1943 г., когда ей было 20 лет.

В Киеве проживает внучка Ивана Михайловича Бунина — Татьяна Георгиевна Чикилевская, дочь Натальи Ивановны Буниной, по мужу Неклюдовой, 72 лет, со своими детьми и внуками.

Другая внучка Ивана Михайловича Бунина — Шкулова Ольга Александровна, дочь Ларисы Ивановны Буниной, по мужу Вильгельмовой, 85 лет, учительница, проживает в Новосибирске. В годы войны в Белгороде затерялись следы еще четырех внучек Ивана Михайловича Бунина — сестер Змиградских Анны, Киры, Софьи и Ксении — детей Ольги Ивановны Буниной, по мужу Змиградской.

Сестра Ивана Михайловича Бунина Наталья вышла замуж за врача Николая Ивановича Соколова — родоначальника известной белебеевской семьи врачей Соколовых. Из этого семейства назовем их сына Якова Николаевича Соколова — основателя Белебеевской земской больницы; их внука Александра Яковлевича Соколова — заслуженного врача РСФСР и БАССР — организатора здравоохра-

¹ ПГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 508, л. 103—108, 111—119.

² Там же, д. 671, л. 201—205, 207—217.

нения в Белебеевском районе после революции, почетного гражданина г. Белебея, дважды награжденного орденом Ленина и орденом «Знак Почета»¹, умершего в 1968 г.; и их правнука Виктора Михайловича Соколова — кандидата медицинских наук, ныне проживающего в Уфе и являющегося троюродным трижды правнуком С. Т. Аксакова. О Я. Н. Соколове как о земском участковом враче, своим самоотверженным трудом способствовавшим улучшению медико-санитарного обслуживания населения Башкирии, упоминает в своей книге В. А. Скачилов².

В советской генеалогической науке известна обстоятельная статья «Предки И. А. Бунина» воронежского писателя Юрия Даниловича Гончарова³.

В этой статье автор дает капитальное исследование родословной Буниных. За основные им приняты две линии Буниных: «Для удобства назовем первых белевскими — по городу, где они служили, вторых — ряжскими, по Ряжску, куда прадеды подателей родословной были переведены из Владимира. Белевские Бунины, начиная счет своим предкам с тех же времен, что и ряжские, показали своим родоначальником Архипа Буникевского. Ряжские — Семиона Бониковского. Белевские Бунины и ряжские выступают в документах не как ветви одного рода, а как два самостоятельных рода, не имеющих между

¹ «Ленинец», 4 июля 1974.

² Скачилов В. А. Люди подвига и долга. 2-е изд. Уфа, 1979, с. 24.

³ Гончаров Ю. Д. Предки И. А. Бунина. Подъем, 1971, № 1.

собой ничего общего». Далее автор обосновывает свое сомнение в существовании различных родов Буниных так: «Начало свое Бунины относят к одной и той же исторической эпохе. Предки их участвовали в одних и тех же событиях... и все время несли схожую службу по городам, которые очень близки географически, были созданы для одной цели: прикрытия южной границы Московского государства... Все это, несмотря на разные имена показанных родоначальников, заставляет остановиться на мнении, что это две родственные ветви и идут они от одного корневого ствола, лишь по неизвестным причинам к моменту подачи родословных утратили «родственное согласие», а прежде их отношения «были гораздо теснее и ближе.»

Наряду с этим Ю. Д. Гончаров дает подробную родословную писателя Ивана Алексеевича Бунина и считает эту линию третьей, так как она нигде не примыкает ни к белевским, ни к ряжским Буниным. В отличие от двух первых, автор называет третью ветвь — мценской, «по Мценскому уезду, где находились земельные владения Якова Савельевича Бунина, четырежды прадеда писателя И. А. Бунина. Географическая близость третьей ветви мценских Буниных к первым двум ветвям дает основание автору считать всех Буниных «сродственниками». Из рода Буниных, кроме писателя И. А. Бунина, вышли и такие выдающиеся представители, как поэт В. А. Жуковский (незаконный сын А. И. Бунина), поэтесса А. П. Бунина, географ и П. П. Семенов-Тянь-Шанский (внук племянницы поэтессы, М. П. Буниной). Однако отношение этих Буни-

ных к той или иной ветви не определено. Установить связь белебеевских Буниных — родственников С. Т. Аксакова — со всеми рассмотренными выше Буниными пока также не представляется возможным: не достает связующих звеньев.

У авторов хранится маленькая шкатулка, вырезанная из бересты, с дарственной надписью: «От бабушки Е. Ив. Буниной дедушке Михаилу Никитьевичу Потапову. 1850 г.» Шкатулка эта — подарок двоюродной племянницы С. Т. Аксакова тестю своего сына. Внутри шкатулки еще одна надпись: «В 1904 г. 21 августа перешла к Е. И. Буниной через Инну Цитович». Инна Гермогеновна Цитович — внучка Ивана Михайловича Бунина — дочь Надежды Ивановны Цитович, урожденной Буниной. Е. И. Бунина — одна из дочерей Ивана Михайловича Бунина — Екатерина.

До 1965 года шкатулка хранилась у Александры Николаевны Кириловой, — племянницы Марии Яковлевны Кириловой, по мужу Буниной, а затем перешла к ее троюродному брату Георгию Федоровичу Гудкову.

Глава VII

Д. Е. БЕНАРДАКИ

В «Истории моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксаков описывает совместную с Н. В. Гоголем поездку в Петербург осенью 1839 г. Аксаков ехал устраивать своего сына Михаила в Пажеский корпус, а Гоголь ехал за своими сестрами, Анной и Елизаветой, окончившими

Патриотический институт. Это учебное заведение предназначалось для дочерей «бедных благородных родителей» и название свое получило от петербургского патриотического общества дам, в ведении которого находилось¹.

По приезде в Петербург Гоголь оказался в весьма стесненном материальном положении: он рассчитывал по сообщению В. А. Жуковского получить на своих сестер пособие от императрицы Александры Федоровны (жены Николая I). Но императрица была больна и сестры Гоголя оказались без пособия. К тому же сам Гоголь потерял в Петербурге свой кошелек с деньгами.

С. Т. Аксаков, зная затруднения Гоголя, предложил ему займы деньги. Но не имея своих денег, Аксаков взял для Гоголя в долг две тысячи рублей у откупщика Дмитрия Егоровича Бенардаки. «...этот грек Бенардаки, очень умный, но без образования, был единственным человеком в Петербурге, который назвал Гоголя гениальным писателем и знакомство с ним ставил себе за большую честь» (З; 174).

С. Т. Аксаков знал Бенардаки еще по Оренбургской губернии, где тот начинал подрядами свою коммерческую деятельность². Гоголь тоже был знаком с Бенардаки. М. Н. Погодин, сообщая о встречах Гоголя с Бенардаки в 1839 году в Мариенбаде, писал: «Бенардаки, знающий Россию самым лучшим и самым ко-

¹ Энци. Просвещение, 1905, т. 9, с. 329.

² Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960, серия: Литературные памятники, с. 255.

ротким образом, бывший на всех концах ее, рассказывал нам множество разных вещей, которые поступили в материалы «Мертвых душ», а характер Костанжогло во второй части писан в некоторых частях прямо с него»¹.

Ниже мы подробнее расскажем о деятельности Бенардаки в нашем крае, сейчас же остановимся на путях приобретения им состояния. В молодости Бенардаки был на военной службе (поручик). Затем занимался подрядами, винным откупом, позже стал банкиром, золотопромышленником и владельцем нескольких заводов. Ему принадлежали Сормовская механическая фабрика, в Вологодской губернии — два чугуноплавильных и железоделательных заводов — Ньюимский и Нючпасский². В Белебеевском уезде в 1837 г. он купил у Осокина два медеплавильных заводов — Усень-Ивановский и Верхне-Троицкий³. В 1868 г. Бенардаки совместно с Н. П. Аносовым (сыном знаменитого Златоустовского металлурга П. П. Аносова) основал Верхне-Амурскую компанию для разработки золота в верховьях Амура⁴.

Л. Ф. Пантелеев, принимавший участие в революционном движении, после сибирской ссылки написал воспоминания, в которых писал: «...главным фундаментом фортуны Д. Е. Бе-

¹ Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960, серия: Литературные памятники, с. 255.

² Семенов П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб. 1863—85, т. 3, с. 429, 436, 576.

³ Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1859 г., Уфа, с. 180.

⁴ Энци. Просвещение, 1905, т. 1, с. 673.

нардаки ...было прямое мошенничество. Он в начале 40-х годов, живя в Петербурге, занимался ведением тяжёлых дел. У Голубкова по крайне богатому золотопромышленному делу (Плотоновскому прииску Енисейской северной системы) шел процесс с Рязановыми. Голубков взял себе в ходатаи Бенардаки на условии получения четверти пая (дело было разделено на десять паев...) в случае выигрыша. Голубков, бездетный человек, больной, во всем полагался на своего секретаря; Бенардаки подкупил секретаря, и тот в беломом условии проставил два с четвертью пая, но с получением через три года, рассчитывали, что Голубков дольше не проживет и, значит, никакой скандальной огласки не будет. Голубков подписал, не перечитывая, условие. Дело в последней инстанции решилось в пользу Голубкова. Три года прошло. Голубков жив; на монетном дворе наконец отчислили в пользу Бенардаки золота на два с четвертью пая. Попытка Голубкова начать дело против Бенардаки кончилась ничем»¹.

Рассказывая со всевозможными подробностями об афере ловких дельцов, Н. А. Добролюбов высмеивает членов акционерного общества «Сельский хозяин», учрежденного в России Бенардаки, Кокоревым и другими². В программу этого общества входило в основном приготовление консервов из мяса и торгоя ими с Францией.

¹ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 326.

² Добролюбов Н. А. Собрание сочинений в 9 томах, М.-Л., 1963, т. 7, с. 375—388.

Тулеский краевед Г. Г. Жуков шесть лет разыскивал исчезнувших крепостных крестьян двух крупных сел Ивановского и Георгиевского Епифановского уезда Тульской губернии. Он обращался в архивы Тульской, Оренбургской, Саратовской и Херсонской областей, а также в архивы Москвы и Ленинграда. Но все поиски были безуспешны, документы не отвечали на вопрос, когда и куда были вывезены крестьяне этих сел. Потеряв надежду на поиск сведений в архивных документах, Жуков вспомнил слова своей бабушки, умершей в 1912 году. (Г. Г. Жуков родился в 1898 г. в селе Люторичи Епифановского уезда Тульской губернии). Бабушке было 13 лет, когда крепостные крестьяне сел Ивановского и Георгиевского ехали обозами через село Люторичи в Уфимскую губернию к новому барину. По воспоминаниям бабушки, граф Бобринский, прежний их барин, проиграл в карты своих крепостных. По данным Жукова, число проигранных в карты крепостных составляло 2616 душ. Граф В. А. Бобринский был внуком Екатерины II, от ее незаконного сына Алексея Григорьевича Бобринского. Цари же Александр I и Николай I графу В. А. Бобринскому были двоюродными братьями.

В литературе известно, что незаконный сын Екатерины II — Алексей Григорьевич, будущий Бобринский, отцом которого был граф Г. Г. Орлов, родился в зимнем дворце, еще при жизни ее мужа Петра III. Екатерине удалось скрыть от придворных и мужа рождение сына. Впоследствии она приобрела для сына Бобринскую и Богородицкую волости в Туль-

ской губернии, которая находилась тогда в Дворцовом ведомстве. До тринадцатилетнего возраста Екатерина II скрывала сына в Германии под именем князя Сицкого, а по возвращении его в Россию в 1774 г. она присвоила ему фамилию Бобринский по названию вотчины. Павел I признал незаконного сына своей матери Бобринского как своего родного брата, утвердил его в графском достоинстве и оставил владельцем Бобриковской и Богородицкой волостей.

Жуков обратился в уфимские организации: Центральный архив и редакцию «Советской Башкирии» с просьбой помочь найти нового владельца проигранных в карты крепостных Тульской губернии. С письмами Г. Г. Жукова был ознакомлен Г. Ф. Гудков, который в то время изучал ревизские сказки Уфимской губернии.

Вскоре им было обнаружено 21 семейство бывших крепостных графа В. А. Бобринского, купленных инспектором Оренбургской Врачебной управы статским советником Григорием Петровичем Рязанцевым в 1843 году и переведенных в деревню Знаменка (Жуково), ныне Авдонский сельсовет Уфимского района, из с. Петровского Епифановского уезда Тульской губернии¹. А несколько позже при содействии научного сотрудника архива В. Г. Хазиева были найдены переселенцы из сел Георгиевского и Ивановского в восемь деревнях Белебеевского уезда, принадлежавших Д. Е. Бенардаки. Эти деревни имеют сле-

¹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 610, л. 5—26.

дующие названия: Елизаветина, Александровка, Дмитриевка, Екатериновка, Анновка, Большая Николаевка, Малая Николаевка и Леонидовка¹.

Таким образом жители исчезнувших деревень Епифановского уезда нашлись в Уфимской губернии. Большинство этих деревень существуют под тем же названием и в настоящее время в Белебеевском районе, а деревни Леонидовка и Николаевка — в Туймазинском. По справочнику административно-территориального деления Башкирской АССР (5 издание, 1969 г.) в упомянутых двух районах деревни Александровки нет, но есть деревня Мало-александровка в Белебеевском районе. Деревень Большая и Малая Николаевка также нет, но в Туймазинском районе существует деревня Николаевка.

В петербургской газете «Деятельность» в двух номерах за 1870 год (№№ 118 и 121) помещен материал о пышных похоронах Д. Е. Бенардаки, который был погребен 21 июня в греческой посольской церкви. Там же сообщались сведения о его детях. Он имел трех сыновей — Леонида, Николая и Константина и двух дочерей, бывших замужем, одна — за бароном Першор, другая — за маркизом д'Аш. О месте рождения самого Бенардаки сообщалось, что он уроженец греческого острова, «имя которого напоминает нам такие тяжкие испытания».

Николай Дмитриевич Бенардаки известен как библиограф и автор перевода на англий-

ский язык комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», изданного в 1857 году в Лондоне¹.

Константин Дмитриевич Бенардаки был членом правления общества Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов².

Имена детей Бенардаки оставили след в топонимике нашего края.

Глава VIII

ТИМАШЕВЫ

Познакомившись с С. Т. Аксаковым в 1856 году, Л. Н. Толстой часто бывал в Москве в доме Аксаковых. В рукописном фонде С. Т. Аксакова хранятся «Замечания графа Толстого». Эти критические замечания записаны Аксаковым после прослушивания Л. Н. Толстым некоторых глав «Семейной хроники». Одно из этих замечаний гласит: «Рассказ о похищении Сальме можно выкинуть».(1; 615).

Но как хорошо получилось, что С. Т. Аксаков не послушал совета Л. Н. Толстого и не исключил из «Семейной хроники» эпизод женитьбы И. И. Тимашева на Сальме Тевкелевой. Дело не только в том, что эта история, изложенная Аксаковым, помогла нам узнать о дальнем родстве Аксаковых с Тимашевы-

¹ Энци. Просвещение, т. 3, с. 31, 1905.

² Уральский торгово-промышленный адрес-календарь. Пермь, 1904, отдел IX, с. 234.

¹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 671, л. 231—447.

ми, а главное в том, что эта история из жизни того общества не ухудшила, а лишь оживила воспоминания автора и насытила их интересными историко-краеведческими сведениями. (1; 269—272).

Среди лиц, выведенных С. Т. Аксаковым в своих произведениях, Тимашевы занимают особое место. Особое — в силу ряда причин: Тимашевы — отдаленные родственники Аксаковых, но степень родства не установлена; самые богатые землевладельцы нашего края; один из представителей этого рода — Александр Егорович (1818—1893) занимал пост шефа жандармов и министра внутренних дел России, был «вершителем судеб» и известен в литературе по очень многим источникам, в том числе и по обличительным статьям «Колокола» и по остроумной сатирической «Истории России от Гостомыслова до Тимашева» А. К. Толстого; семье оренбургских Тимашевых принадлежал крепостной — дворовый человек Тимофей Беляев — известный автор первого печатного произведения башкирского фольклора «Куз-Курпач».

В нашем крае два брата Иван и Михаил Лаврентьевичи Тимашевы появились в середине XVIII века. В «Материалах по истории Башкирской АССР» самый ранний документ об Иване Лаврентьевиче Тимашеве датируется 5 ноября 1751 года. Это купчая башкир Томьянской волости Ногайской дороги капитану Шешминского ландмилицкого полка И. Л. Тимашеву на продажу ему вотчинной земли с угодьями по реке Елшанке, «которая вышла из степи и двуросошей и пала в реку

Сакмару по течению оной расстоянием ниже Пречистенской крепости в 10 верстах»¹.

В последующие годы он неоднократно покупает башкирские земли в основном в Оренбургском уезде, о чем свидетельствует ряд документов², и становится богатейшим землевладельцем края. Накануне отмены крепостного права Тимашевым принадлежали 11 деревень: Покровское (Ташлы), Городки, Томгачи, Ивановка, Козловка, Троицкое, Ключи, Никольское, Александровка, Николаевка и Екатериновка с общим числом крепостных крестьян 2765 душ³. Ныне эти деревни находятся в Тюльганском, Сакмарском и Саракташском районах Оренбургской области.

В. И. Даль в рассказе «Охота на волков», имея в виду внука Ивана Лаврентьевича — Егора Николаевича Тимашева, пишет о нем так: «Под угорьем Урала, в самой Башкирии, жил барин, во всем крае том известный владелец. Дед его купил у башкир сотню тысяч десятин чернозему, лесу, гор, рек и озер, со всеми угодьями, среди непочатой дикой природы, переселился туда с целым полком крестьян, породнился через женитьбу с татарами, взял в приданое большое татарское

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. т. IV, ч. 1, с. 45—46.

² Там же, с. 147—148, 214—216, 274—275, 324—325. Там же, т. V, с. 81—82, 164—166.

³ Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. 2. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям (Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская). СПб., 1860.

село, и все поколение этого рода славилось в крае богатством, хлебосольством и гостеприимством. Этим барином сказана была охота, как всегда водилось, на полном угощении радушного хозяина. Это делалось очень просто: он давал знать немногим окружающим помещикам и в Оренбург, что в Ташлахе охота...»¹.

Но кто же такой И. И. Тимашев — герой интереснейших страниц «Семейной хроники»? К сожалению, С. Т. Аксаков не дает ни его имени, ни отчества, ограничившись инициалами, но называя его «одним из первых и богатых дворян». (1; 269). Мы можем лишь предположить, что это сын Ивана Лаврентьевича.

Хорошо известен и упоминается во многих документах другой сын Ивана Лаврентьевича — Николай Иванович Тимашев — прокурор Уфимской провинциальной канцелярии, губернский предводитель дворянства.

Вице-президент академии наук Яков Карлович Грот (1812—1893), известный историк литературы и филолог, около 40 лет изучал вопросы, связанные с личностью и творчеством Г. Р. Державина. Он подготовил издание 9-томного собрания сочинений последнего (СПб, 1864—1883), известное как образцовый («Гротовский») тип издания классиков.

Г. Р. Державин переписывался с Н. И. Тимашевым и часть переписки была опубликована в упомянутом собрании сочинений. В примечаниях Я. К. Грот о Н. И. Тимашеве писал: «Замечательно образованный человек»,

¹ Башкирия в русской литературе, Уфа, 1961, т. 1, с. 209.

воспитанный в духе французской философии 18 века», заботящийся «о сообщении познаний своим подвластным»¹. Н. И. Тимашеву и принадлежал дворовый человек Тимофей Беляев, о чем впервые было опубликовано в собрании сочинений Г. Р. Державина, но оставалось вне поля зрения литературоведов, изучавших повесть «Куз-Курпяч» и биографию ее автора, пока не напомнил об этом Люциан Ипшолитович Климович².

Башкирская повесть Тимофея Беляева была напечатана в типографии Казанского университета впервые в 1812 году и в 1819 году вышла там же вторым изданием. Подробно о значении творчества Т. Беляева неоднократно писал доцент Башкирского государственного университета, кандидат филологических наук Мурат Галимович Рахимкулов. Благодаря его работам широкие круги общественности были ознакомлены с творчеством Т. Беляева. Еще в 1961 году повесть «Куз-Курпяч» была опубликована в составленном им сборнике «Башкирия в русской литературе»³. Он же снабдил сборник предисловием, биографическими справками, комментариями и библиографией. В своем исследовании о русско-башкирских литературно-фольклорных связях М. Г. Рахимкулов высоко оценил эту повесть: «... повесть Т. Беляева «Куз-Курпяч» — первое произведение на русском языке, довольно полно изображающее жизнь башкирского

¹ Сочинения Державина, т. 6, с. 249.

² Климович Л. Наследство и современность. М., 1975, с. 333—349.

³ Башкирия в русской литературе, Уфа, 1961, т. 1, с. 346—422.

народа. Наряду с легендарным прошлым, в ней нашли широкое отражение быт, нравы и традиции башкир, а также природа края. И в этом непреходящая ценность и значение повести»¹. М. Г. Рахимкулов отмечает также, что повесть Т. Беляева оказала и «непосредственное влияние на творчество некоторых писателей XIX века, таких, как В. И. Даль, П. М. Кудряшов, В. Зефирин, В. Юматов и других»². Эта повесть заслужила внимание А. С. Пушкина. «Беляевский «Куз-Курпяч» положил начало русской литературе о Башкирии, литературе, созданной главным образом по мотивам башкирского фольклора»³.

Насколько велик современный интерес к творчеству Т. Беляева, свидетельствуют и материалы научной сессии, посвященной «150-летию первой публикации башкирского народного эпоса «Кузы-Курпес и Маян-Хылу», проведенной в сентябре 1962 года институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР совместно с Координационной комиссией по народному творчеству при Отделении литературы и языка АН СССР. Открывая эту сессию, народный поэт Башкирии Мустай Карим сказал: «Значение этого бессмертного произведения велико еще тем, что оно принадлежит не только башкирам, оно обогрето сердечным теплом, озарено светлым разумом и других братских народов,

¹ Рахимкулов М. Г. Страницы дружбы. Уфа, 1972. с. 106.

² Там же, с. 132, 133.

³ Там же, с. 123.

с которыми были схожи и близки наши исторические судьбы. Естественно, и песни были схожи и близки.»¹

Повесть Т. Беляева «Куз-Курпяч» была переведена на башкирский язык поэтами Баязитом Бикбаем и Назипом Идельбаем и издана в 1965 году².

Что нам известно нового из биографии Тимофея Беляева? В 1980 г. мы получили из Оренбургского областного архива микрofilm ревизской сказки 1811 года по селам Никольское и Покровское (Ташлы) Оренбургского уезда, в которых находились имения Николая Ивановича Тимашева. По селу Покровскому (Ташлы) записан переведенный в 1802 году из села Никольского дворовый человек Тимофей Савельевич Беляев, 43 лет и его два сына — Иван 3-х лет и Александр 6-ти недель³. О жене и дочерях сведений по 6-й ревизии 1811 года быть не могло, так как тогда переписывалось только мужское население.

По сообщению научного сотрудника Башкирского филиала АН СССР В. В. Сидорова оренбургский историк Ю. С. Зобов еще несколько лет тому назад сведения о Беляеве и его семье обнаружил в Оренбургском архиве по 5-й и 7-й ревизиям. По 5-й ревизии 1795 года упоминается жена Т. Беляева — Марфа Ивановна 23-х лет, а по 7-й ревизии 1816 года — Т. С. Беляев, кроме двух сыновей,

¹ Рахимкулов М. Г. Страницы дружбы. Уфа, 1972, с. 121, 122.

² Кузый Курпес. Башкорт халык хикәйәһе. Под ред. Харисова А. Уфа, БКИ, 1965 г.

³ ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 17, л. 120 об. — 121.

Ивана 7 лет и Александра 4-х лет имел семь дочерей: Клавдию 21 года, Аксицию 19 лет, Меланью и Анисью 17 лет (близнецы), Авдотью 15 лет, Александру 13 лет и Анну 11 лет. Жена не упоминается — видимо, к этому времени Т. С. Беляев овдовел. Весьма вероятно, что и сейчас потомки Т. С. Беляева проживают в Оренбургской области. Авторы будут очень признательны читателям, что-либо сообщившим о них.

11 декабря 1812 года Н. И. Тимашев писал Г. Р. Державину: «Почтеннейшему мурзе, певцу Фелицы, моему древле великому благодетелю, живущий под хребтом Уральских гор, осьмиродец башкирец здоровья желает». И далее, жалуясь на смерть жены и второго сына, на старость, немощи и другие горести, добавил: «... Нахожу только утеху, слушаю сказки о башкирских батырах, из коих одну велел написать собственному моему грамотею, а он написав, поднес ее мне. Присоветовали ее придать типу (отдать в типографию, напечатать — примечание Л. Климовича); в третий год насилу вышла, и то угодно было оное переменить и поместить смысл и слова, не похожие на наши. Мне жаль стало моего Курайчу, которого склад песен переменить: велел ему выписать то, что по-нашему складно, а по ученому не складно; приложив к повести, посылаю вам, моему благодетелю: прочтите и посмейтесь обще с осьмиродцами...»¹ Интересно было бы найти в архиве Г. Р. Державина подлинный текст повести

¹ Сочинения Державина, т. 6, с. 249—251.

Климович Л. Наследство и современность. М., 1975, с. 334.

Т. С. Беляева «Куз-Курпяч», не искаженный цензурой и приложенный к письму Н. И. Тимашева.

Жена Н. И. Тимашева — Федосья Петровна была дочерью князя Темирбулата Ильмурзиновича Черкасского, владевшего землей в Белебеевском уезде¹. Князья Черкасские кабардино-черкесского происхождения играли заметную роль в истории России. Санлук — сын князя Темрюк Айдаровича после крещения — Михаил Темрюкович Черкасский — прибыл в Москву в 1561 году вместе со своей сестрой княжной Кученей, ставшей после крещения второй женой Ивана Грозного — Марией Темрюковной Черкасской. Именно она и дала совет мужу создать опричнину в 1565 г. Царица умерла 6 сентября 1569 г., а ее отец обвинял Ивана Грозного в гибели своей дочери, заключил союз с Крымом и в 1572 г. принимал участие в походе Крымского хана на Россию².

У Н. И. Тимашева было три сына: Василий, Николай и Егор. О смерти второго сына — Николая — и сообщалось в ранее приведенном письме Державину от 11 декабря 1812 года. О смерти сына Василия Н. И. Тимашев писал Державину 4 марта 1814 года: «Петро Курайчи моего притушилось, он лишился господина, которого был пестуном, а я — сына моего Василия; он убит под Лейпцигом». Это письмо не вошло в собрание сочинений Г. Р. Державина, а хранится в руко-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960, т. 5, с. 317.

² Альманах Прометей, М., 1972, т. 9, с. 278.

писном отделе Пушкинского дома и впервые опубликовано в упомянутой выше книге Л. Климовича. (Стр. 334).

В приведенных письмах Н. И. Тимашев называет своего дворового Тимофея Савельевича Беляева своим курайчем. Казалось бы, дело совершенно ясное: Т. С. Беляев и курайча одно и то же лицо: не переводчик, а автор башкирской повести «Куз-Курпяч», написанной им по устным сказаниям башкирских певцов. Тем не менее в литературоведении Т. С. Беляева все еще продолжают рассматривать только как переводчика, в частности, таково мнение Л. Климовича, которое мы считаем необоснованным. Случаи литературных мистификаций были не редки, особенно в прошлом. Так и здесь: Т. С. Беляев свою повесть приписывает неизвестному автору, низводя свою роль лишь к переводу. Он преследует совершенно определенную цель — придать большую убедительность выражениям любви и уважения башкир к осьмиродцу — отцу Н. И. Тимашева — Ивану Лаврентьевичу.

В стихотворном «Приношении курайча сыну осьмиродца» Т. С. Беляев пишет:

«Отцом твоим любимьй
Описывал народ;
Он другом был народа,
Народ его любил.

И большей изъявити
Не мог ему любви,
К семи родам причисля,
Осьмым его назвать.

Да будет он блаженным
В селениях аллы¹;

¹ Бог (примеч. Беляева).

Тебе же дар довлеет
Великого падши¹.

Да радуешься сердцем
В преклонных ты летах;
Сыны в благих наследят
Да деду и отцу!

Три батыра² младые
На родине своей,
Как крины сильны в поле;
Красуюся цветут,

Родителю в утеху,
На верный долг падше;
Отечеству в защиту,
На славу, честь себе³».

Следовательно, осьмиродцем Т. С. Беляев называет Ивана Лаврентьевича Тимашева. Казалось бы, откуда такая любовь башкир к И. Л. Тимашеву? Далее мы подтвердим документами, что это не красочный вымысел автора, а действительность, обусловленная противоречивыми сложностями той эпохи.

Покупая земли у башкир в свою собственность, И. Л. Тимашев как гибкий и дальновидный политик не прогонял башкир с этой земли, а сразу же сдавал им же эту землю в аренду на 150 лет, оформляя при этом документы только с башкирскими вотчинниками-феодалами. Так что зачастую широкая масса башкир и не догадывалась, что земля продана. При этом нужно учесть, что башкиры в те времена особенно в тех местах, где Тимашев приобретал землю, сильно страдали от набегов кочевых киргизских племен, которые

¹ Государь или монарх (примеч. Беляева).

² Воин или богатырь (примеч. Беляева).

³ Печатается по тексту кн. «Башкирия в русской литературе», Уфа, 1961, с. 348.

разоряли башкир, уводили в плен, угоняли скот. В этом случае Тимашев, охраняя свои владения от разорения, выступал сильнейшим защитником башкир, кочующих на его землях. Интересны найденные нами архивные документы, из которых видно, как много позже внук Ивана Лаврентьевича — Егор Николаевич и правнук — Николай Егорович Тимашевы десятилетиями судились с башкирами из-за тех земель, которые были в свое время куплены И. Л. Тимашевым и отданы башкирам в аренду¹. Башкиры в середине XIX века не признавали прав Тимашевых на эти земли, мотивируя тем, что их деды и прадеды беспрепятственно веками здесь жили. Документы же на владение землями все были в руках Тимашевых. Между прочим, это один из ярких примеров гибкой и дальновидной царской политики в колонизации края, проводимой в жизнь И. Л. Тимашевым.

Будучи директором Правления горных заводов и крупнейшим землевладельцем края, И. Л. Тимашев в 1774 году руководил крупным карательным отрядом по подавлению восстания Е. И. Пугачева в юго-восточной части Башкирии².

Из донесения главнокомандующего корпусом карательных войск генерал-поручика князя Ф. Ф. Щербатова Екатерине II от 11 мая 1774 г. хорошо видно, какая большая роль предназначалась отряду И. Л. Тимашева, который «...как во время облежания Оренбурга

¹ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 2, д. 1415; ф. 1, оп. 1, д. 2084.

² Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975, с. 384.

с особливым усердием и отличным мужеством исполнял свое дело, так и совершенно знает нравы и образ мыслей башкирцев, пошел от Воздвиженской крепости к вершинам реки Сакмары и к Зилаирской крепости, и будет стараться о склонении остальных башкирцев, пребывающих упорно в злодействе, к законному повиновению, а с сим главное примечание иметь ему предписано над несогласными башкирцами, обитающими в Уральских горах, и воспрепятствовать, если бы они на крепости Верхне-Яицкой дистанции набеги свои образить предприняли...»¹

Обратим внимание читателей еще на одну деталь. В письме 27 ноября 1774 г. генерал-майора Ф. Ю. Фреймана генерал-майору А. Д. Скалону о захвате в плен Салавата Юлаева и аресте Юлая Азналина сообщалось: «По подходе к Катавским заводам подполковника Рылеева... разбежалось скопище злодея Салаватки, который после того и сам с некоторыми сообщниками его пойман. А об отце реченного злодея, Юлая, объявили, что он, видя уже погибель свою, побежал к коллежскому советнику Тимашеву»². По поводу этого письма И. Л. Тимашев в своем рапорте 9 декабря 1774 г. генерал-майору А. Д. Скалону самым серьезным образом оправдывается в том, «...что бунтовщикам-злодеям бегать от страха ко мне, как будто б ко избавлению, совсем резону нет»³.

¹ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975, с. 143.

² Там же, с. 264.

³ Там же, с. 266—267.

Ловкий политик, хорошо знающий быт и психологию башкир, И. Л. Тимашев без сомнения имел со стороны известной части феодальной верхушки башкирского народа уважение и доверие, что подтверждают приведенные выше документы.

Еще академик В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904) высказывал предположение, что сыном осьмиродца является Н. И. Тимашев. И мы не можем согласиться с мнением Л. И. Климовича о том, что «сыном осьмиродца» курайч, или в данном случае переводчик Беляев назвал своего воспитанника Василия Тимашева, который ко времени издания «Куз-Курпач» должен был уйти на отечественную войну»¹. Не мог Т. С. Беляев назвать Василия Тимашева сыном осьмиродца, так как его отец — осьмиродец — упоминается в «Приношении курайча» как уже умерший.

То, что Н. И. Тимашев в письме Г. Р. Державину называет себя осьмиродцем, а не сыном осьмиродца, не должно вводить в заблуждение, так как он употребляет это выражение в собирательном смысле, а не в смысле основателя рода, и употребляет слово во множественном числе — «осьмиродцы».

Сын Николая Ивановича — Егор Николаевич Тимашев — был наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, дослужился до чина генерал-майора и, выйдя в отставку, проживал в своих имениях.

Известно, что А. С. Пушкин бывал в селе Ташлы у Е. Н. Тимашева. С женой Е. Н. Ти-

¹ Климович Л. Наследство и современность. М., 1975, с. 335 и 336.

машева, Екатериной Александровной, урожденной Загряжской, поэтессой, он был знаком еще ранее в Москве. Сохранилось написанное рукой А. С. Пушкина в альбом Е. А. Тимашевой посвященное ей стихотворение «Я видел Вас, я их читал» (с датой 20 октября 1826 г. Москва). 9 ноября 1826 г. А. С. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Что Тимашева? Как жаль, что я не успел с ней завести благородную интригу! Но и это не ушло.» В стихотворениях «Послание к учителю» и «К портрету Пушкина», датированных 22—25 октября 1826 года Е. А. Тимашева восторженно отзывается о поэте. Кроме А. С. Пушкина, ей посвящали стихи также Е. А. Баратынский, И. Е. Великопольский, П. А. Вяземский, Е. П. Растопчина и Н. М. Языков¹.

Известно, что кроме А. С. Пушкина, в селе Ташлы бывали С. Т. Аксаков (4; 605), В. И. Даль², и П. М. Кудряшов³, однако никто из них не оставил в своих произведениях упоминания о Т. С. Беляеве. Мы полагаем, что независимо от того был ли Беляев в то время жив, или нет, новый ташлинский барин — Егор Николаевич Тимашев — в отличие от отца, будучи человеком невежественным, далеким от каких-либо литературных интересов, личностью своего талантливого дворового человека не интересовался и не представлял ни его, ни его творчества своим гостям.

¹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Наука, Л., 1976 г.

² Башкирия в русской литературе. Т. 1, с. 209, Уфа, 1961.

³ Там же, т. 1, с. 90.

Е. Н. Тимашев вел распутный образ жизни. Жалоба на него дошла до Николая I, по повелению которого было назначено расследование. По докладу следственного дела о развратных поступках Е. Н. Тимашева царь «высочайше повелеть соизволил... дабы Тимашеву объявлено было, что он монаршею волею высылается из своего имения, и впредь ему воспрещается въезд в оное¹».

После Е. Н. Тимашева все богатство перешло в руки его сыновей — Александра и Николая. А. Е. Тимашев, занимая пост начальника штаба корпуса жандармов и начальника III отделения, отличался крайней реакционностью, несогласный с отменой крепостного права ушел в отставку: «Указ 19 февраля 1861 г. и решительное уничтожение крепостного состояния окончательно вывели из терпения сына степей оренбургских; он объявил, что оставляет свое место, найдя направление правительства слишком либеральным»². Его брат Н. Е. Тимашев занимался хозяйственными делами по устройству имений; братья владели наследством нераздельно.

В истории нашего края встречались и другие Тимашевы-дворяне. Например, в черте города Уфы на левом берегу реки Шугуровки ныне находится большой поселок — бывшая деревня Тимашево (Сергиевка, Белоусово), принадлежавшая в середине XIX века Елизавете Егоровне Тимашевой, жене подполковника, уфимского уездного предводителя дво-

рянства, Капитона Кузьмича Тимашева. По ревизской сказке 1850 г. (9 ревизия) в этой деревне насчитывалось 16 дворов¹.

Капитон Кузьмич Тимашев в отличие от упоминаемых нами выше оренбургских Тимашевых — потомков Лаврентия, принадлежал к уфимскому роду Тимашевых, родство которых с оренбургскими не установлено. Род уфимских Тимашевых берет начало с середины 16 века. Один из первых представителей этого рода Венедикт Иванович Тимашев был дьяком при Борисе Годунове, его сын Нефталим — воеводой в Курске (1635 г.) и Смоленске (1656 г.)².

Наш очерк о Тимашевых мы закончим, вернувшись к аксаковскому тексту «Семейной хроники». При чтении страниц, где описывается романтическая история любви капитана И. И. Тимашева и дочери татарского дворянина Сальме Тевкелевой, побег Сальме со своим женихом из отчего дома вопреки воли родителей, принятие ею православной веры и имени Серафимы Ивановны, у читателей может сложиться мнение о редкой исключительности подобных браков в ту эпоху. Однако изучение рода Тимашевых приводит нас к иному выводу. Смешанные браки лиц различных национальностей и вероисповеданий (до бракосочетания) в роду Тимашевых были не редки: на протяжении двух поколений нам известно три случая, о которых написано выше. Напомним их: Иван Лаврентьевич был женат на татарке; его сын И. И. Тимашев же-

¹ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 297, л. 176—176 об.

² Долгоруков П. В. Петербургские очерки (1860—1867). М., 1934, с. 184.

¹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 610, л. 453—466.

² Энци. Брокгауза и Ефрона, т. 65, с. 180—181.

нился на Сальме; а другой сын — Н. И. Тимашев — на дочери князя Черкасского. Не лишне будет здесь отметить, что родство между семьями Тимашевых и Тевкелевых помимо брака Сальме было и по линии жены Н. И. Тимашева, Федосьи Петровны. Княгиня Екатерина Осиповна Черкасская, жена майора, была урожденной Тевкелевой — сестрой прапорщика Петра Осиповича Тевкелева. По данным 6-й ревизии 1811 года она владела в Белебеевском уезде именьями в двух деревнях — Тюрюш-Тамаке и Ломовой (ныне эти деревни в Благоварском районе)¹. Можно предположить, что это родство и послужило поводом для знакомства И. И. Тимашева и Сальме.

Глава IX

Э. А. ЭВЕРСМАНН

Более пятнадцати лет прошло с того времени, как 1 июня 1965 года в Уфу прибыли из округа Галле первые посланцы дружбы. С этого периода прочно установились и из года в год крепнут культурные связи нашей автономной республики с трудящимися округа Галле ГДР. Постоянный контакт установился и между Галльским и Башкирским университетами.

Университет в Галле был основан в 1694 году. К этому времени многие более старые

¹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 96, л. 269—275, 294, 294 об., 297—299.

немецкие университеты — Гейдельбергский (1386 г.), Кельнский (1388), Эрфуртский (1392), Лейпцигский (1409) и другие — стали приходить в упадок, выражающийся в господстве бездушного педантизма и неподвижной учености. Новый университет, открытый в Галле, служил местом для насаждения новаторских идей. В другом городе Галльского округа — Виттенберге — существовал основанный в 1502 году Виттенбергский университет, который в 1817 году был соединен с Галльским, что еще более усилило последний¹.

Из выпускников Галльского университета большой интерес для нас представляет Эдуард Фридрих (Эдуард Александрович) Эверсмани, крупнейший, наряду с Палласом П. С. зоолог, натуралист и путешественник — географ, профессор Казанского университета и член-корреспондент Петербургской Академии наук, связавший всю свою жизнь с Оренбургским краем и Казанью. Эдуард Александрович Эверсмани родился 23 января 1794 года в деревне Верингаузене близ города Гаген в Вестфалии. Его отец Александр Эверсмани был крупный специалист по металлургии. В 1814 году Александр Эверсмани был приглашен русским правительством для постройки в Златоусте оружейной фабрики. Вместе с отцом отправился в Россию и Эдуард, защитивший к тому времени (9 августа 1814 года) в Галльском университете диссертацию и получивший степень доктора философии и магистра свободных наук. Перед поступлением

¹ Энци. Брокгауза и Ефрона, т. 12, с. 580 и т. 14, с. 928.

в Галльский университет он прослушал курсы интересующих его лекций в Берлинском и других университетах. Весь университетский курс Эверсманн прошел в исключительно короткий срок — за два года. Этому способствовали не только блестящие способности будущего ученого, но и прекрасное домашнее образование, которым руководил отец.

Поездка отца в Россию, на Урал, приблизила осуществление заветной мечты Эдуарда Эверсманна о путешествии в глубь Азии. Но не имея необходимых средств, Эдуард решил получить сначала специальность врача, которая облегчила бы ему участие в ученых экспедициях. Для этого он поступает в России в Дерптский университет (г. Тарту). Там он в 1816 году защищает диссертацию и получает степень доктора медицины. После этого Эдуард Александрович едет к отцу в Златоуст, где работает врачом на оружейной фабрике.

Впоследствии Эдуард Александрович в своих воспоминаниях писал: «В пять лет мой отец окончил постройку фабрики в Златоусте, которая снабжает всю русскую армию холодным оружием; за это по окончании работ он получил 9000 рублей ежегодной пенсии».

Отец его вернулся на родину, где и умер, «по некоторым данным около 1837 года»¹. Его же сын навсегда остался в России.

Врачебная деятельность принесла Э. А. Эверсманну известность не только в Златоуст-

¹ Гептнер В. Г. Эдуард Александрович Эверсманн зоолог и путешественник (1794—1860). М., 1940, с. 12.

те, но и во всем Оренбургском крае и особенно в городе Оренбурге.

В 1820 году осуществляется мечта Э. А. Эверсманна. Он отправляется в Бухару с экспедицией, возглавляемой А. Ф. Негри, греком по национальности, дипломатом на русской службе и археологом. Целью этой экспедиции было утверждение торговых сношений России с Бухарою и возвращение русских пленных.

В результате этой поездки Э. А. Эверсманном был опубликован труд (на немецком языке) «Путешествие из Оренбурга в Бухару» (Берлин—Лондон, 1823 г.)

По возвращении из экспедиции он женится на дочери прославленного суворовского генерала, участника альпийского похода А. П. Мансурова, Софье Александровне.

С. Т. Аксаков в «Детских годах Багровянука» дал замечательное описание рыбной ловли на озере Кишишки под Уфой с участием А. П. Мансурова, приехавшего к Аксаковым с женой и двумя дочерьми, одна из которых впоследствии и стала женою Э. А. Эверсманна.

В последующие годы Э. А. Эверсманн совершает ряд путешествий по азиатской части России:

— в 1823 году — по берегам Каспийского моря,

— в 1825 году — в Киргизские степи,

— в 1827 году — по Уралу,

— в 1828 году — по Оренбургской и Астраханской губерниям.

В результате этих путешествий им были собраны богатейшие коллекции млекопитаю-

щих, птиц, насекомых, дано описание систематики, биологии, распространения различных видов животных, описан ряд новых видов. Он становится крупным знатоком фауны юго-восточной России.

В 1828 году Э. А. Эверсманн получил кафедру ботаники и зоологии в Казанском университете, где прослужил тридцать два года до своей смерти 1 апреля 1860 года.

В Казани его знали и посещали очень многие, в том числе и С. Т. Аксаков. Среди учеников Э. А. Эверсманна в Казанском университете можно назвать известного зоолога М. Н. Богданова, подготовившего к печати рукопись Эверсманна по птицам Оренбургского края, Н. П. Мельникова — профессора Казанского университета, преемника Эверсманна, А. М. Бутлерова, впоследствии известного ученого-химика, и других.

В 1840 году Э. А. Эверсманн перешел в русское подданство. Э. А. Эверсманн является автором 66 научных трудов. Из сочинений популярного характера следует особо отметить его «Естественную историю Оренбургского края», сохранившую познавательную ценность и до наших дней. Этот труд вышел в трех частях. Его первая часть представляет собой географическое исследование Оренбургского края. Э. А. Эверсманн был не только зоологом, но и ботаником, географом и первым почвоведом нашего края. Первая часть вышла в Оренбурге в 1840 году, причем перевод рукописи с немецкого на русский язык осуществил В. И. Даль, снабдивший книгу ценными примечаниями.

Вторая часть о млекопитающих животных была издана в Казани в 1850 году. Интересно отметить, что среди млекопитающих нашего края автор упоминает... тигров, которые водились в его время в регионе от Каспийского до Аральского моря. А третья часть о птицах была выпущена там же уже после смерти автора — в 1866 году. С этим трудом Э. А. Эверсманна можно ознакомиться в Башкирской республиканской библиотеке им. Н. К. Крупской.

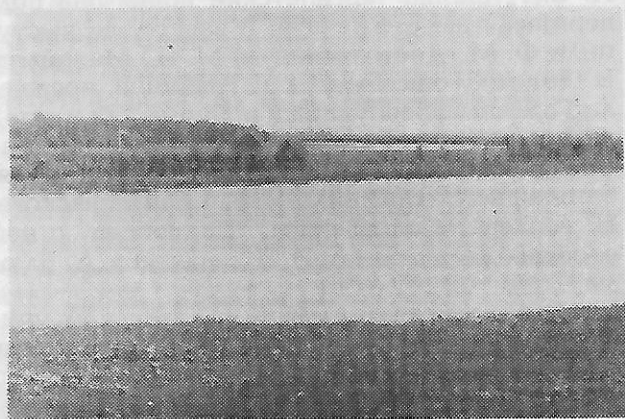
Представляет интерес и судьба детей Э. А. Эверсманна. Дочь Евгения, по мужу Толмачева, оставила след в истории русской литературы и русского революционного движения. За декламацию стихотворения А. С. Пушкина «Египетские ночи» она подверглась травле в печати. В защиту ее выступили Ф. М. Достоевский и М. И. Михайлов. В 1861 году она, будучи за границей, посещала Герцена. Вернувшись в Пермь, была под надзором полиции. Работала в книжном магазине известного революционного деятеля, ближайшего соратника Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича. Подробнее о ней сообщалось в статьях Н. Н. Барсова и А. Блюма¹.

Сын Александр служил в Казанском университете астрономом-наблюдателем, был членом Оренбургского отделения Русского географического общества.

---

¹ Барсов Н. Н. Безобразный поступок, Советская Башкирия, 11 ноября 1971 г. Блюм А. Инцидент с «Египетскими ночами», сб. Рифей, Челябинск, 1976, с. 149—158.

Сын Николай родился в 1823 году. Изучал медицину и, как и его отец, прошел обучение в нескольких университетах — в Берлинском, Галльском, Венском, Пражском и Парижском — но докторский диплом получил в Московском университете. Недолго проработав врачом в Оренбурге, он переезжает в Уфу, где живет всю жизнь, имея дом на углу улиц Сенной и Малой Вавиловской (ныне Коммунистической и Зенцова)¹. Дом этот не сохранился, на его месте в начале 20 века размещалась усадьба реального училища. Дослужив до чина действительного статского советника, он умер в Уфе 78 лет от апоплексического удара 11(24) сентября 1901 года, о чем нами найдена в архиве метрическая запись².

¹ Справочная книжка Уфимской губернии 1882—1883 г., отдел 4, с. 91.

² ЦГА БАССР, ф. 294, оп. 2, д. 48, л. 195 об.—196.

В «Советской Башкирии» 25 мая 1968 г. была опубликована заметка Р. Маликовой «Уголок природы» с сообщением, что в Уфе по улице Кирова № 1 в саду Базилева растет тридцатилетний каштан. Владелец этого сада — пенсионер Сергей Алексеевич Базилев — праправнук суворовского генерала А. П. Мансурова и основателя Златоустовской оружейной фабрики Александра Эверсмanna, — праправнук члена-корреспондента Академии наук, профессора Э. А. Эверсмanna, — внук его сына Александра. Его отец Алексей Иванович Базилев в свое время пользовался большой известностью в Уфе как ученый агроном, автор нескольких книг по сельскому хозяйству¹. А. И. Базилев был сыном директора уфимской мужской гимназии Ивана Васильевича Базилева и братом Прасковьи Ивановны Чеглоковой², в доме которой в 1900 году жил В. И. Ленин и где теперь размещается Дом-музей В. И. Ленина³.

Глава X

Е. И. БАРАНОВСКИЙ

В середине прошлого века у уфимских журналистов возник очень интересный замысел: из годового комплекта газеты сделать

¹ Базилев А. Основы животноводства, Уфа, 1913, Разведение тыквы. Уфа, 1914.

² Гудков Г., Гудкова З. Дом с мезонином. «Ленинец», 14 июня 1980.

³ Павлюченков Г. Ф. Н. К. Крупская в уфимской ссылке. Уфа, 1973, с. 74.

выборку наиболее значительных публикаций на местную, краеведческую тему и издавать этот материал отдельной книгой. В Башкирской книжной палате хранятся два таких сборника за 1859 год по газете «Оренбургские Губернские Ведомости», издававшейся в то время в Уфе. Таким образом, газетному материалу, предназначенному для кратковременного существования, обеспечивалась долговечная жизнь в книге.

В одном из таких сборников за 1859 год было нами найдено без подписи автора «Воспоминание о С. Т. Аксакове»¹.

Ввиду большого для нас краеведческого значения как для характеристики С. Т. Аксакова, так и для характеристики самого автора, пожелавшего остаться неизвестным, воспроизводим эту статью почти полностью.

«В 1853 г. я назначен был на службу в Оренбургскую губернию. Уезжая из Петербурга к месту моего назначения, я намеревался прожить несколько дней в Москве и побывать у Сергея Тимофеевича Аксакова, который знал меня по рассказам двух сыновей своих, моих товарищей по воспитанию. С юношеских лет лежало у меня сердце к Сергею Тимофеевичу; никогда не видавши его, я знал, что его от души любят и глубоко уважают все близкие и знакомые его; мне известно было его горячее сочувствие ко всему доброму и прекрасному; в сыновьях его я видел более чем сыновнюю к отцу любовь, они благоговели перед ним, а я любил их, как братьев.

¹ Выбор статей из Оренбургских Губернских Ведомостей за 1859 г. с. 92.

Личность Сергея Тимофеевича сильно привлекала меня к себе и тогда, когда никто не подозревал в нем великого писателя. Правда, слышал и прежде я о его переводах и о книге «Об уженьи», но, признаюсь, не читал их. Незадолго до назначения моего в Оренбургскую губернию, выпли «Записки Ружейного Охотника». С истинным наслаждением прочел я эту книгу и желание видеть человека, так увлекательно живописующего природу, сделалось для меня нравственною потребностью. Приезжаю в Москву и узнаю, что Сергей Тимофеевич живет с семейством в подмосковной деревне своей, Абрамцеве, верстах в 9 от Пр. Сергия¹. Это было в мае месяце. Я уговорил одного из товарищей моих, коренного жителя Петербурга, приехавшего в первый раз в Москву, отправиться со мною к Пр. Сергию и оттуда заехать к Аксаковым. Приезжаем в Абрамцево и узнаем, что товарищей наших нет дома. Нас приняли с распростертыми объятиями. Конечно, ни спутник мой, ни я не забудем светлого дня, проведенного с Сергеем Тимофеевичем и с его семейством; так спокойно и радостно было у нас на душе, мы заслушивались его умной задушевной речи; его взгляд, согретый самою глубокою любовью к родине, живость чувств, соединенная с житейскою опытностью, его истинно русское радушие обаятельно действовали на нас. — Как я рад, что Вы едете в прекрасную мою родину, — говорил мне Сергей Тимофеевич, — и как бы мне самому хотелось туда».

¹ Троицко-Сергиевская лавра — ныне г. Загорск. (авт.)

Выраженная Сергеем Тимофеевичем уверенность, что предстоявшая мне в Оренбургской губернии деятельность будет не без пользы, радовала меня, как нельзя более. Живя в Уфе, я совершенно неожиданно и не будучи подготовлен к тому, получил от Сергея Тимофеевича «Семейную хронику». Если везде в России это высокохудожественное, и вместе строгое, непосредственное воссоздание былого на Руси, и людей и степной девственной природы поразило как нечто необычайное, никем неожиданное, и затронуло всех за живое, то тем сильнее должно было быть впечатление «Семейной Хроники» на жителей Оренбургской губернии. Я, по крайней мере, не мог оторваться от книги и, признаюсь, забыл и дела и все, меня окружающее, пока не прочел последней страницы. В одном из отрывков, написанных после «Семейной хроники», Сергей Тимофеевич, по ходу рассказа, приведен был к описанию одной татарской деревни, недалеко от Уфы, в которой был в детстве; ему хотелось проверить художественное представление свое об этой местности с действительностью, и он написал мне, прося сообщить описание местоположения деревни. Я послал Сергею Тимофеевичу самое верное и простое описание местности; этого-то ему и хотелось; и как благодарил он меня за исполнение просьбы, как рад был великий художник, что воссозданная им местность верна была истине. Еще два раза я видел в жизни Сергея Тимофеевича; предметом бесед наших было общее дело всей России, возрождение ее к новой жизни; опять поговорили мы о милой родине Сергея

Тимофеевича, о том, — как бы хорошо было ему вспомнить молодость, забраться снова в Оренбургские степи и на оренбургское приволье. Об охоте Сергей Тимофеевич и не думал: ему уже давно изменило зрение.

В последний раз я видел Сергея Тимофеевича год тому назад, на одре болезни; приехал к нему просить благословения, отправляясь во второй раз на новую деятельность в Оренбургский край. Я слышал из другой комнаты его радостное «не может быть», когда ему сказали обо мне; с сердечным умилением принял я от него напутствие и пожелания и простился с ним навеки.

Фамилия автора таких воспоминаний о С. Т. Аксакове, естественно, не могла нас не заинтересовать, тем более, что сам автор принадлежал к числу видных представителей администрации нашего края, поскольку получил назначение из Петербурга. С. И. Машинский, который был знаком с текстом воспоминаний по материалам аксаковского фонда архива Пушкинского дома, называет автора «одним из земляков писателя»¹.

Мы начали поиск автора. В «Семейной хронике» С. Т. Аксаков пишет, что когда врачи нашли здоровье матери — Марии Николаевны — в опасности, ее «... слабую, желтую, худую, одним словом сказать, тень прежней» отвезли на кумыс в деревню Алкино. Поэтически описывая деревню Алкино и ее окрестности, С. Т. Аксаков уточняет: «...я говорю все

¹ Машинский С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество, изд. второе, М., Художественная литература, 1973, с. 411.

это, основываясь на самых точных новых сведениях, благосклонно доставленных мне Е. И. Барановским... Я видел сам прекрасную местность этой деревни, но этому прошло уже так много лет, что я не мог бы верно описать ее без пособия сведений, доставленных мне обязательными людьми.» (1; 261).

Кто же такой Е. И. Барановский? В архивных материалах находим мы дело о назначении 18 июня 1853 года статского советника, чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел Егора Ивановича Барановского в Уфу оренбургским вице-губернатором¹.

Из этого дела видно, что родился он в Могилевской губернии, где его родители имели поместье, 32 лет, холост, окончил императорское училище правоведения.

Обращают на себя такие совпадения: Е. И. Барановский родился в 1821 г., а сыновья С. Т. Аксакова Григорий, родившийся в 1820 г., и Иван — в 1823 г., были почти его ровесниками. Все трое окончили одно и то же учебное заведение — императорское училище правоведения. Итак, сомнений быть не может: автором «Воспоминаний о С. Т. Аксакове» является Егор Иванович Барановский.

В различных архивных и литературных источниках нами найдены интересные биографические сведения о нем, с которыми мы и ознакомим читателя.

В книге приказов Оренбургской казенной палаты за 1854 г. найден приказ, подписанный самим же Е. И. Барановским: «По случаю

¹ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 2814, л. 1—26.

вступления гражданского вице-губернатора Барановского 11 июня сего года в законный брак с дочерью полковника Карла Тимлер, девицею Екатериной, показать об этом в формулярном списке и его Барановского»¹.

С 1858 по 1861 год Барановский служит в Уфе гражданским губернатором. В эти годы в России проводится подготовка к отмене крепостного права, разрабатываются уставные грамоты. В декабре 1858 года в Уфе открывается губернский дворянский комитет по устройству быта помещичьих крестьян.

Крестьянскую реформу 1861 года В. И. Ленин охарактеризовал так: «Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними.»²

В этих сложных условиях роль Барановского была положительной, в известной мере ограничивающей помещичий произвол. А. Корнилов в статье «Общественное движение при Александре II» пишет: «... между губернаторами были в то время некоторые искренно преданные делу реформы, как Арцимович — в Калуге, Муравьев — в Нижнем, Грот — в Самаре, Барановский — в Оренбурге, Купреянов — в Пензе. Валуев³ тот же час вступил с ними в борьбу. В течение первых же двух лет своего правления он избавился от всех этих лиц, заменив их своими клеветами⁴.»

¹ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 2706, л. 159.

² Ленин В. И. ПСС, 1966, т. 20, с. 173.

³ Валуев П. А. — тогдашний министр внутренних дел.

⁴ Минувшие годы, 1908, №№ 5 и 6, с. 178.

Л. Айзенберг в статье «К трагедии горно-заводских крестьян в Оренбургском крае» отмечает, что «...Барановский и губернское по крестьянским делам присутствие обнаружили кипучую деятельность по проведению в жизнь крестьянской реформы, выдвинув вопрос о скорейшем — до истечения года — введении уставных грамот по горно-заводским имениям»¹.

Чтобы помешать этой «кипучей деятельности» Барановского переводят в 1862 году в другую губернию.

Сам Барановский позже вспоминал, что он явился в Саратов, куда был переведен губернатором, «... с весьма неудобной для начальника губернии репутацией безусловного пристрастного защитника во что бы то ни стало, одного крестьянского сословия в ущерб дворянам — помещикам»².

Ту же деятельность продолжает Барановский и в Саратове. Мировой посредник А. Н. Минх в своих «Записках» характеризовал Е. И. Барановского так: «... Человек умный, но принадлежал к партии «красных», объезжая губернию, Барановский никогда не заезжал к помещикам и мировым посредникам, собирал крестьян без нас и расспрашивал их, не жестоко ли с ними обращались помещики, не теснят ли их и т. п., в то время эти расспросы были то же, что подливать масло в огонь»³.

¹ Архив истории труда в России, 1923, кн. 5—6, с. 138.

² Русская старина, 1899, т. 98, с. 221.

³ Материалы по крепостному праву Саратовской губернии, изд. Саратовской ученой архивной комиссии, Саратов, 1914, с. 11.

Саратовский жандармский майор Глоба так информировал III отделение о деятельности Барановского: «Я полагаю, что оставить губернию под управлением г. Барановского было бы небезопасно потому, что вследствие его вредного направления даже некоторыми чиновниками ухищренно проводится дух непокорности между крестьянами. Ежели не прекратить во время опасные происки эти отозванием г. Барановского от управления губернией, то тем более невозможно надеяться на благополучное окончание крестьянского вопроса в Саратовской губернии»¹.

В статье В. Сущицкого «Письма Е. К. Барановской к М. В. Авдееву» помещены три письма Екатерины Карловны — жены Барановского и одно письмо его самого из Саратова в Уфу, относящиеся к 1862 году².

Михаил Васильевич Авдеев (1821—1876) был в то время популярным либеральным писателем, в описываемое время был членом оренбургского по крестьянским делам присутствия и вместе с Барановским нажил не мало врагов среди реакционных помещиков. В одном из своих писем к М. В. Авдееву Е. К. Барановская сообщает, что она в Саратове устроила благотворительный концерт и «собрала 900 руб. с. в пользу литературного фонда». В конце 1861 года за революционную деятельность Михаил Илларионович Михайлов был сослан в Сибирь на каторгу. Чтобы предоставить ему возможность добираться до места ссылки на лошадях, а не идти пешком

¹ Звенья, т. 3—4, Академия, М.-Л., 1934, с. 907.

² Там же, с. 907—920.

по этапу, передовая общественность организовала сбор средств по подписке. Напуганное вниманием общественности к Михайлову, правительство стало опасаться, что сбор средств ведется для организации побега его, и усилило надзор за его друзьями. При обыске у Авдеева наряду с письмами супругов Шелгуновых, из которых стало известно, что целью их поездки в Сибирь является организация побега Михайлова с каторги, были найдены письма Е. К. Барановской¹. В связи с чем за ней в 1862 году в Саратове был установлен негласный полицейский надзор.

В 1863 году при обыске найдено ее письмо к Кеневичу, расстрелянному по делу о «Казанском заговоре»².

Министр внутренних дел Валуев писал к своему помощнику Тройницкому: «Содержание письма Барановской мне уже известно и доказывает, что ее муж не умеет держать своего дома в порядке, что для губернатора необходимо. Я уже убедился его собственными письмами, что его надо уволить...»³

На посту саратовского губернатора Барановский прослужил всего несколько месяцев. В том же 1862 году в октябре он был уволен.

Нашим краоведам хорошо известно, что в конце 1859 и в начале 1860 г.г. в Лондоне, в «Колоколе» Герцен опубликовал обличительные материалы по делам о зверской эксплуатации рабочих на Уральских заводах ге-

¹ Звенья, т. 3—4, Академия, М.-Л., 1934, с. 910.

² Деятели русской революции в России, М., 1929, т. 1, ч. 2, с. 29.

³ Русская старина, 1905, № 4, с. 192.

нералов М. В. Пашкова и А. А. Сухозанета¹ и о грабительской системе, созданной тайным советником А. Е. Жадовским², бывшим петербургским вице-губернатором, имевшим имение в селе Анастасьино Бирского уезда, ныне Дюртюлинского района.

В литературе известно также, что следственные материалы по заводам Пашкова и Сухозанета готовились при непосредственном участии гражданского губернатора Оренбургского края Е. И. Барановского, лично производившего обследование условий жизни и труда горно-заводских рабочих³.

Но каким образом эти материалы оказались у Герцена в Лондоне — оставалось неизвестным.

Изучив переписку Е. И. Барановского с С. Т. Аксаковым и А. Н. Плещеевым, нам удалось установить пути передачи этих материалов Герцену.

Как уже сказано выше, Е. И. Барановский окончил петербургское училище правоведения вместе с сыновьями С. Т. Аксакова — Иваном и Григорием. Дружба с Аксаковыми, зародившаяся в юности, сохранилась на всю жизнь. В этом ярко убеждает переписка Е. И. Барановского с С. Т. Аксаковым. Некоторые из этих писем были опубликованы в газете «Уфимский край» в 1909 году. Из этих писем видно, что Е. И. Барановский отправил из

¹ Ивана Сухозанета, Залужского и Подьячева ПОД СУД! за варварское управление заводами, Колокол, вып. 10, л. 3, 15 декабря 1859.

² Дело плантатора Жадовского в Оренбургской губернии, Колокол, вып. 10, л. 4, 15 января 1860.

³ Рабочее движение в России в XIX веке, т. 1, 1800—1860 гг. с. 840—876.

Уфы в Москву Аксакову Сергею Тимофеевичу следственные материалы по делам Пашкова, Сухозанета и Жадовского, при этом сообщал: «Чувства долга и любви к отечеству почти не существует во дворянстве». В другом письме он обещал прислать Аксаковым «две записки», из коих тому станет ясно, что «Куролесовы еще не перевелись, а только приняли другую личину «и что «может быть сравнение прошедшего с настоящим вызовет художественное представление Куролесова нашего времени». (Речь идет о Жадовском — авт.) На что С. Т. Аксаков в своем письме от 9 июня 1856 года отвечал: «Благодарю Вас, любезнейший и почтеннейший Егор Иванович, от всей души, благодарю и за сведения о сельце Алкино и за две записки о современном нам Куролесове... Записки о современном Куролесове в высшей степени любопытны и назидательны, особенно вторая, о хозяйственном устройстве имения. Я считаю этого господина выше моего Куролесова. Тот был буйный гуляка, кровопийца по инстинкту». Современный же Куролесов — еще более страшное явление. Он — «не невежа, а более или менее человек образованный, — пишет Аксаков, — я его лично знаю, это такой изверг, которому и имени нет. Скажите..., неужели он не сослан на каторгу?»²

¹ Барановский имеет в виду помещика Куроедова, отличавшегося своими жестокостями, описанного С. Т. Аксаковым в «Семейной хронике» под именем Куролесова. Цитата из письма Барановского приводится по тексту С. И. Машинского С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество, изд. второе, М., Художественная литература, 1973, с. 445.

² Уфимский край, 1 мая 1909.

Аксаковы были потрясены этими сведениями, тем более достоверными, что получены были из канцелярии гражданского губернатора — известного им всем Е. И. Барановского.

По условиям цензуры эти материалы Аксаковы не могли использовать в России ни в каком литературном жанре, хотя в семье их было три писателя: отец и два сына — Константин и Иван. Каким образом попали эти материалы от Аксаковых в Лондон Герцену? Очень просто. Иван Сергеевич Аксаков — сын С. Т. Аксакова — был в этот период тесно связан с Герценом. Об этой связи мы подробно расскажем в следующей главе.

Здесь же только отметим, что переписка Е. И. Барановского в этот период с А. Н. Плещеевым еще более убеждает в этом и наводит на мысль, что И. С. Аксаков мог сам лично отвезти эти материалы Герцену во время поездки за границу в 1859 году, когда был закрыт цензурой его журнал «Русская беседа».

А. Н. Плещеев — поэт, петрашевец, — отбывал ссылку в Оренбургском крае сначала рядовым в Оренбургском линейном батальоне с 1849 до 1856 года, затем служил в оренбургской пограничной комиссии, а потом чиновником канцелярии гражданского губернатора Е. И. Барановского в Уфе. В 1858 году А. Н. Плещеев получает отпуск в Москву и Петербург, а затем в середине 1859 года — разрешение поселиться в Москве на постоянное жительство. Переписка¹ Плещеева с

¹ Четырнадцать писем А. Н. Плещеева к Е. И. Барановскому опубликованы в кн. Шестидесятые годы (Материалы по истории литературы и общественному движению). Изд. АН СССР, М.-Л., 1940, с. 453—468.

Барановским относится к периоду 1859—1860 гг. Из писем Плещеева видно, что Барановского очень интересовали все новости готовившегося тогда «освобождения» крестьян. Причем, оба корреспондента не питали на этот счет никаких иллюзий.

В одном из писем Плещеев пишет Барановскому: «Крестьянский вопрос продвигается медленно, и никто, наверное, не знает, как он разрешится... Ваше мнение, что за оппозицией дворян таятся самые узенькие сословные интересы — совершенно справедливо. Это начинают говорить и здесь все люди, сочувствующие искренно крестьянскому делу»¹.

Далее Плещеев подробно сообщает о широкой картине борьбы дворянских партий вокруг крестьянской реформы 1861 года. Письма Плещеева очень интересны для характеристики Е. И. Барановского. В них чувствуется глубокое уважение автора к Е. И. Барановскому не только как к начальнику, сочувственно относившемуся к бывшему ссылке, но как к человеку широких передовых взглядов, как к справедливому правоведа. Сам А. Н. Плещеев пишет об этом так: «Мне нечего льстить Вам и потому я могу прямо сказать, что Вы мне кажетесь каким-то редким исключением из правоведа. К Вам можно привязаться всем сердцем, поговорив с Вами 2 часа»².

Из этих писем ярко выступает еще одна деталь: Плещеев в Москве близок с Иваном

¹ Шестидесятые годы (Материалы по истории литературы и общественному движению). АН СССР, М.-Л., 1940, с. 455, 456.

² Там же, с. 457.

Аксаковым и очень высоко ценит его литературную деятельность. Сообщая Барановскому о состоянии литературы и цензуры того периода, Плещеев пишет: «Вся эта материя Русского Вестника проникнута таким старческим благоразумием, что в присутствии человеку с сердцем очень холодно и неловко. За одного Ивана Аксакова я бы отдал сто Капустиных. Надо сказать правду, что в славянофилах больше жизни, энергии и любви, чем в западниках. Кстати об Аксакове. Он едет на год за границу»¹.

Спустя три месяца, Плещеев спокойно сообщает Барановскому: «В «Колоколе» описаны дела по заводам Пашкова и Сухозанета и дело Жадовского. Любопытно прочесть — в каком виде все это изложено.» Плещееву очень хорошо были знакомы эти дела по службе в канцелярии гражданского губернатора в Уфе. Кроме того, Герценым опубликована статья Е. И. Барановского «Г. Ф. Левестам просит нас...»², корреспондентом которой был также и М. В. Авдеев. Это ответ тем, кто пытался защищать Глушкова по делу Сухозанета. Известный польский поэт Эдуард Желиговский, отбывавший ссылку в Уфе в 1854—57 гг., где с помощью Барановского был устроен на службу в канцелярию гражданского губернатора, был дружен с семейством последнего, особенно с его женой, образ которой нашел отражение в его творчестве. «О жен-

¹ Шестидесятые годы. (Материалы по истории литературы и общественному движению). Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, с. 454. Капустин М. Н. — один из сотрудников журнала Русский Вестник.

² Колокол, л. 90, 15 января 1861, с. 759.

пина-ангел» — обращался к ней поэт в своих стихах!¹

Известно, что с Барановскими жила сестра Екатерины Карловны — Ольга Карловна Тимлер², принимавшая активное участие в уфимских благотворительных спектаклях, которые ставились тогда в здании манежа³.

У Барановских были дети⁴. В своих воспоминаниях Барановский упоминает большую дочь, с которой он был в Мюнхене⁵. Там же он пишет, что в 1870—1889 г.г. он жил в Москве. Он прожил долгую жизнь.

Известно его письмо в октябре 1906 года об автопортрете Т. Г. Шевченко. «Портрет этот передан мне в пятидесятых годах прошедшего столетия сосланными в Оренбургский край поляками, по поручению Т. Г. Шевченко, нарисован им самим в то время, когда томился в изгнании в пустынях Каспия с запрещением не только писать, но и рисовать. Этот дорогой мне подарок передаю, достигши 86 лет, Обществу, основанному в память Т. Г. Шевченко. Октября 1906 года. Бывший Оренбургский губернатор Е. И. Барановский»⁶.

В связи с началом строительства в 1909 году в Уфе народного дома С. Т. Аксакова Е. И. Барановский, проживавший тогда у себя

¹ Большаков Л. По следам оренбургской зимы, Челябинск, 1968.

² Звенья, т. 3—4, Академия, М.-Л., 1934, с. 918.

³ Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1859 г., с. 61—63.

⁴ Звенья, т. 3—4, Академия, М.-Л., 1934, с. 918.

⁵ Русская старина, 1899, т. 98, с. 221.

⁶ Большаков Л. По следам оренбургской зимы, Челябинск, 1968.

на родине в с. Выдринка Чериковского уезда Могилевской губернии, 21 апреля 1909 г. обратился с письмом к уфимскому губернатору А. С. Ключареву, в котором сообщал о передаче будущему музею Аксакова в аксаковском народном доме своей переписки с С. Т. Аксаковым. Об этом сообщалось в газете «Уфимский край», там же были опубликованы два письма С. Т. Аксакова Е. И. Барановскому от 9 июня 1856 г. и 30 января 1859 г.¹

Умер Е. И. Барановский в 1914 году².

Глава XI

И. С. АКСАКОВ

Иван Сергеевич Аксаков — известный общественный деятель, писатель и публицист-славянофил. Биография И. С. Аксакова до сего времени не написана. Краткие биографические сведения о нем можно найти в любом энциклопедическом издании; более подробные сведения о творческом пути его даны во вступительной статье А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского к сборнику стихотворений и поэм И. С. Аксакова. Там же помещена и автобиография автора, написанная в апреле 1861 года³.

¹ Уфимский край, 1 мая 1909, № 95.

² Прянишников Н. Писатели-классики в Оренбургском крае, Чкалов, 1946.

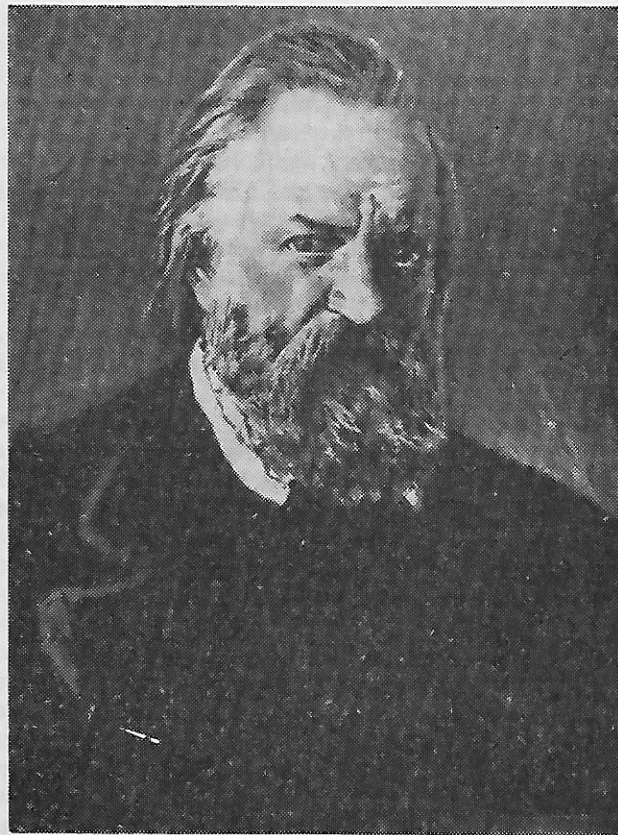
³ Дементьев А. Г. Калмановский Е. С. Иван Аксаков. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта, большая серия. Второе изд., Л., 1960.

И. С. Аксаков родился 26 сентября (8 октября) 1823 г. в селе Надеждино вблизи города Белебея Уфимской губернии. Умер 27 января (8 февраля) 1886 г. в Москве. Окончил курс в Училище Правоведения в Петербурге в 1842 г. Служил в Москве в Сенате секретарем, потом в Калуге товарищем председателя Уголовной палаты; затем перешел на службу в Министерство Внутренних дел; а в 1852 г. вышел в отставку. Во время крымской войны он вступил в Московское ополчение. В 1865 г. он женился на Анне Федоровне Тютчевой, дочери известного русского поэта Ф. И. Тютчева. Ценным материалом для изучения его биографии служит издание его писем¹.

Выйдя в отставку в 1852 г. И. С. Аксаков полностью посвящает себя журналистской деятельности — сначала в Московском сборнике (1852), затем в «Русской беседе» (1858—1859), потом он начал было издавать «Парус», невольно кончивший свое существование на первом номере. Затем издавал газету славянофильского направления под названием «День» (1861—1865), которая подвергалась преследованиям цензуры, в 1862 г. с июня по сентябрь была приостановлена по высочайшему повелению. Затем выпускал газету «Москва», переименованную в «Москвич».

Наиболее объективная оценка литературной и общественной деятельности И. С. Аксакова дана С. И. Машинским в «Краткой литературной энциклопедии», но и там ничего

¹ И. С. Аксаков в его письмах. Ч. 1—2, в четырех томах, М., 1888—1896 гг.

A handwritten signature in black ink, which appears to read 'И. С. Аксаков'. The signature is written in a cursive style and is positioned below the portrait.

не сказано об участии И. С. Аксакова в Вольной русской печати за границей. Нам думается, что биография И. С. Аксакова со временем должна быть дана с учетом всего выявленного литературного наследия¹, включая его бесцензурные статьи в «Колоколе» и «Полярной звезде», а также переписку его с А. И. Герценом². Литературная и общественная характеристика И. С. Аксакова получит тогда более полную и более правильную оценку.

В нашем очерке мы остановимся лишь на малоизвестных или новых фактах жизни и творчества И. С. Аксакова.

В «Автобиографии» И. С. Аксаков писал, что без его ведома в 1857 г. напечатаны в Лондоне, в «Полярной звезде» его «Судебные сцены» или «Присутственный день Уголовной палаты».

Отрицание И. С. Аксаковым своего участия в Вольной русской печати Герцена было вынужденным — во избежание политического преследования со стороны царских властей. Н. Я. Эйдельман в своей книге «Тайные корреспонденты «Полярной звезды» (Москва, 1966 г.) обращает внимание на то, что опубликованные М. П. Драгомановым в его газете «Вольное слово» (Женева, 1883 г.) письма И. С. Аксакова и других лиц Герцену, впер-

вые предавали гласности ряд секретных корреспонденций и открывали имена тайных корреспондентов Вольной русской печати¹.

В своей книге Н. Я. Эйдельман подробно исследует переписку И. С. Аксакова с Герценом, а также историю издания в «Полярной звезде» «Судебных сцен», которые были опубликованы Герценом в 1858 году с ведома автора. Иван Аксаков был за границей в августе 1857 года и встречался в Лондоне с Герценом. Тогда же они, по-видимому, договорились о тайных конспиративных путях и связях для передачи корреспонденций из России в Лондон².

Однако И. С. Аксаков, за которым в России было установлено наблюдение с июля 1852 года³, соблюдал большую осторожность. Все его письма Герцену были посланы с оказией. Не менее осторожно поступал и Герцен со своими корреспондентами из России. Поэтому все оставалось в тайне. Высокую оценку дал Герцен Ивану Аксакову после встречи с ним в Лондоне. «Наиболее интересное лицо — сын Аксакова (брат ярого славянофила), человек большого таланта, сам немного славянофил, человек с практической жилкой и принципиальностью. Он сказал, что влияние наших изданий огромно, что мир чиновников их ненавидит и боится, но что вся мо-

¹ Наиболее полная библиография И. С. Аксакова приведена в кн. История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Изд. АН СССР, М.-Л., 1962 г. под ред. К. Д. Муратовой.

² Письма И. С. Аксакова к А. И. Герцену хранятся в подлиннике в Рукописном отделе Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 69 (Герцена и Огарева).

¹ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966, с. 265.

² Там же, с. 84.

³ Аксаковы и цензура 1852 года. Русская старина, 1905, т. 122, с. 392—403.

лодежь не желает ничего признавать, кроме «Колокола» и «Полярной звезды»¹.

В «Предуведомлении» к «Судебным сценам» И. С. Аксаков писал: «...Многим покажутся скучными эти сцены, но пусть они поскучают. Пусть знакомятся они с изнанкою той жизни, которой лицевую сторону представляют законы, пусть знают, каким порядком по большей части совершается современный суд в России. В верности моего изложения — я убежден — поручится всякий, кому известен судебный быт не только столичный, но и провинциальный, не по одним книгам и законам, но и на самом деле и по опыту»².

О содержании и характере «Судебных сцен» начинавшее их предисловие «От издателя»³ говорило следующее: «Судебные сцены» были нам присланы два раза, оба раза с другими рукописями, напечатанными в четырех книжках «Русских Голосов». Мы медлили в издании этого превосходного произведения, во-первых, потому, что такое сочинение составляет значительную литературную собственность; во-вторых, думая, что при новом порядке вещей «Судебные сцены» могут быть напечатаны в России; но, кажется, что романтические преследования взяток и бесправия так далеко не идут. Через два года мы решаемся их печатать, извиняясь о самовольном поступке перед неизвестным автором. Нам было бы очень больно, если б он был

¹ Цитата Герцена приводится из его письма. М., — А. фон Мейзенбург от 20 августа 1857 г. Т. 26, с. 114.

² Полярная звезда. Кн. 4, Лондон, 1858, с. 6.

³ Там же, ст. Герцена От издателя, с. 8.

этим недоволен. Голосам из России¹ мы не могли уступить такую пьесу, мы ее, как почетного гостя, сажаем на первое место — в наш красный угол».

А. И. Герцену действительно нравились «Судебные сцены», но ему хотелось сказать публично побольше приятных слов их автору, имя которого в Лондоне отлично знали. И. С. Аксаков, прочитав предисловие Герцена, отвечал: «Благодарю Вас за отзыв в «Полярной звезде». Он так искусно написан, что мне до сих пор никаких запросов не было»².

В 1931 г. Президент Академии наук СССР А. П. Карпинский сообщал дочери А. И. Герцена — Н. А. Герцен о подготавливаемом Академией наук переиздании «Колокола»: «Издание Академии наук имеет, однако, в виду не только воспроизведение великого памятника русской общественной мысли в виде «Колокола», но и снабжение его обширным научным аппаратом. Этот последний будет иметь своей ближайшей задачей установление авторства статей и корреспонденций «Колокола», путей, по которым редакция последнего получала свои сообщения, установление доли участия в «Колоколе» таких деятелей, как И. С. Тургенев, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, И. С. Аксаков и т. д.»³

¹ Голоса из России — периодический сборник, издаваемый Герценом и Огаревым в Лондоне в 1856—1860 гг.

² Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966, стр. 82.

³ Рогова Н. С. К истории архива А. И. Герцена, Исторический архив, 1962, № 1, с. 95.

В упомянутой нами книге Эйдельман отмечает: «Историческая справедливость требовала найти имена тайных корреспондентов Герцена и Огарева. Корреспонденты не искали славы. Каждая статья и заметка могла быть оплачена ссылкой в Сибирь... Читатели в России ждали и получали все это впервые с большим риском, конспиративно, вопреки всем цензурам и запретам».

О тесном сотрудничестве И. С. Аксакова в «Колоколе» Герцена стало известно лишь после издания «Систематизированной росписи», которая установила авторство статей и заметок корреспондентов журнала «Колокол»¹.

Несмотря на то, что «Систематизированная роспись статей и заметок» была опубликована еще в 1957 г., до сих пор никем из литературоведов, писавших о И. С. Аксакове, не было заострено внимание на этой стороне деятельности, весьма важной для оценки общественно-политической характеристики И. С. Аксакова.

Активное сотрудничество И. С. Аксакова в Вольной русской печати Герцена не означало, конечно, полного совпадения взглядов его с издателем. Герцен боролся за Ивана Аксакова, помещая на страницах «Колокола» критический разбор газеты «День», издаваемой И. Аксаковым.

И. С. Аксаков выступал в «Колоколе» под псевдонимом Касьянов. Его авторству принадлежит около 35 статей и заметок обличительного характера.

Рассмотрим некоторые из них.

«Мы получили от польского корреспондента, которого искреннейшим образом благодарим,— имена лиц, которые находятся теперь за границей, и которых прогрессивное правительство петербургское велело задержать на первой польской станции железной дороги. ... Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний — и какая исполинская колоссальная глупость нашего правительства»¹. В списке названо 21 имя, среди них Ф. Достоевский, В. Стасов, П. Загоскин, Н. Рубинштейн и другие. Польским корреспондентом Герцен именует И. С. Аксакова, а под польской станцией следует подразумевать пограничную русскую.

В статье «От Центрального, Народного, Польского Комитета в Варшаве г.г. издателям «Колокола»² И. С. Аксаков излагает основы польского движения: признание права крестьян на землю, обрабатываемую ими, и право каждого народа на самоопределение; призыв к братскому союзу между русскими и польскими народами. На эту статью И. С. Аксакова Герцен помещает в следующем листе «Колокола»³ ответ «Центральному Польскому Комитету в Варшаве», где отмечает «...что касается до нас, нам легко с Вами идти. Вы идете от признания прав крестьян на землю, ... вы признаете право всякого народа располагать своей судьбой. Это наши основы, это наши догмы, наши знамена.» И. С. Аксакова про-

¹ Колокол. Систематизированная роспись статей и заметок, изд. Всесоюзной Книжной Палаты, М., 1957.

¹ Колокол, 15 августа 1862, с. 1172.

² Там же, 1 октября, 1862, с. 1205—1206.

³ Там же, 15 октября 1862, с. 1213.

должает волновать судьба польского восстания и в 1863 и 1864 г.г., о чем свидетельствуют его статьи «Первое мая» — о роли западноевропейских государств в подавлении Польского восстания¹, и «Освобождение крестьян в Польше»².

Статья «Восточная Галиция»³ о замышляемой русским правительством интриге в Галиции напечатана Герценом также по материалам И. А. Аксакова.

В связи с осуждением и ссылкой Н. Г. Чернышевского на каторгу Герцену очень необходимы были материалы следствия. Эти материалы отправил Герцену И. С. Аксаков. Опубликовав «Дело Чернышевского»⁴, Герцен разоблачил сфабрикованное III Отделением обвинение Чернышевского в том, что он намеревался издавать «Современник» за границей вместе с Герценом⁵.

Мы назвали лишь несколько статей, но и по ним уже можно судить о деятельности в Вольной русской печати И. С. Аксакова как публициста.

Н. Я. Эйдельман в своей книге⁶ подробно останавливается на борьбе В. И. Ленина против части левацки настроенных социалистов (К. Левин и др.), считавших Герцена либералом, не видевших его исторической роли. Н. Я. Эйдельман пишет: «В. И. Ленин не хотел

¹ Колокол, 15 мая 1863, с. 1341.

² Там же, 20 марта 1864, с. 1498.

³ Там же, 1 сентября 1866, с. 1860.

⁴ Там же, 1 января 1865, с. 1581—1586.

⁵ Герцен А. И. ПСС, т. 18, с. 487.

⁶ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966, с. 271.

отдавать Герцена противникам. В первых же строках статьи «Памяти Герцена» В. И. Ленин пишет о революционере Герцене, выделяя слово «революционер» курсивом¹. Отсюда ясно, что на герценовскую Вольную типографию — великое практически революционное дело — В. И. Ленин обращает особенное внимание: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»².

Но вместе с Герценом заслугу создания Вольной русской печати разделяют и десятки корреспондентов, выступавших в ней с обличительными статьями, в числе их находится и И. С. Аксаков.

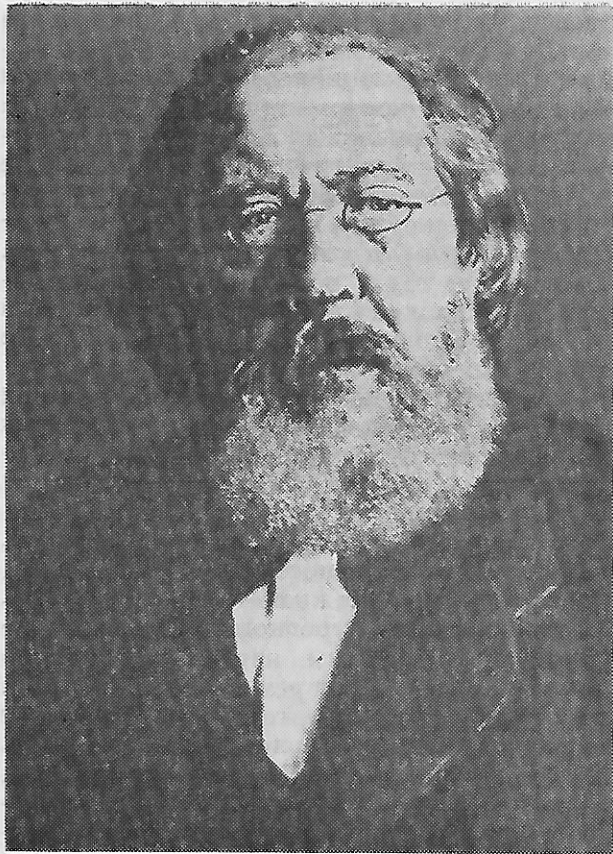
Остановимся еще на одной стороне общественной деятельности И. С. Аксакова. Освободительное движение на Балканах против многовекового турецкого ига, сочувствие и помощь славянским народам со стороны русского народа одновременно с событиями с русско-турецкого фронта находили широкое освещение в печати России. Если посмотреть газеты и журналы за 1877 г., то легко в этом убедиться. В марте 1877 г. Иван Аксаков избирается председателем московского славянского комитета и развивает бурную деятельность по сбору и передаче материальной помощи «страждущей славянской братии». Одна из газет³ того времени писала по этому

¹ Ленин В. И. ПСС, 1966, т. 21, с. 255.

² Там же, с. 258—259.

³ Газета Гатцука, 20 марта 1877, с. 186—187.

Ив. Серг. Аксаков.

поводу: «... турки и англичане считают московский «Комета» и московского «Аксака» чуть не за главную враждебную силу России... Турки чувствуют, что Иван Сергеевич Аксаков есть один из живых выразителей русской души, на долю которого выпало завидное дело упрочения тесной духовной связи славян с родным им русским народом. Дело это, не его одного — это дело времени и многих, многих лиц; но И. С. Аксаков выделяется из них продолжительностью деятельности, глубиной, искренностью чувств и талантом». И в настоящее время у болгарского народа хранится глубокое уважение к памяти И. С. Аксакова. Отмечая запущенное состояние аксаковской усадьбы в Бугурусланском районе, Владимир Альтов в статье «Шумят аксаковские ветлы» писал: «Просто стыдно становится, когда узнаешь такое: недавно пришло в Оренбург письмо из Болгарской народной республики, из села Аксакова, названного в честь сына писателя Ивана Сергеевича — известного поэта и общественного деятеля, так много сделавшего в свое время для освобождения Болгарии от османского ига. Руку дружбы протягивают болгарские аксаковцы оренбургским, предлагают обменяться делегациями. Оренбуржцы славятся своим гостеприимством, но честно говоря, просто неудобно приглашать гостей в наше Аксаково»¹.

У нас в Башкирии аксаковские места в Белебеевском районе находятся в еще более запущенном состоянии, чем в Оренбургской

¹ Журнал Урал, 1978 г., № 9, с. 100—104.

области. Ничего не сделано в селе Надеждино для увековечения памяти Аксаковых. На многие годы задерживается открытие в Уфе мемориального музея С. Т. Аксакова. До сего времени нигде не упоминалось о пребывании И. С. Аксакова в Уфе. В ЦГА БАСССР нами найдена метрическая запись по Ильинской церкви о рождении в Уфе 14 (26) января 1864 г. у Григория Сергеевича Аксакова сына Константина. Восприемниками были Аксаковы Иван Сергеевич, Вера Сергеевна и их мать — Ольга Семеновна¹.

Глава XII

К. С. АКСАКОВ

Константин Сергеевич Аксаков — старший сын Сергея Тимофеевича Аксакова — публицист, историк, филолог, поэт. Родился он в селе Аксакове Бугурусланского уезда Оренбургской губернии 29 марта (10 апреля) 1817 г., умер 7 (19) декабря 1860 г. в Греции, на острове Закинф (Занте), где он лечился. В 1835 г. он окончил словесный факультет Московского университета. Участвовал в кружке Н. В. Станкевича. В 1840—1850 годы стал одним из лидеров славянофилов. Поэзия и пьесы К. С. Аксакова «проникнуты романтически славянофильским духом, антикрепостническими мотивами, критикой деспотизма, призывали к сближению интеллигенции с народом»².

¹ ЦГА БАСССР, ф. 294, оп. 2, д. 5, л. 2 об. — 3.

² БСЭ, третье изд., М., 1969, с. 342.

И. С. Аксаков написал биографию и издал после смерти брата собрание сочинений его в трех томах¹.

О К. С. Аксакове его современниками написано очень много и как о историке, и как о публицисте-славянофиле, и как о литературном критике. Современная оценка деятельности славянофилов приводится в статье «Славянофильская критика 40—50 годов»: «Хотя споры представителей западнической группы с кругом Хомякова, Киреевских и Аксаковых постепенно отходили на второй план, по сравнению с борьбой нарождавшейся революционной демократии с буржуазно-помещичьим лагерем, все же они, несомненно, сыграли тогда положительную роль, оставив заметный след в идейной жизни России 19 века»².

Мы не будем здесь подробно приводить общеизвестные факты его биографии, отметим лишь ту сторону его деятельности, которая до недавнего времени оставалась неизвестной — активное участие в «Колоколе» Герцена. В «Систематизированной росписи» К. С. Аксаков назван автором 12 статей³. Этот факт участия К. С. Аксакова в Вольной русской печати за границей никем из его биографов не освещался. Приведем содержание его некоторых статей, опубликованных Герценом в «Колоколе».

¹ Аксаков К. С. Полное собрание сочинений в трех томах, 1861, 1875, 1880, М.

² История русской критики, АН СССР, М.-Л., 1958, т. 1, гл. 9, с. 326—346.

³ Колокол. Систематизированная роспись статей и заметок, изд. Всесоюзной Книжной Палаты, М., 1975.

В статье «Розги долой!» автор предлагает образованному меньшинству русского дворянства составить «союз воздержаний от телесных наказаний»¹.

В статье «Ученые известия» содержится ирония по поводу «независимости Академии наук»².

По поводу статьи К. С. Аксакова, опубликованной 12 мая 1862 г. в «Правдивом», в которой автор разоблачает быт русских придворных, Герцен написал отзыв «Старая история»: «...Тут все есть: и несчастная жертва административного разврата..., и суммы внесения Адлербергу, и бессилие государыни, и безнаказанность Сабурова.... Мы это говорим со скорбью...»³

В статье «Из Грузии» К. С. Аксаков, разоблачая произвол чиновников в управлении Грузией, восклицает: «...Неужели Россия для того только и пролила столько крови своих сынов на Кавказе, чтобы передать затем эту страну хищничеству своих чиновников»⁴. «Редакция Колокола благодарит от всей души корреспондента, приславшего эту прекрасную статью» — писал Герцен⁵. Это статья К. С. Аксакова, так же как и некоторые другие, была опубликована Герценом посмертно.

Надо полагать, что передача статей К. С. Аксакова Герцену осуществлялась через брата — И. С. Аксакова.

¹ Колокол, 1 июля 1860, с. 623.

² Там же, 15 февраля 1860, с. 530.

³ Там же, 22 июня 1862, с. 1140.

⁴ Там же, 15 сентября, 1862, с. 1199—1201.

⁵ Там же.

В «Колоколе» же Герцен поместил и некролог — «Константин Сергеевич Аксаков», в котором писал: «...Рано умер Хомяков, еще раньше Аксаков; больно людям, любившим их, знать, что нет больше этих деятелей благородных, неутомимых, что нет этих противников, которые были ближе нам многих своих... Киреевские, Хомяков и Аксаков сделали свое дело... С них начинается перелом русской мысли. И когда мы это говорим, кажется, нас нельзя заподозрить в пристрастии»¹.

По поводу некролога И. С. Тургенев писал Герцену: «Я должен довести до твоего сведения, что твои статьи в «Колоколе» о смерти К. С. Аксакова и об Академии — прелесть, особенно первая, про которую я знаю, что она произвела глубокое впечатление в Москве и в России»².

Иван Сергеевич Аксаков благодарил Герцена за этот некролог: «Любезнейший Александр Иванович, ...Вы на мое письмо ответили такой статьей в «Колоколе», за которую я вас еще крепче полюбил и которая бесконечно лучше всего, что было сказано и написано о брате и о Хомякове у нас в России, друзьями»³. Некролог вызвал в России соответствующую реакцию. Министерством народного просвещения была запрещена лекция Н. И. Костомарова о трудах К. С. Аксакова. В России нашли невозможным, как писал сам Герцен, «чтобы в Петербургском университете профессор публично похвалил человека, о ко-

¹ Колокол, 15 января 1861, с. 753.

² Герцен А. И. ПСС, 1956—1958. т. XV, с. 294.

³ Там же, с. 294—295.

тором «Кококол» хорошо отозвался»¹. Позже лекция все же состоялась, несмотря на запрет властей, и профессора Костомарова восторженные студенты вынесли на руках вместе с креслом, за что потом студенты подвергались преследованию.

Интересная характеристика дана К. С. Аксакову Герценом в его воспоминаниях: «Аксаков остался до конца жизни вечным восторженным и беспредельно благородным юношей, он увлекся, был увлекаем, но всегда чист сердцем. В 1844 г., когда наши ссоры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотели встречаться, я как-то шел по улице; К. Аксаков ехал в санях. Я дружески поклонился ему. Он было проехал, но вдруг остановил кучера, вышел из саней и подошел ко мне. — Мне было слишком больно, — сказал он, — проехать мимо вас и не проститься с Вами. Вы понимаете, что после всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду к вам ездить; жаль, жаль, но делать нечего. Я хотел пожать вам руку и проститься. — Он быстро пошел к саням, но вдруг воротился; я стоял на том же месте, мне было грустно; он бросился ко мне, обнял меня и крепко поцеловал. У меня были слезы на глазах. Как я любил его в эту минуту ссоры!»²

На смерть К. С. Аксакова появились многочисленные отклики в русских журналах и газетах. В них писалось: «К. С. Аксаков носил в себе несокрушимую веру в светлую будущ-

¹ Герцен А. И. ПСС, АН СССР, 1956—1958, т. XV, с. 73.

² Там же, т. IX, с. 162—163.

ность России. Он любил свою родину с энтузиазмом»¹. «Русский народ любил он от всего сердца; он благоговел перед ним»².

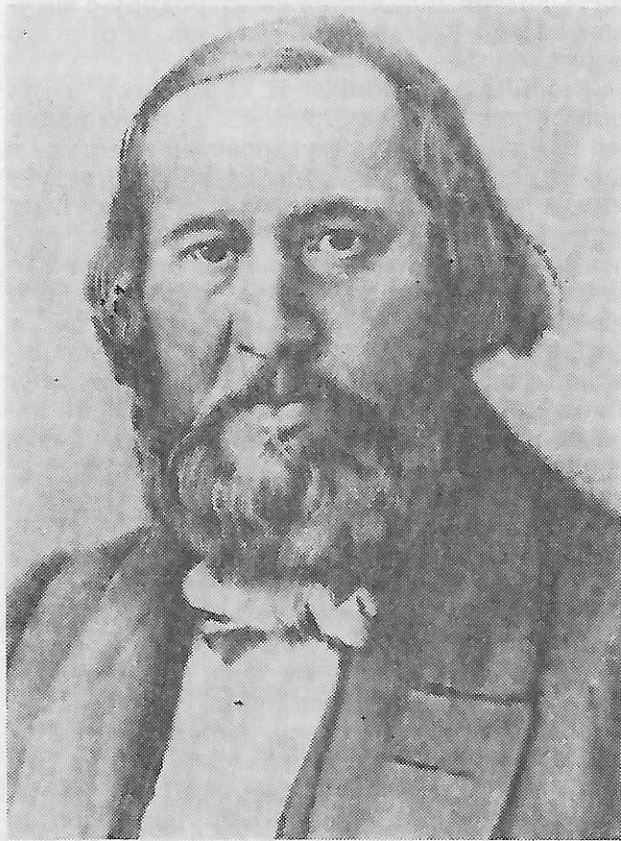
В 1861 г. в Лейпциге И. С. Аксаков издал книгу брата под названием «Замечания на новое административное устройство крестьян в России», в которой автор гневно протестует против намерения освободить крепостных крестьян от крепостной зависимости без земли: «Вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, вы убиваете нашу русскую свободу, нашу общину, наш мир, — писал К. С. Аксаков, обращаясь к членам Редакционных комиссий. — Задумайтесь хоть на одну минуту... Вы распинаете теперь русский народ»³. Конечно, в России невозможно было издать такую книгу. Вот что писал И. С. Аксаков о ней Герцену 7 июня 1861 г.: «Так как все параграфы, на которые нападает брат, вошли в состав ныне действующего «Положения», что тщательно мною отмечено в подстрочных примечаниях, то сочинение имеет интерес не исторический только, но вполне живой, современный»⁴. Далее И. С. Аксаков писал, что отдал распоряжение издателю «немедленно по отпечатании» послать экземпляр книги Герцену и Огареву. «Я бы счел себя виноватым перед покойным братом, если б пропустил минуту и не дал раздаться его протесту против искажения народных бытовых начал петербургской и либеральной бюрократией. Знаю,

¹ Герцен А. И., ПСС, т. XV, с. 295.

² Там же, с. 295.

³ Там же, с. 376.

⁴ Там же, с. 375, 376.

Конст. Серг. Аксаковъ.

что многим здесь оно будет неприятно, и еще не знаю, как посмотрит на это правительство¹».

Герцен, получив книгу, горячо на нее откликнулся статьей «Книга К. С. Аксакова», в которой отвечал: «...Укором раздается из свежей могилы этот голос горячей любви к народу русскому в то время, когда опричники освободителя секут Россию, расстреливают Россию. Сколько страданий готовилось Аксакову, если б он не умер! Он не вынес бы всекаемого освобождения, мы уверены в этом — он бросился бы в ряды крестьян... больше мы не можем почтить его благородной памяти»². Статья К. С. Аксакова «Публика — народ», впервые опубликована в газете «Молва» в 1857 г. Эта статья вошла в «Хрестоматию по истории русской журналистики 19 века», где в комментарии отмечается: «Статья «Публика — народ», в которой Аксаков прямо заявил, что у аристократической «публики» нет ничего общего с русским народом, обеспокоила правительство. Александр II высказался о ней так: «Статья эта мне известна. Нахожу, что она написана в весьма дурном смысле. Объявить редакции «Молвы», что если и впредь будут замечены подобные статьи, то газета сия будет запрещена, а редактор и цензор подвергнуты строгому взысканию». От дальнейшего издания «Молвы» К. С. Аксаков, фактический редактор газеты, и его брат

¹ Герцен А. И. ПСС, т. XV, с. 376.

² Там же, с. 129.

И. С. Аксаков, который хотел выпускать «Молву» в следующем 1858 году, вынуждены были отказаться»¹.

Глава XIII

ПОТОМКИ С. Т. АКСАКОВА

После В. В. Руммеля и В. В. Голубцова родословной писателя занимался А. А. Сиверс. По данным А. А. Сиверса, у С. Т. Аксакова было четыре сына и шесть дочерей: Константин (1817—1860), Григорий (1820—1891), Иван (1823—1886), Михаил (1824—1841), Вера (1819—1864), Ольга (1821—1861), Надежда (1829—1869), Любовь (1830—1867) и Софья (1835—1885) и Мария.

По данным Оренбургского Краеведческого музея — было еще две дочери, которые умерли на первом году жизни: Мария (1818—1818) и Анна (1829—1829).

Из дочерей только одна Мария была замужем (за Томашевским), были ли у них дети — неизвестно.

Из сыновей женаты двое: Иван на — Тютчевой Анне Федоровне, дочери известного поэта — Федора Ивановича Тютчева.

Григорий был женат на Шишковой Софье Александровне. Дети были только у Григория: дочь Ольга, основавшая в 1889 году кумысолечебное заведение — ныне курорт «Аксаково» вблизи города Белебея, и сын Сергей,

¹ Хрестоматия по истории русской журналистики XIX века, изд. Высшая школа, М., 1965, с. 171—172.

² Сиверс А. А. Генеалогические разведки. Вып. 1. СПб, 1913.

на крестины которого, как уже написано выше, приезжал А. М. Княжевич.

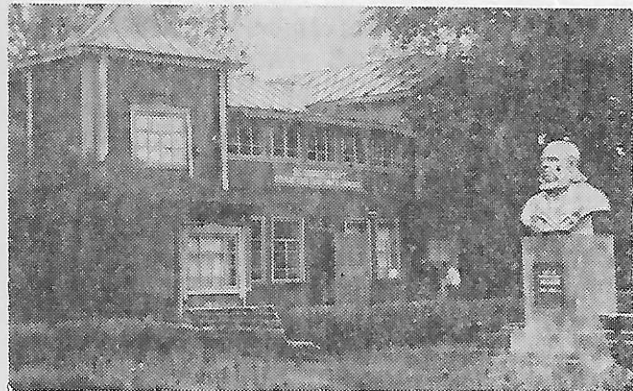
В литературе нет упоминания о других детях Г. С. Аксакова. Однако нами найдена запись в метрической книге Ильинской церкви в г. Уфе, что у оренбургского гражданского губернатора, действительного статского советника, Аксакова Григория Сергеевича родился 14 января 1864 г. сын Константин¹, о судьбе которого ничего не известно.

У Сергея Григорьевича был сын Сергей (1892—1968). Сергей Сергеевич Аксаков — известный композитор, автор симфоний, песен, романсов, последние годы жил в Минске. Его симфоническая поэма «В Туровской пуще», написанная на стихи поэта В. Дубовки, посвящена воинам Советской Армии и партизанам, сражавшимся в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. На мотивы стихов поэта Якуба Колоса им написана поэма для оркестра «Лесная сказка».

В статье куйбышевского историка-краеведа, недавно умершего, Федора Гавриловича Попова «Потомки С. Т. Аксакова»² впервые были опубликованы сведения о последних годах жизни внучки писателя Ольги Григорьевны, умершей 7 апреля 1921 г. в селе Языково Могутовской волости Бузулукского уезда, ныне это Борский район Куйбышевской области. В той же статье сообщалось, что племянник Ольги Сергеевны — Сергей Сергеевич (композитор) имел двух дочерей: Ирину и Ольгу. Там

¹ ЦГА БАССР, ф. 294, оп. 2, д. 5, л. 2, об. — 3.

² Попов Ф. Г. Потомки С. Т. Аксакова, альманах Волга, 1962, № 27, с. 120—127.

же помещена и семейная фотография правнука и праправнучек С. Т. Аксакова.

Клавдия Степановна Аксакова, жена композитора, сообщила интересные подробности о своей семье: «Ирина Сергеевна старшая с 1939 г. 31 августа рождения носит фамилию Аксакова, у нее сын Сергей Витальевич Аксаков с 1963 г. 6 апреля рождения. По просьбе Сергея Сергеевича носит фамилию, как дочь, чтобы не угасал род Аксаковых. Ирина Сергеевна закончила Минский театральный институт и работает художественным руководителем в Московском физико-математическом институте.

Младшая дочь Ольга Сергеевна с 1942 г. 1 ноября рождения носит также фамилию Аксакова, у нее дочь Наталия Валериевна Зайцева с 1966 г. 16 декабря рождения. Сейчас живут в Минске. Ольга Сергеевна Аксакова работает в Минском музее изобразительных искусств».

Из дальнейшей переписки с К. С. Аксаковой нам известно, что у нее есть еще одна внучка Катенька, которой в 1980 г. исполнилось шесть лет.

Внуки С. С. и К. С. Аксаковых — Сергей, Наталья и Екатерина являются прапраправнуками С. Т. Аксакова.

Глава XIV

ДЕРЕВНЯ ГЛУМИЛИНО

Став за четыре века своего существования городом с миллионным числом жителей, Уфа поглотила территорию, на которой размещалось ранее более пятидесяти сел, деревень и хуторов. Часть из них теперь совершенно исчезли и на их месте возникли городские постройки, ничем не напоминающие прежде существовавшие здесь деревни. Часть и по сей день еще сохранили следы первоначальной деревенской застройки. Границы города многократно изменялись. Назовем лишь наиболее крупные из этих изменений. Указами Президиума Верховного Совета РСФСР:

— от 6 марта 1944 г. рабочий поселок Дема вошел в состав города Уфы в качестве района;
— от 5 декабря 1944 г. Сталинский район города Уфы был преобразован в город Черниковск;

— от 24 июля 1956 г. города Уфа и Черниковск объединены;

— от 25 июля 1980 г. утверждено включение в состав города Уфы территории рабочего поселка Шакша.

В современные границы города вошли следующие сельские населенные пункты:

- 1 д. Аничково,
- 2 хут. Базилева,
- 3 артель «Безбожник», (хут. Крестовникова),
- 4 пос. Богородский,
- 5 село Богородское (Кадомцево),
- 6 пос. Большая Красная Глинка,
- 7 починок Бонье,
- 8 хут. ВИКа (Иванова),
- 9 пос. Волчек,
- 10 д. Воробьевка (Березовка),
- 11 Вшивый починок,
- 12 д. Гладышево (Шугуровка),
- 13 д. Глумилино (Анновская, Анненская, Тарбеева, хутор Федоровский),
- 14 д. Дежнево,
- 15 раз. Дема,
- 16 д. Дубовка (Новое Глумилино),
- 17 пос. Дудкино 1-е,
- 18 пос. Дудкино 2-е,
- 19 хут. Ильина (бывшая земская пасека),
- 20 д. Каловка (Никитино),
- 21 д. Киржацкая (Любимово, Остров Веселости, Любовино),
- 22 хут. Крупиных,
- 23 д. Курочкино (Шестаково, Михайловка),
- 24 д. Лопатино,
- 25 д. Максимовка,
- 26 пос. Малая Красная Глинка,
- 27 д. Малая Новиковка 1-я,
- 28 д. Малая Новиковка 2-я,
- 29 д. Мартемьяновка,
- 30 д. Михайловка (Шугуровка),
- 31 д. Михеево,
- 32 хут. МОПРа (Монастырский),

- 33 д. Непейцево (Борисово, Кособрюхово, Березовка),
 34 д. Новая Александровка,
 35 д. Новиковка (Подгородная Новиковка, Валентиновка),
 36 д. Подгородная,
 37 д. Сипайлово (Дурова, Загорный Приют),
 38 хут. Россинского,
 39 д. Соколовка,
 40 д. Сосновка,
 41 починок Софроновский,
 42 д. Степановка (Вишневы Холм),
 43 д. Тимашево (Белоусово, Сергиевка).
 44 д. Тужиловка (Яковлевка),
 45 д. Ураково (Князево, Княженка, Княженково),
 46 пос. Фирсов Ключ,
 47 раз. Черниковка,
 48 хут. Черникова,
 49 д. Черниковка,
 50 д. Шакша (Михайловка, Шикша),
 51 ст. Шакша (Уракова),
 52 д. Щелчки,
 53 д. Яхонтово (Михайловка, Шергино).

Любители топонимики найдут много интересного в названиях уфимских деревень. И в самом деле — что за загадки!

— Чем заслужил свое название Вшивый починок, находившийся на берегу р. Белой ниже деревни Дежнево, в районе современной улицы Кемеровской?

— Кому предназначались «щелчки», давшие название деревне, в районе которой в 1935 году началось строительство Уфимского крекингзавода?

— Что за «Остров Веселости» — несколько

деревенских домиков, бывших в районе Затона?

Прилагаемый список мы не можем считать абсолютно полным и точно выверенным. Это лишь первое приближение, но все же достаточное для продолжения работы в данном направлении. За четырехвековую историю города населенные пункты в его современных границах возникали и исчезали, многократно переименовывались, или одновременно имели по несколько названий. Вопрос осложняется еще и тем, что различные населенные пункты носили подчас одинаковое название, и не всегда в документах бывает ясно, о каком же именно населенном пункте идет речь в том или ином случае. А между тем, составление точно выверенного списка является первым и совершенно необходимым этапом в изучении всего комплекса вопросов об истории этих населенных пунктов, и следовательно, истории и всего города в целом. Дело это кропотливое и трудоемкое, оно требует участия широких слоев научной общественности — краеведов, историков, географов, топографов, картографов, архивистов.

Изучению подлежит и большой картографический материал разных эпох, и множество архивных дел, особенно по землеустройству, и обширная литература — многократно издававшиеся списки населенных пунктов Уфимской губернии и Башкирской АССР, многотомные «Материалы по истории Башкирской АССР», «Отводная книга по Уфе (1591/92—1629 гг.)» и др.

В изучении истории населенных пунктов большое участие могли бы принять и старо-

жили, в памяти которых сохранились существенные детали, подчас не нашедшие отражения ни в каких опубликованных или архивных материалах.

Хотелось бы, чтобы такая большая работа была в поле зрения и Башкирского отделения Географического общества СССР, и Института истории языка и литературы, и соответствующих кафедр Башкирского государственного университета и Башкирского педагогического института.

История каждого из перечисленных населенных пунктов, даже самого небольшого, представляет значительный интерес прежде всего для его жителей и их потомков, и в то же время она интересна и для всех жителей Уфы как история части города. Из деревень, вошедших в черту города, следует особо отметить деревню Глумилино, как одно из наиболее крупных, древних и ближе всего расположенных к центру города поселений. Первоначально эта деревня упоминается в архивных документах под названием деревни

Тарбеева, или хутора Федоровского. Наименование населенного пункта, как правило, не бывает случайным. Обычно оно дается по имени, фамилии владельца, или первого — поселенца, или членов его семьи. Иногда название населенного пункта определялось названием построенной там церкви, иногда особыми природными условиями. Нередко переселенцы повторяли на новом месте название своей прежней деревни.

Хутор Федоровский получил свое название по имени первого владельца Федора Тарбеева.

Дворянский род Тарбеевых — древний, ведет свое начало с середины 15 века. При великом московском князе Василии Темном (прадеде Ивана Грозного) выходец из Золотой Орды татарский мурза Мердулах-Бий Тарбеев принял крещение и его потомство было записано в 1550 г. в тысячной книге лучших дворян и детей боярских. Многие из представителей этого рода служили воеводами в разных городах России¹. Боярский сын Федор Тарбеев оказался в Уфе в начале 17 века, и в 1612 г. был пожалован земельным наделом под Уфой, о чем сохранилась запись в «Отводной книге по Уфе...»²

В топонимике нашего края сохранилась и поныне фамилия этого рода. Есть деревня Тарбеевка Дмитриевского сельсовета Уфимского района, расположенная на берегу Сос-

¹ Энци. Брокгауза и Ефрона, т. 32—А, с. 633—634.

² Отводная книга по Уфе 1591/92—1629 гг. Публикация Н. Ф. Демидовой. Из истории феодализма и капитализма в Башкирии, Уфа, БФАН СССР, 1971, с. 278, 279.

нового озера. Во второй половине 18 века хутор Федоровский стал называться деревней Анновской по имени нового владельца — жены статского советника Анны Васильевны Коптевой, ставшей собственницей этого хутора¹.

Около 1800 г. деревня становится собственностью землемера, надворного советника, Василия Филипповича Глумилино, но новое название приобретает не сразу, и еще несколько десятилетий она чаще называется Анновской, или Анненской². У В. Ф. Глумилино был сын Михаил, женившийся на сестре писателя Сергея Тимофеевича Аксакова — Софье. Однако не он стал владельцем этой деревни по праву наследования, а его сестры. Елизавета, вышедшая замуж за губернского прокурора Горбовского Н. И., и Евгения, вышедшая замуж за полковника Калов-

ского И. М. По материалам ревизских сказок 1811 г. (6-я ревизия), когда в условиях военного времени проводился учет только мужского податного населения, по сельцу Анненскому записано крепостных крестьян у Елизаветы — 16 душ, у Евгении — 13 душ и у их матери Авдотьи Тимофеевны — 6 душ¹.

Итак, мы можем приблизительно определить, что в 1811 году в деревне Глумилино проживало 80 человек и было 15 дворов. В 1870 году в д. Глумилино проживало 108 человек в 30 дворах². В 1920 году деревня входила в состав Степановской волости Уфимского уезда и в ней было 543 жителя, 74 двора. Северо-восточнее деревни Глумилино во второй половине 19 века возникла из переселенцев новая деревня Дубовка (Новое Глумилино), в которой в 1920 году проживало 560 жителей в 67 дворах³. В 1850-х годах Е. В. Горбовская оставляет по завещанию наследство двум племянникам, Михаилу и Василию Михайловичам Глумилиным — двоюродным братьям детей С. Т. Аксакова⁴.

Их отец, Михаил Васильевич Глумилино владел имением в селе Яковлевке Бугульминского уезда Оренбургской губернии. Кроме сыновей Михаила и Василия у него было четыре дочери: Надежда Бутлерова (жена известного ученого химика, академика Александра Михайловича Бутлерова), Юлия Юм,

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, М., 1960 г., д. 372.

² ЦГА БАССР, ф. 351, оп. 2, дд. 2778 и 3048. Там же, оп. 1, д. 11140.

¹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 204 и 60.

² Списки населенных мест Российской империи. т. 45, Уфимская губерния, СПб, 1877 г.

³ Список населенных пунктов Башреспублики, Уфа, 1926 г.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 712, л. 837—848.

Екатерина Аристова и Россоловская. О первых трех дочерях упоминает Куйбышевский краевед Ф. Г. Попов в статье «Потомки С. Т. Аксакова»¹. В архиве нами найдены интересные сведения о четвертой дочери. Ее муж — Сильверст Россоловский в 1839 году в Киеве принадлежал к тайному обществу. Впоследствии он был учителем первой Казанской гимназии и за ним был учрежден тайный надзор полиции. Имя четвертой дочери в архивном деле не названо². Их сын Вячеслав Сильверстович (1849—1908) — журналист, о нем упоминает И. Ф. Масанов в «Словаре псевдонимов».

О М. М. Глумилине известно как о постоянном жителе нашего края, в Белебеевском уезде он владел имением и был избран уездным предводителем дворянства. А о брате его сохранилась дурная слава. Наш известный писатель краевед Н. В. Ремезов в «Очерках из жизни дикой Башкирии» писал о том, как уже запроданную крестьянам-переселенцам землю, он заложил в банке и получил деньги вторично. Затем В. М. Глумилинин оказался в Париже и о дальнейшей судьбе его сведений нет³.

В начале 1900 гг. несколько крестьянских семейств из деревни Глумилино переселились на хутор Горный Дубняк на р. Деме вблизи деревни Лекаревки, и хутор стал называться также деревней Глумилиной.

¹ Альманах Волга, 1962 г., № 27.

² ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 229.

³ Ремезов Н. В. Очерки из жизни дикой Башкирии. Книга 2, Переселенческая эпопея. М., 1889 г., с. 190—192.

В деревне Глумилино в 1872 году родилась Елена Яковлевна Барсова (по мужу Цветкова), «жемчужина русской оперной сцены», как ее называют историки русского вокального искусства. Окончив Московскую консерваторию с серебряной медалью, она сразу же покорила всех своим талантом. В Москве она выступала вместе с Шаляпиным.

До середины прошлого века крестьяне деревни Глумилино, как и большинства других деревень, фамилий не имели, что видно и по ревизским сказкам и по метрическим записям, хранящимся в архиве. Процесс образования фамилий закончился здесь лишь в начале нашего века. Первыми крестьянами, имевшими фамилии еще в 1850 годах, были Курушевы, Ежовы, Павловы, Крючины. Поз-

же появились Александровы, Дергуновы, Коврижины, Блиновы, Бусыгины и др. Через деревню Глумилино проходил Старо-Сибирский тракт. Индустриальное развитие Уфы началось в 1928 году со строительства ЦЭС в составе Уфимского промышленного комбината, и связь города с новостройкой осуществлялась через деревню Глумилино.

После включения деревни в состав города улицы ее получили названия Электрфикации Большая и Электрфикации Малая. Главная магистраль города — проспект Октября, называвшийся с 1953 по 1959 г. проспектом Маяковского, была проложена по краям усадеб бывшей деревни Глумилино в начале 1950-х гг.

Глава XV

ПОЧЕМУ УМОЛК КУРКУЛ-ДАУК?

С. Т. Аксаков оставил нам много чудесных страниц описаний природы в окрестностях Уфы. Вот одно из них. «В двадцати девяти верстах от Уфы по казанскому тракту, на юго-запад, на небольшой речке Узе, впадающей в чудную реку Дему, окруженная богатым чернолесьем, лежала татарская деревушка Узы-тамак, называемая русскими Алкино, по фамилии помещика; в роскошной долине в живописном беспорядке теснилась эта деревушка на подошве горы Байрам-тау, защищавшей ее от севера; на запад возвышалась другая гора, Зеин-тау, а на юго-восток текла речка Уза, покрытая мелким лесом; цвету-

щие поляны дышали благовонием трав и цветов, а леса из дуба, липы, ильмы, клена и всяких других пород чернолесья, разрезая воздух, сообщали ему живительную силу.» (1; 261). А по другую сторону деревни Алкино шумела речка Куркул-даук. У С. Т. Аксакова в «Семейной хронике» имеется описание поташного завода, находящегося «... в двух верстах от Алкина в глубине леса, на берегу прекрасной речки Куркул-даук... Завод этот уничтожен в 1848 году, в 1791-м только начиналась в Уфимском крае выварка поташа, истребившая впоследствии множество лучших пород чернолесья: липы, ильмы, вяза и клена. Изобилие этих пород было так велико, что сначала только их и употребляли на поташ, потому что зола их несравненно выгоднее других. Продажа поташа представляла тогда огромные выгоды сравнительно с прочими отраслями доходов.» (1;263). Поташ, или углекислый калий, применяется в стекольной, мыловаренной и химической промышленности. Россия издавна служила главным поставщиком поташа на мировом рынке: в 1873 г. она вывозила 16 000 тонн, а Северная Америка — 2288 тонн. С 1874 года добывание поташа из золы древесных пород в России сокращается вследствие мероприятий, направленных против хищнического истребления лесов. Поташ стали изготавливать из золы стеблей подсолнечника, а затем путем электролиза хлористого калия.

Однако и в 1833 году на территории Уфимской губернии еще насчитывалось 27 поташных заводов, предприимчивые владельцы которых продолжали сжигать прекраснейшие

лесные массивы. Для получения поташа требовалось большое количество воды и поташные заводы поэтому размещались только по берегам рек.

Оборудование поташных заводов было очень простым и состояло из ряда чанов с двойным дном, причем верхнее дно с отверстиями, выпаривательных сковород для сгущения раствора и отражательных печей для прокаливания поташа. А сам производственный процесс заключался в следующем: из золы, полученной после сжигания леса, водю выщелачивали растворимые соли, содержащиеся в золе, полученный щелок выпаривался, а затем сырой поташ прокаливали.

Если учесть, что содержание золы в древесине составляет около двух процентов, а поташа в золе — лишь десять процентов, то можно себе представить в каких гигантских размерах сжигались леса на подобных поташных заводах, и как губительно отражалось на самих речках это уничтожение лесов. В литературе, кроме аксаковского описания, речка Куркул-даук встретилась нам еще в «Списках населенных мест Уфимской губернии»¹, при описании башкирской деревни Уптино, единственной — находившейся на ее берегу. Деревня эта просуществовала до середины 1930-х годов. Остатки фундаментов домов и следы от колодцев еще сохранились и поныне, что и помогло нам точно определить местонахождение верховья речки. Еще лет 15 тому назад можно было наблюдать, как

¹ Списки населенных мест Российской империи. Т. 45, Уфимская губерния, СПб, 1877.

чуть ниже деревни Михайловки в реку Дему впадал широкой двухметровой лентой чистой воды ручей.

Лет 10 тому назад мы долго искали следы речки Куркул-даук. И только весной во время разлива вешних вод нам удалось услышать, как «ворчит» она. «Живет» эта речка всего несколько дней, пока не сойдет весенняя вода, и только в это время можно проследить и устье Куркул-даука. Речка считается за счет родников, но выше дороги Уфа-Чишмы вода полностью собирается в накопанные ямы и используется для поливки садовых участков.

Задача охраны природы требует принятия мер по восстановлению речки Куркул-даук, а в устье ее следовало бы соорудить хотя бы самый скромный монумент, как памятник природе, истории экономики и одновременно памятник литературный, выгравировав на камне строчки аксаковского описания речки.

Трудно сейчас даже выкупаться и на речке Узе, так она обмелела. Хотя еще совсем недавно речка была полноводной и богатой рыбой. О существовании на ней четырех водяных мельниц в деревне Салиховой упоминается в вышеназванном «Списке населенных мест.»

В истории этой речки известен такой трагический случай. По воспоминаниям уфимского старожилы В. Н. Смирнова, на этой речке около деревни Салиховой во время рыбной ловли в мае 1906 года утонули врач Н. В. Архангельский и его отец при попытке спасти сына.

Глава XVI

АКСАКОВСКАЯ ДЕМА

Весна, весна! Ты прелесть года,
Но не в столичной тесноте.
Весна на Деме¹, где природа
В первообразной чистоте
Гордится девственной красою!
Где темные шумят леса,
Где воды кажут небеса,
Где блещет темной полосой
Под плугом тучная земля.
Цветут роскошные поля! (3, 673).

С. Т. Аксаков

В «Детских годах Багрова-внука» С. Т. Аксаков, вспоминая летнюю дорогу от Уфы до Парашина, т. е. до Надеждино близ города Белебея, так описывает свои первые впечатления о поразившей его красоте природы на реке Деме. «...Величавая полноводная Дема, не широкая, но слишком быстрая, с какою-то необыкновенной красотой, тихо и плавно, наравне с берегами, расстилалась передо мной. Мелкая и крупная рыба металась беспрепятственно. Сердце так и стучало у меня в груди, и я вздрагивал при каждом всплеске воды, когда щука или жерих выскакивали на поверхность, гоняясь за мелкой рыбкой.» Восторги первого уженья на реке Деме зародили настоящую страсть к рыбной ловле на всю жизнь. «...Я с большим трудом вытащил порядочную плотичку. Я весь дрожал, как в ли-

¹ Дема — река в Оренбургской губернии, около которой места живописные и самые привольные для житья. (Примеч. Аксакова).

хорадке, и совершенно не помнил себя от радости... Уженье просто свело меня с ума! Я ни о чем другом не мог ни думать, ни говорить... Удочка, дрожащий и ныряющий наплавок, согнутое от тяжести удилище, рыба, трепещущая на лесе, — приводили меня при одном воспоминании в восторг, в самозабвение». (1; 308, 310, 311).

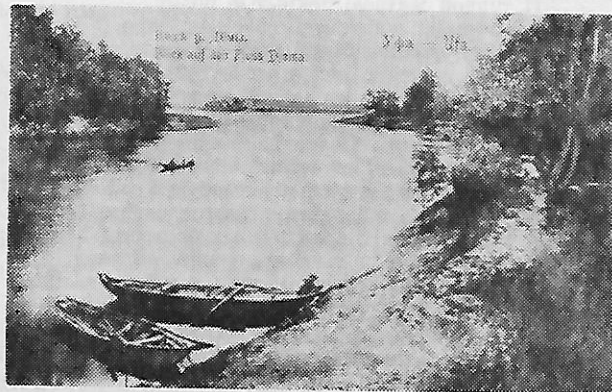
«...Великолепная урема окружала нас. Необыкновенное разнообразие ягодных деревьев и других древесных пород, живописно перемешанных, поражало своей красотой. Толстые, как бревна, черемухи были покрыты уже потемневшими ягодами; кисти рябины и калины начинали краснеть; кусты черной спелой смородины распространяли в воздухе свой ароматический запах; гибкие и цепкие стебли ежевики, покрытые крупными, еще зелеными ягодами, обвивались около всего, к чему только прикасались; даже малины было много.» (1; 309).

В такой уреме «... кроме черемухи и рябины, много всяких кустов: калины, жимолости, боярышника, тальника, смородины и других. Эти-то уремы особенно мне нравятся. Многие деревья и предпочтительно таловые кусты пронизаны, протканы и живописно обвиты до самого верха цепкими побегами дикого хмеля и обвешаны сначала его зелеными листьями, похожими на виноградные листья, а потом палевыми, золотыми шишками, похожими на виноградные кисти, внутри которых таятся мелкие, круглые горькие на вкус, хмельные семена. Множество соловьев, варакушек и всяких певчих птичек живет в зеленых, густорастущих кустах такой уремы.

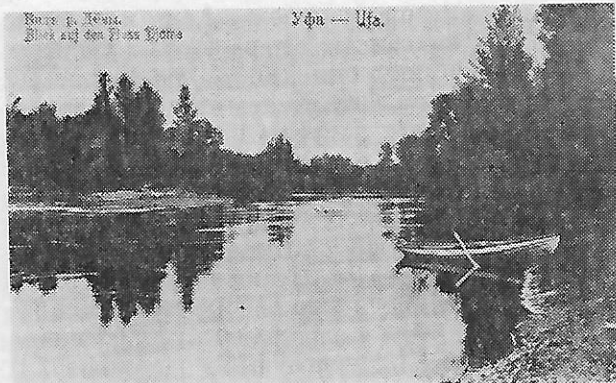
Соловьи заглушают всех. День и ночь не умолкают их свисты и раскаты. Садится солнце, и ночники сменяют до утра усталых денных соловьев. Только там при легком шуме бегущей реки, посреди цветущих и зеленющих деревьев и кустов, теплом и благовонием дышащей ночи, имеют полный смысл и обаятельную силу соловьиные песни.» (4; 385). «...Я с любопытством рассматривал видневшиеся вдалеке летние жилища башкирцев и пасущиеся кругом их стада и табуны. Обо всем этом я слышал от отца, но видел своими глазами в первый раз.» (1; 307).

Первое знакомство С. Т. Аксакова с Демой и кочевьем башкир состоялось в 1796 году, когда ему было всего 5 лет. Эта экзотика и величие демской природы как будто напоили детскую душу будущего писателя красотой и поэзией.

Открытие прекрасного мира в детские годы породило чувство безграничной любви

к своей родине, пронесенное им через все годы своей жизни. В юношеские годы С. Т. Аксаков посвящает своему любимому краю восторженные стихи:

Вот родина моя... Вот дикие пустыни!
 Вот благодарная аратаю земля!
 Дубовые леса и злачные долины,
 И тучной жатвою покрытые поля!
 Вот горы до небес чело свое взносящи,
 Младые отрасли Рифейских древних гор,
 И реки с пеною меж пропастей летящи,
 Разливом по лугам пленяющие взор!
 Вот окруженные башкирцев кочевьями
 Озера светлые, бездонны глубиной,
 И кони резвые, несчетны табунами
 В них смотрят с холмов, любуются собой!
 Приветствую тебя, страна благословенна!
 Страна обилия и всех земных богатств!
 Не вечно будешь ты в презрении забвенна,
 Не вечно для одних служить ты будешь паств.
 (3;642).

Описывая свою поездку из Уфы в Парашино, С. Т. Аксаков не дал названий деревень

и сел, через которые проходил маршрут. Однако приведенных им замечаний об остановках, ночевках, а также описаний природы и этнографических зарисовок достаточно для того, чтобы точно определить этот маршрут. Добавим, что этим же путем Аксаковы пользовались и в поездках до Нового Аксакова, вблизи Бугуруслана, и далее до своего родового имения Старого Аксакова в Симбирской губернии.

Рассмотрим аксаковское описание маршрута и увяжем его с современным географическим положением.

Переехав через Белую на пароме на Оренбургской переправе, и «... отъехав верст пятнадцать, остановились кормить лошадей... в какой-то русской деревушке, которую я очень мало помню». (1; 304). Русская деревушка — это деревня Зубовка, расположенная по правую сторону от Оренбургского тракта, где от последнего отходит проселочная дорога на запад. Деревня Зубовка принадлежала деду писателя — Зубову.

Далее С. Т. Аксаков пишет: «Ночевать мы должны были в татарской деревне, но вечер был так хорош, что матери моей захотелось остановиться в поле; итак, у самой околицы своротили мы немного в сторону и расположились на крутом берегу маленькой речки... Место было необыкновенно сухо, никаких болот и даже лесу не находилось поблизости, потому что начиналась уже башкирская степь». (1; 304). Татарская деревня на берегу речки — по-видимому эта деревня Ибрагимова Чишминского района, расположенная на речке Кизяк — левом притоке реки Уршак.

На следующий день «...проснулся, когда уже мы проехали половину степи, которую нам надобно было перебить поперек и проехать сорок верст, не встретив жилья человеческого». В 19 веке на этом безлюдном участке пути возникло несколько деревень: Никольское, Теперишево и Казангулово.

«...Мы остановились и все вышли из кареты, чтоб переладить в ней ночное устройство на дневное. Степь, то есть безлесная и волнообразная бесконечная равнина, окружала нас со всех сторон; кое-где виднелись деревья и синелось что-то вдаль, отец мой сказал, что там течет Дема и что это синее ее гористая сторона, покрытая лесом.» (1; 306).

После остановки «...стал смотреть в окно, пристально следя за синеющею в стороне далью, которая как будто сближалась с нами и шла пересечь нашу дорогу; дорога начала не приметно склоняться под изволок, и кучер Трофим, потрянув вожжами, весело крикнул: «Эх вы, милые, пошевеливайтесь! Недалеко до Демы!»... и добрые кони наши побежали крупной рысью. Уже обозначилась зеленяющая долина, по которой текла река, ведя за собою густую, также зеленую урему... Вот уже открылась и река, и множество озер, и прежнее русло Демы, по которому она текла некогда, которое тянулось длинным рукавом и называлось Старицей. Спуск в широкую зеленую долину был крут и косогорист.» (1; 307).

Судя по расстоянию от деревни Ибрагимовой и по описанию старицы и спуска к реке, переправа через Дему состоялась у того места, где ныне город Давлеканово. Даль-

нейший путь проходил, примерно, параллельно нынешней железной дороге от города Давлеканово до станции Аксаково, несколько севернее ее. Упоминаемая автором безымянная чувашская деревня, в которой была последняя перед деревней Надеждино ночевка, — это деревня Слакбаш Белебеевского района. «Мы не доехали до Парашина пятнадцати верст.» — Так описывает свой маршрут С. Т. Аксаков.

Река Дема (по-башкирски и татарски Дём, или Дим)¹ берет свое начало на окраине деревни Дема Федоровского района Башкирской АССР и течет на юго-запад около 8 км до границы с Оренбургской областью. Далее проходит по Шарлыкскому и Пономаревскому районам, приняв с правой стороны приток Тяттер, а с левой — Садак с Седяком, и вновь пересекает границу БАССР, попадая в Бижбулякский район, где имеет левый приток Уязы, и далее в Миякинском районе имеет левый приток Менеуз и правый — Мияки. Далее течет по границе Миякинского и Альшеевского района. Затем течет в Альшеевском районе, где недалеко от рабочего поселка Раевский принимает левый приток Курсак. Далее Дема проходит по Давлекановскому району, имея левый приток Тюлянь, и Чишминскому району, имея левые притоки Удряк, Бальшылы и Уза. Затем течет по Уфимскому району и впадает в реку Белую в Уфе. Современное устье реки Дема искусственное. Чтобы избежать строительства моста через реку Дему рядом с мостом

¹ БСЭ, том 21, ст. 205.

через реку Белую, русло Демы было перекрыто железнодорожной насыпью, а для отвода самого русла был прорыт искусственный канал до реки Белой длиной около километра. Сейчас сохранились следы бывшего устья Демы, впадавшей до постройки железнодорожного моста в 1888 году значительно ниже по течению реки Белой. Таким образом протяженность реки Демы около Уфы сократилась километров на шесть.

Общая протяженность реки Демы в различных источниках дается по разному: в Краткой географической энциклопедии — 545 км, в БСЭ — 375 км, в БСЭ (2-е издание) — 545 км, в БСЭ (3-е издание) — 535 км, в гидрографическом справочнике¹ — на выбор две величины — 434 км по одним данным и 545 км — по другим. Такой разницей не может не вызвать удивления, как будто речь идет о какой-то неведомой, или почти неисследованной реке.

Из древних памятников архитектуры на реке Деме следует отметить мавзолей Хусейн-бека, построенный около 1200 года. Мавзолей находится вблизи железнодорожной станции Чишмы. «Мавзолей имеет красивое местоположение. Он стоит, возвышаясь над широкой поймой реки Демы, которая когда-то протекала у его подножия.»²

Река Дема — самый большой левый приток реки Белой.

¹ Справочник по водным ресурсам СССР, т. 12, Л., 1936.

² Калимуллин Б. Г. Архитектурные памятники Башкирии, Уфа, 1956, с. 5.

В нижнем течении реки Демы сложилась курортно-санаторная зона, здесь размещаются детский санаторий в Алкино, курорт Юматово, множество баз отдыха и пионерских лагерей.

Напрашивается вопрос о необходимости создания в Башкирии на реке Деме национального парка по примеру Эстонии, где можно было бы представить и природные богатства, и древний быт кочевых башкир, и своеобразие их национальной культуры.

«Только в национальном парке в полной мере удастся одновременно сочетать экологическое просветительство, туризм, отдых, лечение и даже рыбалку и спортивную охоту с охраной природы и научными исследованиями. Специальная администрация следит за целостью «экспонатов», чистотой и порядком в огромном музее под открытым небом.» (Комсомольская правда, 14 сентября 1980 г.)

Еще сохранились на Деме участки сравнительно мало заселенные, почти с ненарушенной природной красотой аксаковской уремы. Пока не поздно, необходимо сохранить эти места для будущего национального парка.

Следовало бы также усилить природоохранительный режим и в тех местах низовья реки Демы, где уже в значительном количестве размещены участки коллективных садов и баз отдыха.

Глава XVII

СКАЗОЧНЫЕ ОЗЕРА

В наш дикий край лечу душою:
В простор степей, во мрак лесов,
Где опоясаны дугою
Башкирских шумных кочевьев,
С их бесконечными стадами —
Озера светлые стоят,¹
Где в их кристалл с холмов глядят
Собравшись кони табунами... (3; 674).

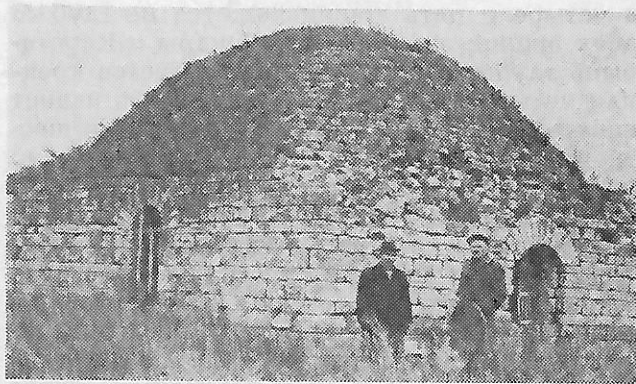
С. Т. Аксаков.

Давая классификацию озер (4; 250), С. Т. Аксаков относит к четвертой группе «...озера степные, всегда значительной величины, самые чистые, светлые, красивые, лучшие из всех озер. Без сомнения, они имеют скрытые на дне родники, и весьма сильные, которые вознаграждают убыль, производимую испарением воды во время летних жаров и засух, убыль, которая в них бывает мало заметна... В Оренбургской губернии много таких озер; мне короче знакомы два чудесные озера, находящиеся в недалеком расстоянии одно от другого, в Белебеевском уезде: Кандры и Каратабынь; каждое из них имеет по несколько десятков верст в окружности. Степные озера отличаются невероятную прозрачностью, превосходящею даже прозрачность омутов степных речек; и в последних вода бывает так чиста, что глубина

¹ Кандра и Каратабынь — прелестные большие и необыкновенно прозрачные озера. (Примеч. С. Т. Аксакова.)

в четыре и пять аршин кажется не глубже двух аршин; но в озерах Кандры и Каратабынь глубина до трех сажен кажется трех- или четырехаршинною; далее глубь начнет синеть, дна уже не видно, и на глубине шести или семи сажен все становится страшно темно!.. Прелестные степные луга, оживляемые близостью огромной массы воды, окружают Кандры; глубина в десять сажен находится ближе к одной несколько гористой стороне; посредине озера точно всплыл из воды небольшой, возвышенный, лесистый зеленый островок: приют и место вывода детей для бесчисленных и разнообразных пород чаек. Две противоположные стороны — ровная степь, а четвертая сторона камышиста, и есть признак (длинная протоčina по небольшому долочку), что тут был когда-то проток. Башкирцы сказывали мне, что старики их помнят, когда этим протоком Кандры соединялось с Каратабынью. Нынче и весной нет этого соединения. У башкирцев даже есть какая-то легенда насчет будущего соединения этих озер, но я не мог достать ее... поздней осенью отлетная птица в больших стаях гостит на них короткое время, как будто на прощанье; зато всякая рыба бель ... водится в степных озерах в изобилии и отличается необыкновенным вкусом». (IV, 252)

Любопытные сведения приводит В. И. Даль о крупных озерах равнинной Башкирии: Кандры-куль и Ачулы-куль, «...замечательных... по особенному обстоятельству: озера эти прибывают и убывают непостоянно, независимо ни от каких известных и видимых причин. Иногда проходит несколько лет и они

стоят спокойно в берегах; иногда в неопределенное время года, вдруг начинают оба вместе, прибывать и разливаться и снова вместе вливаются в берега свои. Башкиры твердо верят, что каждый разлив Ачулы-куля предвещает бедствие и рассказывают, что лошадь или человек, утонувший в одном из этих озер, всплыл в другом».¹

Сочетание интересных географических явлений с башкирским поэтическим эпосом о двух озерах Белебеевского уезда вызвало особый интерес к ним у Даля. Публикуя в журнале «Москвитянин» в 1843 году легенду «Башкирская русалка»², написанную по материалам башкирского фольклора, В. И. Даль

¹ Примечание В. И. Даля к кн. Э. А. Эверсманна «Естественная история Оренбургского края», ч. I, Оренбург, 1840, с. 19.

² Эта легенда напечатана также в сб. Башкирия в русской литературе, т. I, с. 211—230.

вновь возвращается к описанию Аслы-куля и Кандры-куля. Причем фольклорная запись поэтической легенды сопровождается подробным географическим описанием»¹. ...Озеро Ассулы, или Ачулы, в переводе: открытое, отверстие, бездонное, или, может быть, вернее, сердитое, в самом деле разливается и упадает, прибывает и убывает, не постоянно, не равномерно, без всяких видимых причин... Юго-восточный берег Ассулы за грязным солонцом окаймлен степным увалом, за которым вытекает речка Ачулы-Удряк, одна из трех Удряков, составляющих главный или большой Удряк, впадающий в Дему. Южнее Ачулы-Удряка встречаете еще увал, или небольшой гребень, за которым вытекает речка Тюлян, также один из притоков Демы.

...У восточной оконечности озера тянется овраг, в который заливается вода, когда озеро в разливе. ...На северо-западе от Ачулы, верстах в 50 за вершинами речек: Чермасана, Чукалы и Нугуша, лежит такое же дивное озеро Кандра, Кандра-куль. На юге от него горы с редким лесом; на западе обрывы и увал каймой; тут же мыс и островок, на котором башкиры пасут лучших коней своих, потому что они здесь в безопасности, даже и без пастуха; на севере — песчаная, кочковатая, поросшая травой покатошь и далее степной кряж уступом; тут же тянется ров, или овраг, от самого озера до ложины реки Нугуша, — и вода течет, во время разлива озера, по этому рукаву; на востоке — мочажина, болотце, и далее холмистый увал. На Кандра-куле стоят

¹ Башкирия в русской литературе, т. 1, с. 219, 220.

три аула, или деревни, все три Кандры; озеро покрыто челноками рыбаков; замечательно, что в Кандра-куле есть сомы, а нет вовсе карасей, а в Ачулы, наоборот сомов нет, а карасей много. От Кандра-куля, на юго-западе, саженях во ста, в горах, лежит озерцо Тюменски, а из него течет речка Тимошка и впадает в Кандру».

Легенда «Башкирская русалка» была литературно обработана не только Далем, но и рядом других авторов: Л. Суходольский, С. Г. Султанов, Г. Потанин¹. Легенда о русалке не единственная. В издававшемся в Уфе журнале «Огни Востока» И. Старков опубликовал другую башкирскую легенду «Асликуль», в которой рассказан миф о возникновении озера. (1926 г., № 2, стр. 9, 10).

Озеро Аслы-куль.

Самое большое озеро в Башкирии. У различных авторов оно известно еще под следующими названиями: Ачулы-куль и Ассулы (Даль); Асли-куль и Ачлы-куль (гидрографический справочник); Асликуль (Л. Е. Черняева); Ачалы-куль и Аиркуль (В. М. Черемшанский); у С. Т. Аксакова это озеро названо — Каратабынь².

¹ Башкирия в русской литературе, Уфа, 1961, т. 1, с. 438.

² Справочник по водным ресурсам СССР, т. 12, Урал и Южное Приуралье, Л., 1936.

Черняева Л. Е. Гидрохимия озер. (Урал и Приуралье), Л., 1977.

Андреева М. А. Озера Среднего и Южного Урала, Челябинск, 1973.

Кучеров Е. Ф. Озеро Аслы-куль и его окрестности

Основные морфометрические сведения: высота над уровнем моря — 213 м; длина — 7,9 км, ширина — 8,1 км, площадь 23, 6 км², объем — 89,5 млн³, средняя глубина — 3,3 м, наибольшая глубина — 7,0 м, длина береговой линии 20,25 км. Следует отметить, что морфометрические сведения у различных авторов значительно отличаются друг от друга. Так например, ширина озера в гидрографическом справочнике — 8,1 км, а в книге «Памятники природы Башкирии» — 5 км. Озеро находится в Давлекановском районе Башкирии, в 35 км от г. Давлеканово. Южный берег обрывист и горист, северный — более пологий. Озеро карстового происхождения, оно образовалось на месте гигантского карстового провала, постепенно заполненного водами за счет атмосферных осадков и грунтовых вод. В прошлом на месте озера был лиственный лес, о чем свидетельствуют стволы лиственниц, которые до сих пор сохранились на дне озера. Еще недавно деревья росли на берегу озера около поселка Янги-турмуш. Последнее дерево погибло в 1951 году. В прибрежном болоте Бирказан-камыш (пеликаньи камыши) гнездились пеликаны. После 1914 года они здесь не встречались. Озеро периодически проточное, на западе в него впадает река Чарлама (Шарламы), наполняемая водою весной, летом она высыхает, зимой — промерзает. На юге из

и Кучеров Е. Ф. и Кудряшов И. К. Озеро Кандры-куль, обе статьи в кн.: Памятники природы Башкирии, Уфа, 1974, с. 76 и 92.

Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях, Уфа, 1859.

озера вытекает река Аслы-Удряк — приток реки Демы. На берегу озера находятся деревня Купоярово и поселок рыбаков Янги-турмуш. Озеро Аслы-куль, также как и озеро Кандры-куль богато рыбой, но некоторые виды рыбы в этих озерах заражены лигулезом.

Озеро Аслы-куль очень живописно, красивые обрывы и скалы, привлекательные песчаные пляжи. Оно кажется морем из-за своей величины, а в непогоду огромные волны создают шум морского прибоя.

В 1936 году отмечалось, что за последние 60 лет уровень воды в озере Ачулы-куль понизился на 2,5 м. Вода в озере соленая, жесткая, имеет сероводородный запах. Дно песчаное. На западном берегу встречаются грязи, обладающие лечебными свойствами. В 1965 году Постановлением Совета Министров Башкирской АССР об охране памятников природы озеро Аслы-куль, также как и озеро Кандры-куль, включено в список памятников природы, требующих охраны.

О з е р о К а н д р ы - к у л ь

Озеро имеет еще следующие названия: Кандра-куль и Кандры-куль (В. В. Даль), Кандра и Кандры (С. Т. Аксаков).

Основные морфометрические сведения: Высота над уровнем моря — 172 м, длина — 4,8 км, ширина — 3,5 км, площадь — 15,6 км², объем — 112,7 млн. м³, средняя глубина — 5 м, наибольшая глубина 15,5 м, длина береговой линии — 17,6 км. Озеро находится в Туймазинском районе, в шести километрах от железнодорожной станции Кандры. Северный берег низкий с широкой полосой песчаного пляжа, юго-восточный — более возвы-

шенный. В озеро впадает ручей Казган, берущий начало в озере Чирикуль, и многочисленные ключи главным образом по южному возвышенному берегу. (У Даля — речка Тимошка вытекает из озера Тюменски). На берегу озера расположены три деревни: Кандры-Кутуй, Кандры-куль и Кандры-Тюмекеево.

С северной стороны за деревней Кандры-Кутуй видно сухое русло реки Киндык, которая раньше впадала в реку Нутуш, системы реки Большой Ик, вытекая из озера. Озеро стало бессточным из-за изменения уровня воды в нем, который понизился на 3,5 м за последние 80 лет.

На озере имеется небольшой остров Утрау длиной до одного километра, шириной от 300 до 500 метров. (У Даля и С. Т. Аксакова остров — безымянный).

Озеро карстового происхождения. С трех сторон оно окружено горами: на севере — гора Канар-Казган, на северо-западе — Тулайман, а на юге — Гульбика и Кызыл-тау. Склоны гор обрывисты. В прошлом на месте озера был сосновый лес. Местами на дне озера находили стволы сосен. Вода в озере чистая, прозрачная, пресная.

Живописные высокие берега покрыты смешанным березо-дубово-липовым лесом с культурными посадками сосны. Низкие берега представляют собой заросли тростника и камыша, где водятся утки. На озере в осеннее время бывает много пролетной птицы.

Озеро является любимым местом отдыха круглый год. По живописным берегам его размещаются многочисленные базы отдыха, пионерские лагеря и дома отдыха.

ПРЕДАНИЕ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Со временем не останется доскута нераспаханной степи в Оренбургской губернии... все ее земли удобны, все должны быть населены, и все, написанное мною о степных местах этого чудного края, сделается преданием, рассказом старины. (4; 315).

С. Т. Аксаков.

Вернувшись в Оренбургский край в 1811 году, С. Т. Аксаков прожил здесь с небольшими перерывами до 1826 года. «Первые восемь лет я жил в Бугурусланском уезде Оренбургской губернии, что ныне Самарская, а последние пять лет в Белебеевском уезде, который и теперь составляет часть Оренбургской губернии». (4; 504).

Любовь к природе родного края, пристальность изучения животного мира и выразительность изображения природы позволили С. Т. Аксакову создать прекрасные произведения об охоте и охотничьем мире. Тонкая поразительная наблюдательность позволила автору, как писал «Журнал охоты», «внести огромный запас фактов в науку»¹.

С. И. Машинский охарактеризовал охотничьи книги Аксакова как «...явление уникальное в истории русской, а пожалуй, и мировой литературы. Очерки и рассказы о рыб-

ной ловле и ружейной охоте впервые стали фактом «большой» литературы, завоевав необычайно широкий круг читателей».¹

Литературные достоинства охотничьих книг С. Т. Аксакова были сразу же отмечены его современниками. Вот как писал Н. А. Некрасов: «Превосходная книга С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» облетела всю Россию и в короткое время достигла второго издания, — честь, которой в последние годы весьма редко достигали русские книги. Этот успех именно и побудил автора, как он сам говорит «написать и напечатать все, что он знает о других охотах, которыми некогда горячо занимался». И за это конечно, поблагодарят его читатели. «Рассказы и Воспоминания» — прекрасная книга, исполненная дельных охотничьих замечаний и наблюдений, живописных картин природы, интересных анекдотов и поэзии.»² «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» получили признание как крупное явление искусства. «Свежее и глубокое чувство природы. Степь. Мастерское описание», отмечает Вяземский П. А.³.

Тургенев писал об этой книге: «Это настоящая русская речь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нет вычурного и ничего лишнего, ничего напряженного и ничего вялого — свобода и точность выражения оди-

¹ Машинский С. И., С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. Изд. второе, М., Художественная литература, 1973, с. 338.

¹ Машинский С. И., С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. Изд. второе, М., Художественная литература, 1973, с. 309.

² Там же, с. 349.

³ Там же, с. 331.

наково замечательна. Эта книга написана охотно и охотно читается». (4; 631, 632).

Тургенев о рассказе «Охота с ястребом за перепелками» писал С. Т. Аксакову, что рассказ «не прочел, а проглотил целиком», и добавил: «это превосходная вещь — и написана тем славным русским языком, которым вы один владеете».¹

Этот рассказ был восторженно оценен и Чернышевским: «Что может быть живописнее этого описания! А глухие тетерева, утки, дупеля, вальдшнепы, гаршнепы и им подобные и не подозревают, что судьба наделила их таким историком, как г. Аксаков; не подозревают, что в описаниях г. Аксакова они лучше, красивей и вкуснее, нежели на самом деле. Какой-нибудь дрянной ястреб, способный напугать одних воробьев, доставляет нам столько удовольствий, и все потому, что его описывает г. Аксаков»².

С огромным уважением к «Запискам ружейного охотника Оренбургского края» относились и последующие поколения русских ученых. Выдающийся орнитолог Модест Богданов называл имя их автора рядом с именами Э. А. Эверсманна и Н. А. Северцова. «Натуралист-самоучка, наблюдатель животной жизни без всякой научной подготовки, — писал М. Богданов, — С. Т. Аксаков оставил нам в своих «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» драгоценные материалы для истории жизни некоторых форм, — мате-

¹ Машинский С. И., С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. Изд. второе, М., Художественная литература, 1973, с. 350.

² Там же, с. 347.

риалы, к которым не раз еще обратятся русские орнитологи»¹. Но оставим специалистам определять естественнонаучную значимость произведений С. Т. Аксакова. Обратим свое внимание на благоухающие с экзотическими башкирскими кочевьями, обильные зверьем и дичью, веками не паханные ковыльные оренбургские степи, какими их наблюдал, изучал и описал С. Т. Аксаков.

«Такие степные места... бывают чудно хороши весной своею роскошною, свежелою растительностью. Сочными, пышными, высокими травами и цветами покрыта их черноземная почва, особенно по долинам и равнинам между перелесками... Особенным ароматом наполняют они воздух, и кто не ночевывал летом в наших степях, на покатосях горных кряжей, тот не может иметь понятия о благо-растворенном, мягком живительном их воздухе, который здоровее даже лесного. Целебные качества степных трав и степного воздуха очевидно доказываются удивительным восстановлением телесных сил кочевых башкирцев... На восходе солнца, когда ночной туман садится благодатною росой на землю, когда все запахи цветов и растений дышат сильнее, благовоннее — невыразимо очаровательно прелесть весеннего утра в степи... Все полно жизни, свежо, ярко, молодо и весело!..

Осенью ковыльные степи совершенно изменяются и получают свой особенный, ни с чем не схожий, чудный вид... Необходимая принадлежность степей Оренбургского края

¹ Машинский С. И., С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. Изд. второе, М., Художественная литература, 1973, с. 342.

с весны до поздней осени — башкирские ко-
чи, с их многочисленными стадами мелкого
скота и конскими табунами... В степях водят-
ся звери и разные зверьки: белесоватая
степная лиса... зайцы, русаки и тумаки...
хорьки, горностаи... В отрогах водятся волки,
изредка и барсуки...» (4; 306—314).

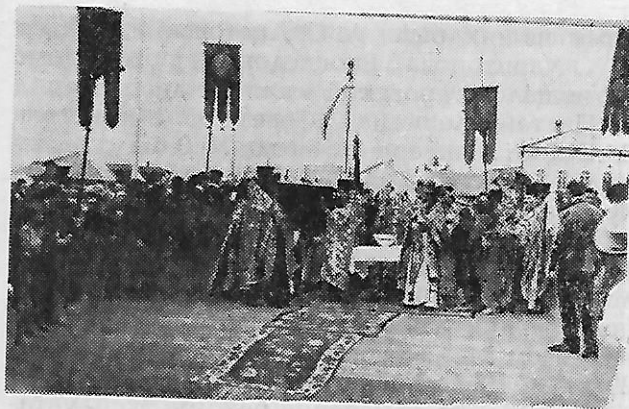
Глава XIX

МУЗЕЙ С. Т. АКСАКОВА В ГОРОДЕ УФЕ

История создания музея С. Т. Аксакова уже насчитывает три четверти века. Возможно, что первыми экспонатами, предназначенными специально для этого музея, были два письма С. Т. Аксакова к Е. И. Барановскому от 9 июня 1856 г. и 30 января 1859 г., посланные адресатом для помещения их в аксаковском музее уфимскому губернатору А. С. Ключареву с сопроводительным письмом 21 апреля 1909 г. Подлинники писем С. Т. Аксакова и Е. И. Барановского не сохранились. Текст их известен, т. к. был опубликован в местной газете¹, но остался вне поля зрения литературоведов, как это нередко случается, особенно при газетных публикациях, в результате несовершенства библиографической работы.

В дальнейшем к идее организации аксаковского музея вернулись уже много лет позже, имея в виду использовать для этой цели сохранившийся в Уфе по ул. Благоева, 4 дом

¹ Уфимский край, 1909, 1 июня.

деда С. Т. Аксакова — Николая Семеновича Зубова, в котором прошло детство писателя. Уфимский краевед П. Ф. Ищерилов время постройки этого дома относил к середине XVIII в. За двухвековое свое существование дом многократно переходил от одного владельца к другому. Известно лишь, что послед-

ними из них были А. С. Листовский, а затем Е. К. Харитоновна. Впоследствии в этом доме размещался городской кожный диспансер.

Постановлением Совета Министров БАСССР от 9 января 1953 года № 9 было решено установить на здании мемориальную доску в память С. Т. Аксакова.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 24 мая 1966 года № 473 было предложено до 1970 года изменить характер использования данного здания, в связи с чем приказом Министерства культуры РСФСР от 29 июля 1966 года № 604 была установлена необходимость изменения режима эксплуатации этого дома. Но с началом новой застройки квартала возникла угроза сноса дома на улице Благоева, в связи с чем 14 июля 1966 года в газете «Советская Башкирия» была опубликована статья «Дом Аксакова?», в которой отстаивалась необходимость сохранения этого дома¹.

Дело в том, что ко времени опубликования статьи Уфа уже лишилась нескольких ценных памятников культуры. Среди них — древнейший в Башкирии архитектурно-исторический памятник — Троицкая церковь² постройки начала XVII века. Подвал колокольни этой церкви служил местом заключения виднейших участников крестьянской войны 1773—1775 гг. Салавата Юлаева, его отца Юлая Азналина, пугачевских «полковников» Чики Зарубина и Губанова.

¹ Автор статьи Г. Ф. Гудков.

² Воронин Н. и др. В защиту памятников культуры. «Литературная газета». 1956, 23 августа.

Названная же выше статья появилась в связи с тем, что угроза сноса нависла над домом по улице Благоева 4, где установлена мемориальная доска в память о земляке-писателе С. Т. Аксакове. Институт «Башкир-гражданпроект» предложил реконструкцию квартала со сносом всех строений, даже не позаботившись о получении необходимого в этом случае решения правительства о сносе памятника культуры, каким является дом, где жил С. Т. Аксаков.

Уфимский горисполком в письме от 25 февраля 1966 г. (№ 21) сообщил Совету Министров Башкирской АССР о том, что дом Аксакова подлежит сносу в 1967 году по плану застройки квартала. Совет Министров республики запросил Уфимский институт истории, языка и литературы Академии наук СССР.

В ответе на запрос Совета Министров Башкирской АССР от 20 апреля с. г. институт писал: «Установленная ныне мемориальная доска лишь символически и весьма приблизительно обозначает то место, где когда-то стоял дом Аксакова». Утверждалось это на том основании, что, во-первых, дом Аксакова сгорел якобы еще в 1821 г.; во-вторых, дом, описанный писателем в произведении «Детские годы Багрова-внука» и существующий ныне дом по улице Благоева, 4, «даже отдаленно не похожи друг на друга», и, в-третьих, дом, подлежащий сносу, по утверждению старожилов, построен в XX веке.

Однако сотрудники института, готовившие ответ, на наш взгляд, недостаточно внимательно отнеслись к текстам произведений С. Т. Аксакова. Они писали: «Дом, в котором

родился и провел детские годы русский писатель С. Т. Аксаков, сторел еще в прошлом веке. Это подтверждается литературными источниками. Так, в некрологе «Сергей Тимофеевич Аксаков», помещенном в «Оренбургских Губернских ведомостях» 20 июня 1859 года, говорится о поминках, устроенных живущими в Уфе казанскими студентами. По окончании панихиды они решили посетить место, где был некогда в Уфе дом Аксаковых и где родился Сергей Тимофеевич. «И вот студенты пришли к тому месту, где, по сказанию старожилов уфимских, был дом, принадлежавший родителям Сергея Тимофеевича, в котором они жили несколько лет после брака.» В этом же некрологе читаем: «Место это и уже другой на нем дом, построенный вместо старого аксаковского, сгоревшего в пожар 1821 года, принадлежит ныне полковнику Краевскому.»

Но обратимся к произведениям Аксакова. В «Семейной хронике» автор сообщает, что вскоре после свадьбы родителей, состоявшейся 10 мая 1788 года, они переехали из дома деда (Н. Ф. Зубова) в свой собственный, купленный у Веселовских в Голубиной слободке... В этом доме у них родилась дочь, вскоре умершая, и сын, С. Т. Аксаков (20 сентября 1791 года). Старик Зубов умер незадолго перед рождением своего внука Сергея. В «Семейной хронике», заканчивающейся сообщением о рождении внука, т. е. самого автора, еще не упоминается о возвращении родителей в дом деда. (1; 185, 246, 250, 255, 259, 267, 268, 276).

О переезде в дом деда писатель вспоми-

нает только в «Детских годах Багрова-внука», в то время, когда он описывает себя уже умеющим читать, т. е. четырех лет (1; 295 и 296). Таким образом, ссылка института на материал, опубликованный в некрологе 20 июня 1859 г., никакого отношения не имеет к зубовскому дому, где сейчас установлена мемориальная доска. Студенты в 1859 году посетили место, где С. Т. Аксаков родился и жил до четырехлетнего возраста, т. е. усадьбу в Голубиной слободке, и не нашли этого дома, действительно сгоревшего в 1821 году.

Из всего сказанного видно, что решение сотрудников института о том, что дом по улице Благоева, 4, даже отдаленно не напоминает дома Зубова — было слишком поспешным. Правда, надпись на мемориальной доске, установленной сейчас на доме Аксакова, к сожалению, ошибочно утверждает, что писатель жил здесь с 1791 года, тогда как в действительности он жил лишь с 1795 года, с четырехлетнего возраста...

«Но заглянем в описание этого дома самим Аксаковым, и мы убедимся, что этот дом отвечает всем основным признакам, отмеченным автором: во-первых, дом производит впечатление «громады» — длина по ул. Благоева — 44 метра, по ул. Салавата — 22 метра; во-вторых, дом стоит на косогоре, окна на северо-запад «низкие», возвышаются над землей на 40 см, а на юго-восток — на 250 см; в-третьих, с юго-восточного угла, где могли быть сени и крыльцо, «видна река Белая почти во всю свою ширину»; в-четвертых, в доме и сейчас имеются «длинные сени, служащие коридором». (См. у Аксакова стр. 295

и 296). За прошедшие 170 лет, безусловно, у дома неоднократно менялся хозяин, он подвергался переделкам. Вырублен был сад, о котором упоминал Аксаков. Дробился и земельный участок: так, во время второй городской переписи населения в 1879 году на усадьбе было два дома одного хозяина — А. Листовского (Гурвич Н. А. Справочная книжка Уфимской губернии, Уфа, 1883.) А в 1908 году угловой дом уже принадлежал другому хозяину — Харитоновой Е. К. (Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1908 г., стр. 24.) При осмотре восточной стороны крыла дома, выходящего на ул. Салавата, под обшивкой мы обнаружили обгоревшие венцы сруба и дверной проем, переделанный в оконный. Несомненно, с этой стороны дом имел пристройку, сгоревшую при пожаре. Возможно, что раньше здесь были сени с крыльцом, насчитывающим «более 25 ступенек»...

В настоящее время квартал вблизи дома Аксакова уже почти застроен, старый дом новым зданиям не мешает, разве что нарушает архитектурный ансамбль. Однако необходимо согласиться, что ради сохранения исторического памятника, являющегося одновременно и архитектурным образчиком деревянного зодчества прошлого, можно пойти на некоторое нарушение ансамбля...»

Тогда же, в 1966 году в защиту дома выступил и председатель Башкирского республиканского общества охраны памятников истории и культуры Р. Г. Кузеев, который в беседе с корреспондентом газеты¹ заявил:

¹ Ленинец, 1966, 27 октября.

«...в Уфе в районе парка Салавата Юлаева идет большое жилищное строительство, однако архитекторы совершенно не позаботились о том, чтобы естественно и красиво вписать в новый ансамбль находящийся здесь дом, в котором жил замечательный русский писатель, наш земляк С. Т. Аксаков. Дом, видимо, предназначен к сносу, и потому охранная зона грубо нарушена». Прошел 1967 год, дом был спасен от сноса. Однако вскоре над ним возникла новая угроза — переноса на новое место в близлежащий сад им. Н. К. Крупской на Случевской горе. С таким решением вопроса также нельзя было согласиться, и не только потому, что это требовало бы вырубку деревьев, посаженных при закладке сада в начале 1900-х годов. Дом по ул. Благоева был «топографически» привязан к своему месту. Значение этого дома как исторического памятника культуры заключалось не только в том, что в нем проживал в детские годы С. Т. Аксаков. Дом был описан Аксаковым на фоне определенного рельефа местности («косогор», «вид реки Белой») и всякое изменение его местоположения нанесло бы моральный ущерб ему как памятнику культуры¹.

В 1974 г. корреспондент «Правды» Н. Уткин сообщал о начале реставрации дома, где прошли детские годы С. Т. Аксакова: «В этом деревянном здании на ул. Благоева создается музей певца русской природы».²

¹ Уразбаев Б. О памятниках и памяти. Ленинец, 1972, 19 февраля.

² Уткин Н. Здесь жил С. Т. Аксаков. Правда, 1974, 25 февраля.

Реставрация, а точнее ремонт, закончилась. Однако в освобожденном помещении была размещена библиотека Обкома профсоюза работников просвещения.

Директор краеведческого музея Р. Г. Нязгулов проявил инициативу в организации музея Аксакова как отдела краеведческого, и Постановлением Совета Министров БАССР от 10 ноября 1978 г. № 566 было принято решение об организации с 1 октября 1978 г. музея Аксакова. Соответствующие штатные единицы были выделены Башкирскому краеведческому музею.

Однако музей С. Т. Аксакова до сего времени (июнь 1981 г.) не открыт.

Длительное время библиотека не освобождала комнаты мезонина дома, где предполагалось разместить мемориал С. Т. Аксакова. Когда же помещение было освобождено, то возникла необходимость произвести ре-

монт, который в настоящее время ведется. Мы закончим главу об аксаковском музее публикацией хранящихся у нас воспоминаний двух уфимских старожилов, воспоминаний, которые, по нашему мнению, окончательно устраняют какое-либо сомнение в проживании С. Т. Аксакова в доме по ул. Благоева, 4.

Вот что пишет Н. А. Вишнякова: «Я родилась 21 ноября 1903 г. в гор. Петербурге в семье юриста. В 1917 г. осенью моя мать с детьми переехала в Уфу и поселилась в доме Харитоновых, в северном крыле его. Примерно через год после нашего приезда приехала из Петрограда вдова Харитонова, Марья Константиновна¹, старушка лет 75—80. Однажды я ей задала вопрос: «Почему в их доме, выглядевшем обновленным, сохранился в ветхом состоянии балкон, выходящий на восток (ниже балкона была терраса, тоже выглядевшая новой).» Харитонова ответила: «С этого балкона любовался ледоходом на реке Белой Аксаков С. Т.».

Приблизительно через год Харитонова во время прогулки во дворе, сама обратилась ко мне и сказала, что в этом доме жил С. Т. Аксаков. Далее она рассказывала о переходе дома Аксакова из одних рук в другие, но подробности я не запомнила. Прилагаю схему — чертеж усадьбы Харитоновых с нанесением построек, бывших в то время в ней.

г. Уфа, 7 августа, 1966 г.

Воспоминание написала в связи

¹ Ошибка: Харитонову звали Еленой Константиновной. Ее муж Петр Алексеевич Харитонов — гофмейстер, сенатор, государственный контролер.

с заметкой в «Советской Башкирии» от 14 июля 1966 г. о доме Аксакова. Вишнякова Наталья Александровна.»

А вот другое воспоминание: «По рассказам моего отца, Ф. О. Степанова, уроженца и жителя Уфы (1849—1919 гг.), дом, в котором жил в детстве С. Т. Аксаков — это дом Листовского, на углу улицы Бельской и Случевского пер.¹ Так говорил отец, так же об этом говорили и другие старожилы. Из школьных лет помню, когда отмечался Аксаковский юбилей в 1909 г. (пятидесятилетие со дня смерти), то после концерта в саду Видинеева² организаторы юбилея предлагали публице посетить этот дом.

Л. Ф. Еникеева, урожденная Степанова, быв. преподаватель Башкирского медицинского института, в настоящее время пенсионер, 1894 г. рождения.

Адрес: г. Уфа, ул. Павлуновского, 7.

11 августа 1966 г.»

От издательства: в октябре 1981 г. состоялось открытие музея С. Т. Аксакова.

¹ Улица Бельская в настоящее время называется улицей Салавата, а Случевский переулок — улицей Благоева.

² Видинеевский сад — ныне сад им. А. В. Луначарского.

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ

Казанские студенты, живущие в Уфе, единодушно согласились помолиться за упокой всем им родной души первого студента Казанского университета, С. Т. Аксакова. Для этого 13 июня, в субботу, собрались они в одной из церквей Уфимских, где после заупокойной обедни отправлена была и панихида по усопшем. Немногочисленная была эта группа, молящаяся за упокой души «болярина Сергия»; зато, тем более походила она на осиротевшую семью, и тем более веяло от небольшой семьи этой истинным чувством скорби, при слушании ею надгробного пения. Но и в этом, небольшом кружке казанских студентов, состоявшем из 21 человека, явились студенты Казанского университета различных выпусков: тут был и студент 1819 г. и только что приехавшие из Казани студенты выпуска 1859 г. и нынешние студенты университета; все они соединились здесь в одно чувство, в одну мысль и в одну скорбь о далекой по расстоянию, но близкой по сердцу каждому из них могиле. И не одни студенты Казанского университета молились в Уфе, 13 июня за упокой души Сергея Тимофеевича: тут были и родственники его, тут были и не многие друзья его, имевшие счастье знать его лично и вообще тут были все, которым внятно было слово русского человека и которым жизненный холод не мешал чувствовать

¹ Хожалый — полицейский солдат, городской.

Впервые статья была опубликована в газете «Молва» (1857, № 36, стр. 410—411, без подписи).

всю теплоту души Сергея Тимофеевича, так благодатно веющую на каждого от всех его произведений, от всей его, так честно совершенной жизни. А жизнь эта, как известно, получила начало свое в Уфе. Да! Уфа родина С. Т. Здесь провел он детские годы свои, и потом в Оренбургской губернии провел он лучшие годы своей молодости. И если каждый человек непременно носит на себе более или менее отпечаток своей родины, то тем несомненное и очевиднее отразилось на впечатлительной душе С. Т. влияние его прекрасной родины, Оренбургской губернии. Это-то влияние обаятельной, девственной природы оренбургской, которую он всецело умел воспринять в себя и было одною из причин, побуждавших С. Т. к его художественному творчеству. Это-то, быть может, умение, — так тесно сжиться с нестареющей никогда природой, сохранило в нем до самой могилы всю живость юношеского воображения, всю силу зрелого разума, всю ясность мысли, одним словом, сделало его «нестареющим сердцем», как прекрасно выразился Русский Дневник в воспоминании о С. Т-че.

По окончании панихиды, кому-то из поминавших С. Т. пришла мысль посетить то место, где был некогда в Уфе дом Аксаковых и где родился С. Т-ч. С благодарностью принята была эта мысль и все, бывшие в церкви, отправились в Голубиную слободку, где действительно, по сказанию сторожилов уфимских, был дом, принадлежавший родителям С. Т-ча, в котором они жили несколько лет после брака. Место это и уже другой на нем дом, построенный вместо старого аксаковско-

го, сгоревшего в пожар в 1821 году, принадлежит ныне полковнику Краевскому. Но огромный сад при доме, заключающий в себе более 2-х десятин земли, с его старыми, чуть не столетними деревьями, несомненно говорят нам, что здесь-то провел свое первое детство С. Т.-ч. Особенно приковала к себе внимание всех более чем 100-летняя липа, величаво осеняющая один из флигелей, принадлежавших к нынешнему, тоже уже старому и запустелому дому. Невольно рисовалось давно прошедшее, рисовался и малютка, играющий в тени этой липы, быть может, в такой же жаркий день, каким был день 13-го июня. Находящиеся в саду, заброшенные и покрывшиеся зеленью пруды, наводили некоторых на мысль, что, может быть, пруды эти, бывшие тогда чистыми и светлыми, впервые поселили в ребенке страсть к уженью. Много тут перерисовалось, передумалось, но более всего перечувствовалось всеми, и никому не хотелось уйти из этого запустелого и заглохшего сада. Так было хорошо тогда в нем; столько жизни было тогда в этом окружающем запустении. Кто-то из присутствующих сказал: «не умер Сергей Тимофеевич; ежели б он умер так, как умирает большая часть людей, разве бы мы собрались сюда, разве бы нам было так хорошо здесь. Нет! Он живет в нас. Действительно, не умирают в памяти людей личности и для себя и для других. Мир праху твоему, отошедший в иной мир, собрат наш! мир праху твоему, наш первый студент Казанского университета¹.

¹ Печатается по тексту книги «Выбор статей из Оренбургских Губернских Ведомостей за 1859 г.», Уфа.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. И. Н. Крамской. Портрет С. Т. Аксакова. с. 2.
2. Озеро Кишпки. Фото Р. З. Каримова. 2 августа 1979 г. с. 82.
3. Н. Н. Ге. Портрет А. И. Герцена. с. 101.
4. И. Е. Репин. Портрет И. С. Аксакова. с. 110.
5. В. М. Васнецов. Портрет К. С. Аксакова. с. 118.
6. Кумысолечебный санаторий им. С. Т. Аксакова. На снимке Г. Ф. Гудков и Д. М. Курбанова (слева) — младший научный сотрудник башкирского республиканского краеведческого музея. Фото Р. З. Каримова. 25 июля 1978 г. с. 122.
7. Памятник С. Т. Аксакову в кумысолечебном санатории им. С. Т. Аксакова. с. 123.
8. Станция Аксаково. с. 128.
9. Усадьба С. Т. Аксакова в с. Надеждино (здание не сохранилось). с. 130.
10. Место, где была мельница на речке Сиушке в с. Надеждино. Фото Р. З. Каримова, 25 июля 1978 г. с. 133.
11. Дмитриевская церковь в с. Надеждино. Фото Р. З. Каримова. 25 июля 1979 г. с. 134.
12. Вид реки Демы. с. 141, с. 142.
13. Мавзолей Хусейн-бека. 1970 г. с. 150.
14. Закладка Аксаковского народного дома в г. Уфе 14(27) сентября 1909 года. С. 161.
15. Аксаковский народный дом. Фасад по улице Ленина. Ныне в этой части здания размещается Башкирский государственный театр оперы и балета. Фото Р. З. Каримова, 1981 г. с. 168.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Княжевичи	11
Глава II. Г. С. Винский	14
Глава III. П. И. Чичагов	23
Глава IV. Мертвого	26
Глава V. Зубовы	30
Глава VI. Бунины	40
Глава VII. Д. Е. Бенардаки	52
Глава VIII. Тимашевы	59
Глава IX. Э. А. Эверсманн	76
Глава X. Е. И. Барановский	83
Глава XI. И. С. Аксаков	99
Глава XII. К. С. Аксаков	112
Глава XIII. Потомки С. Т. Аксакова	120
Глава XIV. Деревня Глумилино	124
Глава XV. Почему умолк Куркул-даук?	135
Глава XVI. Аксаковская Дема	139
Глава XVII. Сказочные озера	148
Глава XVIII. Преданье старины глубокой	156
Глава XIX. Музей С. Т. Аксакова в городе Уфе	160
Приложение «Сергей Тимофеевич Аксаков»	171
Список иллюстраций	174

Гудков Георгий Федорович
Гудкова Зинаида Ивановна

С. Т. АКСАКОВ

Краеведческие очерки

Редактор *Ю. Андрианов*
Рецензент *М. Чванов*
Художник *А. Костин*
Художественный редактор *В. Ковалев*
Технический редактор *Г. Даугова*
Корректоры *В. А. Тимофеева, Т. Н. Горяйнова*

Сдано в набор 27. 07. 81. Подписано к печати 21. 09. 81.
Формат бумаги 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура
«Балтика». Печать высокая. Условн. печ. л. 6,43±0,07
вкл. Учет-издат. л. 6,08±0,03 вкл. Тираж 5000 экз.
П02319. Заказ № 242. Цена 20 коп.

Башкирское книжное издательство. Уфа-25, ул. Совет-
ская, 18. Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата
Башкирской АССР. Уфа-1, проспект Октября, 2.